

УДК 8:372.8
ISSN 2500-2953

2.2016

Rhema. Рема

Издается с 2002 г.

ВЕСТНИК МГГУ им. М. А. Шолохова
Серия «ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ»

ИЗДАТЕЛЬ:

Московский
педагогический
государственный
университет

ПИ № ФС 77-63323
от 09.10.2015 г.

Адрес редакции:
109240, Москва,
ул. В. Радищевская,
д. 16–18

Подписной индекс:
36733

в каталоге
«Газеты. Журналы»
ОАО «Роспечать»

С 9.10.2015 г. журнал называется
«Rhema. Рема»

Журнал входит в Перечень ведущих
рецензируемых научных журналов
и изданий Высшей аттестационной
комиссии (ВАК)

Электронная версия журнала:
www.mpgu.ru

ISSN 2500-2953

2.2016

Rhema. Рема

The journal
has been published
since 2002

**Vestnik of Sholokhov Moscow State
University for the Humanities:**
«PHILOLOGY» Series

THE PUBLISHER:
Moscow State
University
of Education

Renamed «Rhema. Рема» on 9.10.2015

**Mass media
registration
certificate**

**ИИ № ФС 77-63323
as of 9.10.2015**

E-mail: rhema.pema@gmail.com

Information on journal can be accessed via:
www.mpu.pf

Редакционная коллегия

Главный редактор

Антон Владимирович Циммерлинг – доктор филологических наук; научный руководитель Института современных лингвистических исследований Московского педагогического государственного университета; ведущий научный сотрудник сектора типологии Института языкознания РАН.

Заместитель главного редактора

Татьяна Юрьевна Журавлева – кандидат филологических наук; доцент кафедры русской литературы Института филологии и иностранных языков Московского педагогического государственного университета.

Ответственный секретарь

Мария Викторовна Королева – старший преподаватель кафедры теории преподавания иностранных языков факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. М.В. Ломоносова.

Татьяна Михайловна Воителева – доктор педагогических наук, профессор; профессор кафедры методики преподавания русского языка и литературы Московского государственного областного университета.

Сурен Тигранович Золян – доктор филологических наук, профессор; ведущий научный сотрудник Института философии, социологии и права Национальной Академии наук Республики Армения; член правления Европейского центра современных языков (Грац, Совет Европы); член Комитета Европейской хартии языков меньшинств или региональных языков (Страсбург, Совет Европы).

Илона Киш – PhD (филология); публицист, переводчик, эксперт ЮНЕСКО, главный редактор журнала «Русский квартал» Будапештского университета им. Лоранда Этвёша, эксперт по русской культуре венгерских издательств «Европа», «Магвето», «Типотекс».

Наталья Дмитриевна Котовчихина – доктор филологических наук, профессор; научный руководитель, директор Международного научно-методического центра по изучению литературного наследия М.А. Шолохова Московского государственного университета технологий и управления имени К.Г. Разумовского.

Екатерина Анатольевна Лютикова – кандидат филологических наук; доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, заведующая лабораторией общей лингвистики и теории грамматики Института современных лингвистических исследований Московского педагогического государственного университета.

Игорь Алексеевич Пильщиков – доктор филологических наук; ведущий научный сотрудник Института мировой культуры МГУ им. М.В. Ломоносова, старший научный сотрудник Эстонского гуманитарного института Таллиннского университета, главный редактор Фундаментальной электронной библиотеки «Русская литература и фольклор».

Владимир Александрович Плунгян – доктор филологических наук, профессор; член-корреспондент РАН; заведующий сектором типологии Института языкознания РАН, заведующий отделом корпусной лингвистики и поэтики Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН.

Наталья Вадимовна Сердобольская – кандидат филологических наук; заведующий лабораторией лингвистической типологии Института современных лингвистических исследований Московского педагогического государственного университета; старший научный сотрудник группы финно-угорских языков Института языкознания РАН; доцент Учебно-научного центра лингвистической типологии Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета.

Клара Эрновна Штайн – доктор филологических наук, профессор; профессор кафедры русского языка Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета.

Editorial Board

Chief Editor

Anton V. Zimmerling – PhD in Philology, professor of Moscow State University of Education, head of the Institute of Modern Linguistic Research, Moscow State University of Education, principal research fellow at the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences.

Deputy Chief Editor

Tatiana Yu. Zhuravleva – PhD in Philology, associate professor of the chair of Russian literature, Institute of Philology and Foreign Languages, Moscow State University of Education.

Executive Secretary

Maria V. Koroleva – Senior Lecturer at the chair of Theory of Teaching Foreign Languages, department of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University.

Ilona Kiss – PhD in Philology, publicist, translator, UNESCO expert, chief editor of the *Russian Quarter* journal of Budapest Eötvös Loránd University, expert on the Russian culture of Hungarian publishing houses *Europe*, *Magvető* and *Tipoteks*.

Natalia D. Kotovchikhina – PhD in Philology, professor of Moscow State University of Education, head of the International M. Sholokhov Studies Centre, Moscow State University of Technologies and Management named after K.G. Razumovskiy.

Ekaterina A. Lyutikova – PhD in Philology, associate professor at the Lomonosov Moscow State University, head of the Laboratory of General Linguistics and Grammar Theory, Institute for Modern Linguistic Research, Moscow State University of Education.

Igor A. Pilshikov – PhD in Philology, senior research fellow at the Institute of the World Culture, Lomonosov Moscow State University, senior research fellow at the Estonian Institute for the Humanities, Tallinn University, chief editor of the Fundamental Digital Library *Russian Literature and Folklore*.

Vladimir A. Plungyan – PhD in Philology, professor, member of the Russian Academy of Sciences, head of the Department of Typology of the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, head of the Department of Corpus Linguistics and Poetics, Vinogradov Institute of the Russian Language, Russian Academy of Sciences.

Natalia V. Serdobolskaya – PhD in Philology, associate professor of the Training and Research Centre for Linguistic Typology, Institute of Linguistics, Russian State University for the Humanities.

Clara A. Stein – PhD in Philology, professor at the chair of the Russian language, Institute for the Humanities, the North-Caucasus Federal University.

Tatyana M. Voiteleva – PhD in pedagogy, professor at the chair of the theory of the Russian language and literature teaching, Moscow State Regional University.

Suren T. Zolyan – PhD in Philology, professor and senior research fellow at the Institute of Philosophy, Sociology and Law of the Armenian National Academy of Sciences, board member of the European Centre for Modern Languages (Graz, the Council of Europe), Member of the European Charter for Regional or Minority Languages (Strasbourg, the Council of Europe).

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Н.В. Трофимова

Традиции древнерусской литературы в романе Е.Г. Водолазкина «Лавр»	7
---	---

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

И.В. Галина

Моделирование функционально-синонимичного переноса значений некоторых фразовых структур французско-русской языковой пары на материале патентных текстов	21
---	----

Ю.А. Ландер

Кабардинские обобщенно-уступительные конструкции	44
--	----

Е.А. Лютикова

Синтаксис аппозитивных относительных предложений	67
--	----

В.Н. Туяков

Некоторые особенности просодического оформления иронии в звучащей речи (на материале британского кино- и теледискурса)	88
--	----

НАШИ АВТОРЫ	102
-----------------------	-----

АННОТАЦИЯ И КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА	104
--------------------------------------	-----

LITERARY CRITICISM

- N. Trofimova*
Traditions of Old Russian literature in the novel «Lavr»
by E.G. Vodolazkin 7

LINGUISTICS

- I. Galina*
Modelling the functionally synonymous transfer of the meanings
of some phrase structures in the French-Russian language pair
based on the material of patents texts. 21
- Yu. Lander*
Kabardian universal concessive conditionals. 44
- E. Lyutikova*
Syntax of appositive relatives. 67
- V. Tuyakov*
Some prosodic realization of irony in British oral discourse
(based on british cinematographic and television discourse). 88

ABOUT THE AUTHORS 102

ANNOTATIONS & KEY WORDS 104

Н.В. Трофимова

Традиции древнерусской литературы в романе Е.Г. Водолазкина «Лавр»

В романе Е.Г. Водолазкина «Лавр» отражено мировоззрение русского средневековья, проявившееся в символике, в объяснении и понимании событий героями. Повествовательной основой романа служат сюжетные эпизоды отдельных житий и агиографические топосы. Судьбы и размышления персонажей произведения связываются с изречениями, заимствованными из сборника «Пчела». Значительны обращения к памятникам древнерусской переводной литературы. Средневековые тексты упоминаются, пересказываются, цитируются, создавая исторический колорит и иллюзию реальности событий и персонажей.

Ключевые слова: Е.Г. Водолазкин, «Лавр», средневековое мировоззрение, средневековая символика, роман-житие, житие, агиографический топос, «Пчела».

Роман «Лавр», вышедший в 2012 г., стал значительным событием в литературе, на которое откликнулись не только критики, но и литературоведы [Архангельская, 2013; Гримова, 2014; Неклюдова, 2015; Солдаткина, 2015]. Мнение о том, что «произведение выстроено по канонам древнерусской литературы» [«Лавр» пошел по стопам...] и представляет собой роман-житие, повторяется в работах, но, на наш взгляд, достаточного подтверждения не получило. Задачи данной статьи:

- 1) проанализировать основные особенности романа, связанные с древнерусской традицией;
- 2) установить наиболее значимые древнерусские источники текста и показать их функции;
- 3) выявить «общие места» древнерусских житий, использованные в романе;
- 4) назвать особенности произведения, не укладывающиеся в рамки средневековой традиции.

Е.Г. Водолазкин считает, что самая трудно воспринимаемая современным читателем черта средневекового мировоззрения – теоцентризм [Светлое Средневековье...], и он последовательно отражен в мировосприятии персонажей романа. Автор неоднократно обращает внимание на верования героев, например: *Христофор не то чтобы верил в травы, скорее, он верил в то, что через всякую траву идет помощь Божья на определенное дело. Так же, как идет эта помощь и через людей. И те, и другие суть лишь инструменты* [Водолазкин, 2015, с. 18]. В связи с этим чудеса и видения, как и в древнерусской литературе, становятся неотъемлемой частью повествования.

Заметны в произведении черты средневекового историзма. Хотя автор акцентирует мысль о том, что его роман «неисторический», но события происходят на историческом фоне с точным упоминанием дат. Родился герой 8 мая 6948 (1440) г. в день памяти Арсения Великого, 18 августа 7028 (1520) г. его тело переносят согласно его последней воле. Даты названы так, как их называли в древнерусских памятниках: и по мирскому, и по церковному, либо только по мирскому календарю. Упоминание памяти святого в первом случае важно, поскольку его имя дано главному герою. Во втором случае церковная дата не упоминается, между тем это Предпразднование Преображения Господня, одного из двенадцатых праздников. Преображение, вероятно, предстоит и Лавру, ибо в Прологомене неслучайно сказано, что «он не собирался пребыть в теле вечно» [Там же, с. 9].

Используется в романе, как и в древнерусской литературе, относительная хронология. Например, две недели лечил Арсений больных в Великом селе, два дня и две ночи спит он после выздоровления Сильвестра. Три дня и три ночи читает Арсений молитвы о душе усопшего младенца Анфима на кладбище, через три дня уходит он из теплой кельи, куда его поместили монахини на время лютой стужи. После выздоровления избитого калачником Устина проходит четыре дня, пока он заново привыкает к жизни вне монастырской кельи. В ночь на четвертый день пребывания в Киеве Арсений и Амброджо отправляются в Печерский монастырь. На пятый день начинает поправляться Ксения в Белозерске, пять дней и ночей Арсений лечит Сильвестра, на седьмой день мальчик открывает глаза. Семь дней и семь ночей плачет Арсений, провидя смерть отца. На седьмой день к выздоровевшему Устину приходит калачник Прохор, постившийся семь дней, и приносит калач. Арсений, возвратившись во Псков, семь дней и семь ночей жил у посадника Гавриила. По окончании мора в Пскове он спал пятнадцать дней и пятнадцать ночей. Таким образом, роман пользуется способами обозначения времени, характерными для древнерусской историографии, создавая иллюзию историзма.

Исторический колорит создают детали быта – крестьянского, купеческого, княжеского, монастырского. Это описание укрепления дома, которое

предпринял Христофор, получив в монастыре подтверждение своей скорой смерти, описания избы и колодца в Великом селе, езды в княжеских санях в Белозерск, устройства княжеских палат и т.д. Описания страшных картин чумного мора тоже достоверны: они исходят из кратких рассказов летописей [Новгородская I летопись..., с. 363, 384, 408]. Топонимика романа отличается детальностью, свойственной древнерусским повествованиям. Перемещения героя по Руси и в Иерусалим отмечаются названиями деревень, сел, городов, рек.

Имена и главного, и второстепенных героев имеют символическое значение. Имя Арсений, данное ребенку при крещении, означает «мужественный», а некоторые события из житий двух святых, носивших это имя, Арсения Великого и Арсения Новгородского, прямо повторяются в эпизодах романа. Имя Устин, принятое героем в память об умершей любимой, означает «справедливый» и определяет суть его жизни в период юродства. Полученное при пострижении в Кирилло-Белозерском монастыре имя Амвросий значит «бессмертный, божественный», оно определяет направление духовного развития героя и совпадает с крестильным именем Арсения Новгородского. Святитель Амвросий Медиоланский был наделен даром чудотворения и излечил многих людей, как и Арсений. Наконец, последнее имя, давшее название роману, – Лавр – означает вечную жизнь и связано с достижением героем поставленной цели – спасения души Устины. Имя спасенной героем Анастасии значит «возвращенная к жизни», а святую покровительницу девушки называют «Узорешительницей», и оба этих именованья связаны с искуплением вины Арсения.

Из родных Арсения имя есть только у деда, который растил мальчика «лет с восьми», – Христофор, т.е. «исповедующий веру Христову», «несущий Христа». Именно он увидел и понял необычные черты ребенка, заложил основу его взглядов на жизнь и передал ему свои знания. Исследователи уже отметили, что один из эпизодов романа связан с западным вариантом жития Св. Христофора [Неклюдова, 2015 с. 122], и этот эпизод перекликается со сценой романа. В дальних походах за травами Христофор нес уставшего Арсения на спине в холщовой сумке, и эту картину видит Лавр в конце жизни во сне в своей пещере...

Имена Христофора и Арсения связаны с историей Кирилло-Белозерского монастыря, вблизи которого начинается жизнь героя и в котором он принимает постриг и схиму. Христофор был одним из игуменов монастыря [Шибяев, 2014, с. 121], а имя Арсений носили несколько монахов, писавших книги [Новикова, 2014, с. 192–200]. Прозвище «Рукинец» обнаружено автором романа в одной из Палей, написанных в Кирилло-Белозерском монастыре [Водолазкин, 2014, с. 286–309]. Имя старца Иннокентия, наставника и собеседника Арсения, возможно, связано с именем ученика Нила Сорского, пришедшего вместе с учителем в Кирилло-Белозерский монастырь, а затем жившего в келье на реке Соре [Юхименко, 2014, с. 425]. Из «отходной» кельи беседует Иннокентий с героем

и в романе. Таким образом, имена героев связаны с историей и несут на себе определенное значение и символические ассоциации.

Некоторые средневековые произведения прямо упоминаются в романе: апокрифы о Соломоне и Китоврасе, «Сказание об Индийском царстве», особенно настойчиво «Александрия», которую автор неоднократно цитирует. Такое внимание к этому произведению становится ясным из слов старца, обращенных к Арсению у Гроба Господня: *Не уподобляйся лишь любимому тобой Александру, имевшему путь, но не имевшему цели* [Водолазкин, 2015, с. 364]. Очевидно и неоднократное обращение к тексту древнерусских лечебников, использованных в рассказе о знаниях, которые Христофор передал внуку.

Повествуя Арсению о сотворенном Богом мире, Христофор использует сведения «Физиолога» о льве [Физиолог, с. 474] и харадре [Белова, 2001, с. 262], рассказ о фениксе соединяет тексты из «Физиолога» [Физиолог, с. 476] и «Сказания об Индийском царстве» [Сказание об Индийском царстве, с. 466].

Значительную роль играют в романе записи Христофора, разнообразие типов которых подчеркивает автор: сведения из книг, собственные наблюдения, «врачевательные молитвы, состав лекарств, описания трав, сведения о природных аномалиях, приметы погоды и короткие назидательные высказывания» [Водолазкин, 2015, с. 40]. Выбранные Арсением записи иллюстрируются тремя примерами, один из которых, из «Скитского патерика», имеет прямое отношение к будущему Арсения: «Не имей дружбы с женою, да не сгориши огнем» [Слово...].

Ряд афоризмов, рассыпанных по тексту романа, взят из древнерусского сборника «Пчела», причем неоднократно они появляются группами. Первая группа их [Пчела, 1981, с. 518, 492, 488, 490] помещена в грамотах Христофора, которые читает Арсений после смерти деда, перед появлением Устины [Водолазкин, 2015, с. 66]. Четыре изречения как будто не имеют прямого отношения к главному герою и событиям, происходящим далее. Однако названия разделов, в которых помещены эти афоризмы в сборнике «Пчела» («О женщинах», «О братской любви и дружбе», «О жизненной добродетели и о злобе», «О правде») определяют те проблемы, с которыми столкнется в своей жизни главный герой. Пятое изречение – из книги Притч Соломоновых: «Трие ми суть невозможная уразумети, и четвертаго не вем: следа орла, паряща по воздуху, и пути змия ползуща по камени, стези корабля плывуща по морю и путей мужа в юности его» (Пр. 30:19). Только этот афоризм приведен автором на церковнославянском языке. Именно в этом варианте он соответствует сути романа, ибо в современном переводе вместо «путей мужа в юности его» читаем «и пути мужчины к девице», и этот перевод обеднил бы смысл произведения. Автор комментирует изречение: *Этого не понимал Соломон. Этого не понимал Христофор. Как показала жизнь, этого не понимал и Арсений* [Там же, с. 66].

Вторая группа изречений, взятых из сборника «Пчела», помещена в «Книге отречения» в эпизоде чтения грамот Христофора Арсением Ксении и Сильвестру и состоит также из пяти афоризмов [Пчела, 1989, с. 210, 213, 222, 232, 221].

Третью группу афоризмов находит в грамотах Христофора Жила, взявший у убитого им товарища шубу Арсения. Здесь ключевым афоризмом оказывается первый, взятый из Псалтири: «Давыд рече: смерть грешников люта» (Пс. 33:22). Этот афоризм Устина напоминает Жиле позже, когда тот собирается взять драгоценные украшения из могилы дочери посадника. Затем следуют изречение Соломона, вопрос и ответ из «Вопрошания Кирика Новгородца», имеющий прямое отношение к главной теме романа – искуплению греха, три афоризма из книги «Пчела» [Там же, с. 205, 217; «Пчела», или Главы..., с. 49], последний из которых, иронически переосмысленный, связан с судьбой Жилы. Порядок изречений тот же, что в каждом из разделов книги «Пчела»: сначала приведены библейские афоризмы, а затем изречения древних мудрецов или безымянные.

Система введения в текст группы цитат из авторитетных источников была хорошо знакома древнерусской литературе, особенно в эпоху «плетения словес», в частности, в житиях, написанных Епифанием Премудрым, могли соединяться до пяти цитат в связи с одной мыслью.

Получив в монастыре пророчество о скорой смерти, Христофор перечитывает свои записи, в том числе «книги Аврамовы не от Священных писаний». По просьбе внука он читает ему рассказ о смертном видении Аврааму. Это краткий фрагментарный пересказ апокрифа «Смерть Авраама» [Смерть Авраама, с. 103], повествующего о посольстве архангела Михаила от Бога к Аврааму с пророчеством о смерти и явлении ему смерти. Точно цитируются слова Авраама из апокрифа: *...отойди от меня, ибо, как увидел тебя, пришла душа моя в смятение. Не могу вынести твоей славы и вижу, что красота твоя не от мира сего* [Водолазкин, 2015, с. 56]. Этот же апокриф упоминается среди книг, которые читает Арсений над мертвой Устиной.

В рассказе о переписывании Амвросием книг в Кирилловом монастыре автор приводит три новеллы о смерти. Первая, взятая из Киево-Печерского патерика, рассказывает о том, как по просьбе инок Марка, не успевшего выкопать могилу, умерший монах прожил еще сутки до того, как она была готова [Киево-Печерский патерик, с. 564–566]. Вторая представляет собой пересказ новеллы из «Измарагда» о воине, умершем, не успев покаяться в блуде, возвращении его на землю и покаянии [Из «Измарагда», с. 66–68]. Третья повествует о посмертном спасении души царя Феофила-иконоборца молитвами святителей по просьбе его жены Феодоры. Это краткий пересказ истории Феофила из Синаксаря Первой недели Великого Поста [Синаксарь]. Все эти отрывки прямо связаны с судьбой главного героя, поскольку говорят о смирении даже за гробом,

о возможности искупления смертного греха покаянием, о спасении души посмертной молитвой.

Таким образом, и афоризмы, и сюжетные фрагменты, заимствованные из древнерусских памятников, связываются с личностью главного героя, его размышлениями о своем пути.

Неоднократные упоминания о необычных людях, живущих в различных частях Вселенной, начинаются с чтения Арсением «Александрии», продолжают изучением в Белозерске некоей «немецкой рукописи» вместе с купцом Афанасием Блохой [Водолазкин, 2015, с. 148], содержатся в расспросах о живущих в разных землях по пути в Иерусалим [Там же, с. 262, 282–283], в рассказах брата Гуго [Там же, с. 305]. Источниками сведений были Хронограф 1617 г. [Из Хронографа..., с. 518–522] и «История монголов» Плано Карпини [Путешествия...]. Эти рассказы подчеркивают мысль о неисчерпаемости жизненных явлений, бесконечном пространстве мира и, в конечном итоге, связаны с мотивом выбора пути, который проходит через весь роман.

Произведение наполнено прямыми и косвенными отсылками к житийным текстам. Прежде всего, это жития небесного покровителя героя – Арсения Великого и Арсения Новгородского. Мысль Арсения Великого вспоминает герой над телом убитого Жилой человека, сознавая, что сказанные им слова привели к его смерти: *Помнил ведь Арсения Великого, неоднократно сожалевавшего о словах, которые произносили уста его, но ни разу не сожалевавшего о молчании* [Водолазкин, 2015, с. 162]. (В житии: «Множицею о глаголю, его же провѣщахъ, каяхся, а о молчании никогда же» [Житие преподобного отца нашего Арсения Великого, л. 398]).

Завет о погребении, данный Лавром (*Привяжите к ногам веревку и тащите его [тело] в болотную дебрь на растерзание зверям и гадам* [Водолазкин, 2015, с. 433]), прямо соотносится с просьбой Арсения Великого: «Въпросиша же ученицы: Отче, како погребемъ тя? Онъ же рече им: не умѣете ли за нозѣ вервми оцѣпивши повлещи въ гору» [Житие преподобного отца нашего Арсения Великого, л. 398].

Есть совпадения и в жизни персонажей: как и Арсений Великий, герой романа уходит от славы, почета и богатства, как и он, уединяется в келье, ища общения лишь с Богом. Но искупление его греха не могло быть завершено вне влияния на человеческие жизни, поэтому Лавр, даже приняв схиму, не мог полностью повторить судьбу своего небесного покровителя.

Яркий эпизод, содержащийся в романе: Арсений не препятствует детям во Пскове прибавать его одежду гвоздями к мосту – находит прямую аналогию в «Житии Арсения Новгородского» [Руди, 2008, с. 453].

Эпизод с попыткой Жилы ограбить могилу дочери посадника сходен с фрагментом «О могильном воре» из «Жития Андрея Юродивого» [Житие Андрея

Юродивого, с. 353–355] и «Словом о возграбившем мертвых и паки спасшемся покаянием» из «Пролога» [Державина, 1980, с. 271–272].

Весь рассказ о том, как студеной зимой Арсений пытался выжить, избитый человеком, которому он помог, и о видении, вернувшем его, замерзающего, к жизни, почти дословно воспроизводит текст «Жития преподобного Прокопия Устюжского» [Житие преподобного Прокопия Устюжского]. Покажем на примере видения работу автора с древнерусским источником (таблица 1).

Таблица 1

Житие Прокопия Устюжского	Роман «Лавр»
И по семь внезапно очутихъ себѣ нѣкую теплоту и отверзохъ очи мои и видѣхъ нѣкоего юношу стоящи близѣ мене, видѣниемъ прекрасна зѣло, лице его бяше свѣтяшеся яко лучъ солнечный, имея в руцѣ своей яко вѣтвь нѣкую, всякимъ цвѣтомъ червленнымъ и бѣлороснымъ исполнена, не такова же суть вѣтвь та, якоже вѣтвь мира сего прелестнаго, но испестрена нѣкако инемъ цвѣтомъ и видениемъ. Прекрасный же онъ юноша, держа в руцѣ своей оную вѣтвь, воззрѣ на мя и глагола ми: о Прокопие, гдѣ еси нынѣ пребываеши? Азъ же глаголахъ ему: сѣжу во тмѣ окованъ желѣзы и сѣни смертной. Той же юноша глагола ми: о Прокопие, како ты глаголеши ми? И удари мя тою цвѣтною вѣтвию в лицѣ мое, и глагола ми паки: о Прокопие, прими си животь непобѣдимый всему своему тѣлу и очищение и разрешение болѣзни твоя от зимняго сего великаго мразу. В той же часъ вниде в сердце мое воня цвѣтная. Благообразный же онъ юноша, яко молния свѣтла, отиде от мене и невидимъ бысть» [Житие преподобного Прокопия Устюжского, с. 54–55].	<i>И когда Арсений так подумал, он ощутил, что постепенно его наполняет изнутри тепло.</i> <i>Открыв глаза, Арсений увидел перед собой юношу, прекрасного видом.</i> <i>Его лицо светилось, как солнечный луч, и в своей руке он держал ветвь, усыпанную алыми и белыми цветами.</i> <i>Эта ветвь не была похожа на ветви тленного мира, и красота ее была неземной.</i> <i>Прекрасный юноша, державший в руке ветвь, спросил:</i> <i>Арсение, где ныне пребываеши?</i> <i>Сажу во тьме, окован железом, в сени смертной, ответил Арсений.</i> <i>Тогда юноша ударил Арсения ветвью по лицу и сказал:</i> <i>Арсение, прими жизнь непобедимую всему твоему телу и очищение и прекращение твоих страданий от великой сей стужи.</i> <i>И с этими словами в сердце Арсения вошло благоухание цветов и жизнь, дарованная ему во второй раз.</i> <i>Когда же он поднял глаза, то обнаружил, что юноша стал невидим [Водолазкин, 2015, с. 204].</i>

В соответствии с ходом романа рассказ о видении ведется не от первого лица, как в житии, а от лица автора, который переводит на современный язык древнерусский текст или в отдельных случаях пересказывает его. Сходство с древним повествованием подчеркивается почти полным отсутствием знаков, оформляющих прямую речь в современных текстах, причем эта система проводится во всем романе. Сходный принцип цитирования/пересказа житийных текстов часто применяется автором в случаях использования агиографического материала.

Целый ряд прямых совпадений обнаруживается в романе с «Житием Василия Блаженного». Истории с опрокинутыми калачами Прохора и вылитыми кружками в корчме вырастают из упоминания об обычаях блаженного Василия [Руди, 2009, с. 124]. Автор романа создает вымышленные ситуации на основе отдельных деталей житийного текста. Находит аналогию в том же житии и рассказ о том, как, вылив чашу драгоценного вина, налитую посадником, герой залил пожар в Новгороде [Там же, с. 124–125], только в житии чаш две, а предлагает их блаженному не посадник, а царь. В слегка измененном виде появляется эпизод о деньгах, отданных, против ожидания, купцу, а не нищим [Там же, с. 127]. Царь в романе заменяется посадником Гавриилом, деньги Арсений отдает не иноземному, а разорившемуся псковскому купцу. Практически полностью взят из «Жития Василия Блаженного» эпизод, в котором Устин забрасывает камнями жилища добродетельных горожан и целует углы домов грешников [Там же, с. 128–129].

Смысл всех поступков разъясняет посаднику не сам блаженный, в силу его молчания, а юродивый Фома, при этом значение эпизодов, раскрывающих дар провидения и чудотворения, данный герою, остается тем же, что и в житии. Юродивый Фома играет роль, согласно типам, выделенным Т.Р. Руди, «конфидента или наперсника» [Руди, 2008, с. 459] главного героя. Он наделен даром пророчества, он один понимает поступки Устина и разъясняет их окружающим, пророчесствует о будущем главного героя.

У второстепенных героев тоже есть житийные прототипы. Для юродивых Фомы и Карпа ими были блаженные Николай Кочанов и Феодор, жившие одновременно в Новгороде в XIV в. В житиях блж. Феодора и Николая повествуется о мнимой вражде юродивых, преследовавших друг друга по водам Волхова [Блаженный Феодор...]. Мотив хождения юродивого по воде есть и в Житии Василия Блаженного [Руди, 2009, с. 132–133].

Мотив необычных свойств хлеба, полученного с благословением из рук святого, содержится в двух источниках: житии Прохора-лебедника в «Киево-Печерском патерике» и «Житии Юлиании Лазаревской». Этот мотив звучит в эпизоде прихода калачника к Устину. Прохор, прося прощения, приносит калач, который Устин, как и в последующее время, отдает стоящим у монастыря

«небогатым людям». Со временем за калачами приходят не только бедняки, но и богатые, и сам посадник с семейством, узнавшие о чудесных свойствах хлеба, полученного от Устина.

Наряду с конкретными источниками в романе использовано большое количество топосов, происходящих из житий юродивых и преподобных [Руди, 2008, 2009], поскольку жизненный путь Арсения вместил и тот, и другой тип подвижничества, так же как жизнь Арсения Новгородского.

Первый топос – одежда Арсения, чужие лохмотья, в которых его тело тоже кажется ему чужим. Вместе с отказом от крестильного имени и молчанием – это первый шаг его к юродству. Позже, когда ему отдают теплый тулуп, он оставляет его как ненужную вещь, а затем, одетый посадником в богатую одежду, делает так, что его раздевают в корчме, а он вновь с облегчением надевает старую одежду. Этот аскетический мотив свойствен также житиям преподобных, как и мотив нестяжания: Лавр уходит из монастыря, взяв с собой лишь краюху хлеба [Руди, 2006, с. 476–477].

На пароме переправляющиеся называют Арсения «человеком Божиим», паромщик не берет с него денег и говорит ему: *Плавай, аще хоцещи, человеце Божий. Мню, яко посещение твое благо есть* [Водолазкин, 2015, с. 178], и это убеждение совпадает с древнерусскими представлениями. Юродивый Фома адресует герою слова, представляющие собой перефразированные цитаты из 1 Послания к коринфянам апостола Павла: *Ты и есть юродивый, иже избра себе житие буйственное и от человек уничиженное* [Там же, с. 179; см.: Руди, 2009, с. 123].

Как все юродивые, днем Устин совершает неожиданные поступки, а ночью молится. С ночными молитвами связывается аскетический мотив житий преподобных – Арсений отдает себя на съедение комарам. За неожиданные поступки герой подвергается побоям и чуть не умирает сначала после столкновения с калачником Прохором, а потом – избитый человеком, которому он помог дойти до дома. Т.Р. Руди отмечала, что «мотив оскорблений и “биений” юродивых парадоксальным образом... соединяется в агиографической традиции с мотивом неприкосновенности этих угодников Божиих» [Руди, 2008, с. 455]. В романе этот мотив присутствует в разговоре завеличских жителей с юродивым Фомой [Водолазкин, 2015, с. 194].

Использован в произведении и целый ряд мотивов, общих для житий юродивых и преподобных [Руди, 2008, с. 461–483]. Так, мотив наделенности героя даром пророчества проходит на протяжении всего произведения, начиная с пророчества Арсения о смерти отца. Мотив «нежелания славы от человек» проявляется сначала в рассказе о жизни Арсения в Белозерске, когда он прямо говорит: *Слава моя одолела меня, гнет к земле и мешает беседовать с Ним* [Водолазкин, 2015, с. 155], а в конце жизни в уходе из общежительного

монастыря, где к нему постоянно шли люди, в уединенную келью. Характерен и мотив труда героя на поварне, куда Амвросий идет работать по своей воле. В этом фрагменте звучит цитата из «Жития Кирилла Белозерского»: «Терпи огонь сий,... да сим пламенем вечного огня избудеши» [Житие Кирилла Белозерского, с. 144], которая была отмечена в статье о «поварне» древнерусских житий автором романа [Водолазкин, 1993, с. 231]. Топос преподобнических житий встречается в подробном рассказе о принятии Амвросием схимы: игумен «крестообразно остриг две пряди с головы Амвросия, чтобы вместе с волосами тот оставил долу влекущие мудрования» [Водолазкин, 2015, с. 401; см.: Руди, 2006, с. 455–456].

Общим местом для всех типов житий были прижизненные чудеса. Даром чудотворения наделены многие герои произведения, в первую очередь Христофор и Арсений. В последний период жизни Лавр не только исцеляет, но и изгоняет бесов.

Мотив, который не рассматривается обычно как топос, но присутствует в ряде житийных памятников, – приход дикого зверя к герою. В начале жизни именно Арсений, а не его мудрый дед, понимает, что волк пришел жить около них и не представляет опасности. Волк спасает потом ценой собственной жизни деда и внука. В конце жизни героя к нему приходит медведь, которого Лавр кормит, а в особенно холодные дни – пускает в пещеру погреться. Этот мотив известен по рассказу об авве Герасиме и льве из Синайского патерика, по житиям Сергия Радонежского, Никандра Псковского и Серафима Саровского. Он был своеобразным подтверждением святости героя и знаменовал собой подчинение всех зверей в Раю Адаму до грехопадения.

Стилистическими топосами наполнена речь настоятельниц монастыря Иоанна Предтечи, на земле которого живет Устин. К примеру: *Во дни раб Божий Устин мирови смеется, нощию же мир оплакивает* [Водолазкин, 2015, с. 211; см.: Руди, 2008, с. 451].

Таким образом, жития стали основным сюжетным и отчасти стилистическим источником романа.

Е.Г. Водолазкин прямо указал основной источник описания путешествия Арсения и Амброджо в Святую Землю – путешествие Николая Радзивилла XVI в., но заметил, что консультировался и с исследователем хождений И.В. Федоровой [«Лавр» пошел по стопам...]. Действительно, эта часть романа связана с традицией древнерусских хождений. Отмечаются основные пункты на пути, расстояния между ними иногда точно в днях, иногда приблизительно. Для изображения природных объектов используются сравнения с аналогичными на Руси (Днепр в Орше не шире Великой). Описываются встречи и опасности, которые всегда подстерегали путников в ту эпоху и о которых рассказывали древнерусские паломники.

Многообразие источников и их соединение напоминают древнерусские объединяющие жанры, не воспроизводя в то же время ни один из них. Можно назвать только один древнерусский памятник, так же последовательно и концентрированно цитирующий предшествующие тексты, – «Слово» Даниила Заточника. Но оно не имеет сюжета как такового и представляет собой произведение лирико-риторическое.

Сочетание разговорного и церковнославянского языков, использованное в романе, также практиковалось древнерусскими памятниками, но в ту эпоху эти языковые сферы еще не отстояли так далеко друг от друга, как в современности.

В романе есть и черты, противоречащие древнерусской традиции. В начале произведения жизнь Арсения развивается не по житийным, а по романным законам. Его необычные способности были замечены уже тогда, когда он был ребенком, и это житийный топос. Умирая, дед советовал ему: *Лечи людей травами, тем и прокормишься. А лучше иди в монастырь, буди тамо свещою Господеву* [Водолазкин, 2015, с. 58]. Внук выполнил только первую часть завещания деда. Его удерживали в миру память о Христофоре, любовь к нему, а затем пришла любовь к Устине. По логике агиографического повествования Арсений, наделенный даром облегчать страдания больных и обученный дедом искусству травника, должен был подвизаться как монах, подобный помнимому им Агапиту, безмездному врачу, о котором рассказывает Киево-Печерский патерик. Ослушавшись деда, он оказывается во власти греха, который должен искупить.

Любовная линия Арсений – Устина не укладывается в рамки древнерусских представлений, поскольку любовь в памятниках того времени присутствовала как супружеская, идеальная, либо как блуд. Сама любовная ситуация, изображенная в романе, могла рассматриваться только как греховная, неизбежно ведущая к Божьей каре. Арсений боится людской молвы и отказывает Устине до родов в утешении и помощи, которые могли ей принести исповедь и причастие. Вместе с тем, сам совершив грех и не покаившись в нем, он теряет право на высшую помощь. Устина просит о том, что ей необходимо, – возможности причаститься, а затем напоминает о необходимости найти повивальную бабу, но Арсений надеется на уроки Христофора и составленную им грамоту о принятии родов, т.е. попросту на собственные силы. И его гордыня приводит к трагическим последствиям. Герой наделен мирским сознанием, которого не могло быть у человека XV столетия.

Иначе говоря, сама завязка центрального сюжета не соотносена с традицией древнерусской литературы, а психология героя в юности воспроизводит психологию человека современного, а не средневекового. Нет в древнерусских памятниках и описаний плотской любви, состояния беременности, родов, которые в деталях приводятся в романе. Это дань современности.

Только смерть Устины заставила героя понять духовное значение происшедших событий, раскаяться и взять на себя ответственность за душу умершей женщины. После разговора со старцем Никандром он уповает уже не на собственные силы и знания, а на Божью помощь. Дальнейшее повествование – о пути превращения земной грешной любви в любовь небесную, пренебрегающую мирским судом и мирскими ценностями, – воспроизводит во многом житийную схему и прямо опирается на житийные образцы.

Еще одна черта, не характерная для древнерусской житийной традиции, – ирония по отношению к «положительным» героям, которая проявляется в высказываниях и автора, и персонажей, часто вторгаясь в трагические и «высокие» события и размышления. После описания попытки Арсения летать, приведшей к перелому ноги, следует такой текст: *Знаю, что собираешься на небо, сказал с порога кельи старец Никандр. Но образ действий твой считаю, прости, экзотическим. В свое время я расскажу тебе, как это делается* [Водолазкин, 2015, с. 22].

В сцене чтения Псалтири над умершим Христофором уставший Никандр, передав книгу Арсению, засыпает рядом с покойным. *Оба были одинаково неподвижны, и оба как бы мертвы... Временное омертвление Никандра было проявлением солидарности. Чтобы поддержать Христофора, он решил продолжить с ним первые шаги в смерть. Потому что первые шаги – самые трудные* [Там же, с. 60]. Перечисление сходных примеров можно продолжать. Во всех случаях иронический тон поддерживается вкраплением в текст слов и фразеологизмов-анахронизмов, относящихся к новейшему пласту языка.

Наряду с подобными фрагментами появляются видения Амброджо, рассказывающие о событиях далекого будущего и имеющие слабую связь с основным сюжетом, цитаты из произведений писателей XIX–XX вв.: А. Сент-Экзюпери, М.А. Булгакова, пародированные строки Н.В. Гоголя и А.С. Пушкина и т.д. Все эти особенности связаны с современной литературной традицией.

Таким образом, создавая произведение на вечную тему, автор использовал широкий круг источников как средневековых, так и более поздних, подчинив их единому замыслу и оформив стилем, соединяющим в себе противоречивые элементы. Смена стилей и авторская ирония придают тексту современный романский облик, в то время как древнерусские источники определяют сюжетные ходы, приемы создания образов произведения и составляют прочную историко-культурную основу повествования.

Библиографический список

Архангельская, 2013 – Архангельская А.В. Время древнерусское и современное в романе Евгения Водолазкина «Лавр» // Материалы научной конференции «Ломоносовские чтения» 2013 г. Междунар. научной конференции студентов, аспирантов

и молодых ученых «Ломоносов–2013» / Под ред. М.Э. Соколова и др. Севастополь, 2013. Т. 1., С. 113–114.

Белова, 2001 – Белова О.В. Славянский бестиарий: Словарь названий и символики. М., 2001.

Блаженный Феодор – Блаженный Феодор, Христа ради юродивый. Блаженный Николай Качанов, Христа ради юродивый // Жития Святых земли Русской. СПб.; Приозерск, 2004. С. 222, 225–226.

Водолазкин, 1993 – Водолазкин Е.Г. Монастырский быт в агиографическом изображении: («Поварня» древнерусских житий) // Тр. Отдела древнерусской литературы. СПб., 1993. Т. XLVIII. С. 231.

Водолазкин, 2014 – Водолазкин Е.Г. Из истории Кирилло-Белозерских Палей // Книжные центры Древней Руси: Книжники и рукописи Кирилло-Белозерского монастыря / Под ред. Н.В. Поньро, С.А. Семячко. СПб., 2014. С. 286–309.

Водолазкин, 2015 – Водолазкин Е.Г. Лавр. М., 2015.

Гримова, 2014 – Гримова О.А. Нарративная интрига в романе Е.Г. Водолазкина «Лавр» // Narratorium. 2014. № 1 (7). URL: <http://narratorium.rggu.ru/article.html?id=2633119> (дата обращения: 30.12.15).

Державина, 1980 – Державина О.А. Древняя Русь в русской литературе XIX века. Пролог. Избранные тексты. М., 1980. С. 271–272.

Житие Андрея Юродивого – Житие Андрея Юродивого // Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, Н.В. Поньро. Т. 2. XI–XII вв. СПб., 2004. С. 353–355.

Житие Кирилла Белозерского – Житие Кирилла Белозерского // Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, Н.В. Поньро. Т. 7. Вторая половина XV века. СПб., 1999. С. 132–217.

Житие преподобного отца нашего Арсения Великого – Житие преподобного отца нашего Арсения Великого // Свт. Димитрий Ростовский. Жития святых. Кн. 3. Март, апрель, май. Киево-Печерская лавра, 1764. Лл. 390 об. – 398 об.

Житие преподобного Прокопия Устюжского – Житие преподобного Прокопия Устюжского. СПб., 1893.

Из «Измарагда» – Из «Измарагда» // Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI века. М., 1985. С. 66–68.

Из Хронографа... – Из Хронографа 1617 г. // Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, Н.В. Поньро. Т. 14. Конец XVI – начало XVII века. СПб., 2006. С. 518–522.

Киево-Печерский патерик – Киево-Печерский патерик // Памятники литературы Древней Руси. XII век. М., 1980. С. 564–566.

«Лавр» пошел по стопам Льва Толстого – «Лавр» пошел по стопам Льва Толстого // Россия – Узбекистан. Вести.Uz. URL: http://vesti.uz/index.php?option=com_content&view=article&id=49159 (дата обращения: 30.12.15).

Неклюдова, 2015 – Неклюдова О.А. Карта контекстов. Роман Е. Водолазкина «Лавр» // Вопросы литературы. 2015. № 4. С. 119–130.

Новгородская I летопись... – Новгородская I летопись младшего извода / Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. 3.

Новикова, 2014 – Новикова О.Л. Чернец Арсений и рукописи XV в. из Кирилло-Белозерского монастыря // Книжные центры Древней Руси: Книжники и рукописи Кирилло-Белозерского монастыря. СПб., 2014. С. 192–200.

Путешествия... – Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука / Пер. А.И. Малеина. М., 1957.

«Пчела», или Главы поучительные... – «Пчела», или Главы поучительные из Писания, святых отцов и мудрых мужей / Пер., предисл. и примеч. П.К. Доброцветова // Альдебаран. Электронная библиотека книг. URL: http://aldebaran.ru/author/sbornik/kniga_pchela_ili_glavy_pouchitelnyie_iz_pisan/ (дата обращения: 7.01.16).

Пчела, 1981 – Пчела // Памятники литературы Древней Руси. XIII век. М., 1981.

Пчела, 1989 – Пчела // Мудрое слово Древней Руси. М., 1989.

Руди, 2006 – Руди Т.Р. О композиции и топике житий преподобных // Тр. Отдела древнерусской литературы. СПб., 2006. Т. 57. С. 431–500.

Руди, 2008 – Руди Т.Р. О топике житий юродивых // Тр. Отдела древнерусской литературы. СПб., 2008. Т. 58. С. 443–484.

Руди, 2009 – Руди Т.Р. Об одной талмудической параллели к «апокрифическому» Житию Василия Блаженного. Приложение // Тр. Отдела древнерусской литературы. СПб., 2009. Т. 60. С. 103–136.

Светлое Средневековье... – Светлое Средневековье Евгения Водолазкина. Известный писатель о вере, книгах и жизни // Фома. 2015. 4 (144). С. 6–11.

Синаксарь – Синаксарь. Первая неделя Великого поста. Торжество православия // Православие.ru. URL: <http://www.pravoslavie.ru/1854.html> (дата обращения: 7.01.16).

Сказание об Индийском царстве – Сказание об Индийском царстве // Памятники литературы Древней Руси. XIII век. М., 1981. С. 466.

Сказание, как сотворил Бог Адама – Сказание, как сотворил Бог Адама // Памятники литературы Древней Руси. XII век. М., 1980. С. 150.

Слово... – Слово 26. Заповедий 12 св. отца Стефана // Патерик скитский. Гл. собрание библиотеки Троице-Сергиевой лавры. № 37. Л. 121.

Смерть Авраама – Смерть Авраама // Апокрифы Древней Руси. Тексты и исследования. М., 1997. С. 103.

Солдаткина, 2015 – Солдаткина Я.В. Развитие отечественного историософского романа: Б.Л. Пастернак «Доктор Живаго» и Е.Г. Водолазкин «Лавр» // Солдаткина Я.В. Современная словесность: актуальные тенденции в русской литературе и журналистике. М., 2015. С. 77–85.

Физиолог – Физиолог // Памятники литературы Древней Руси. XIII век. М., 1981. С. 474.

Шибает, 2014 – Шибает М.А. «Древние» фрагменты в сборниках Ефросина // Книжные центры Древней Руси: Книжники и рукописи Кирилло-Белозерского монастыря. СПб., 2014. С. 121.

Юхименко, 2014 – Юхименко Е.М. Неизвестный памятник поздней паломнической литературы: хождение по России устюжского мещанина Петра Иванова Типухина в 1813–1822 гг. Приложение // Книжные центры Древней Руси: Книжники и рукописи Кирилло-Белозерского монастыря. СПб., 2014. С. 425.

И.В. Галина

Моделирование функционально-синонимичного переноса значений некоторых фразовых структур французско-русской языковой пары на материале патентных текстов

Статья посвящена изучению фразовых структур французского и русского языков с точки зрения переводческих трансформаций с целью создания грамматики в формализмах подхода многовариантной когнитивной трансферной грамматики. Были рассмотрены и систематизированы явления переноса функциональных значений в поле вторичной предикации и для прилагательных; частотные характеристики выделялись на основании анализа патентных текстов. Результаты будут использованы для создания модуля данной языковой пары в лингвистическом процессоре.

Ключевые слова: синтаксис, семантика, функциональные значения, глагольные конструкции, французский язык, машинный перевод.

I. Введение

Работа посвящена актуальной проблеме выявления изосемичных и изофункциональных структур во французском и русском языках. С 2007 г. в Институте проблем информатики РАН строится специализированная многоязычная база лингвистических знаний (Multilingual Knowledge Base), служащая для извлечения знаний из текста и машинного перевода (МП). Главным ее элементом является многоязычный лингвистический процессор, алгоритм работы которого базируется на оригинальном варианте когнитивной вершинной грамматики, разработанной Е.Б. Козеренко [Козеренко, 2004, 2005, 2007] для англо-русского (и обратного) направления перевода. В настоящей статье представлено описание

процесса анализа языковых структур французско-русской языковой пары для последующей формализации по методу Е.Б. Козеренко и построения системы правил для машинного перевода. Мы опираемся на идеологию функционально-семантического подхода [Сабанеева, 2001], близкого к работам А.В. Бондарко [Бондарко, 1999, 2005] по русскому языку. Наш подход «заключается в построении унифицированной модели функциональных значений синтаксисом, учитывающих сдвиги значений, производимых трансформациями» [Козеренко, 2005]. Термин «синтаксема» был впервые предложен Г.А. Золотовой [Золотова, 2001, 2004], определяющей ее как минимальную синтаксическую единицу, являющуюся результатом взаимодействия трех составляющих: категориально-семантической – значения, синтаксической – функции, морфологической – формы; три этих признака мотивируют друг друга, их «взаимопроникновение» и создает синтаксема как языковую единицу [Козеренко и др., 2011; Козеренко, 2004, 2005, 2006]. Таким образом, наш подход базируется на сопоставлении глубинных семантико-синтаксических структур языков; процесс переноса значений (трансфера) происходит через функционально-категориальные значения языковых единиц [Козеренко, 2005].

Предметом нашего исследования является сопоставление некоторых семантико-синтаксических структур (поле вторичной предикации – причастия, герундий и т.д. – а также прилагательные) французско-русской пары языков. Материалом послужили параллельные тексты научных патентов и рефератов, взятые из базы данных (БД) Роспатента и международной БД Espacenet (<http://worldwide.espacenet.com>). Текст переводился профессионалами с языка оригинального французского патента на русский язык. Таким образом, направление анализа, в основном, французско-русское.

Существует много вариантов подхода к созданию систем МП. Обзор МП проводился неоднократно (например, [Козеренко, 2007; Кулагина, 1991]), мы не будем подробно останавливаться на этой теме в короткой статье. Наш интерес направлен на французско-русскую языковую пару. Самые известные отечественные ее представители: ЭТАП-1 [Апресян и др., 1985] под руководством Ю.Д. Апресяна (на базе модели И.А. Мельчука «Смысл ↔ Текст») и система ФРАП, созданная под руководством Н.Н. Леонтьевой (наследницей этой системы является АОТ) [Леонтьева, Никогосов, 1982]. В области МП сейчас активно развиваются два «конкурирующих» направления: системы, основанные на правилах (rule-based), к которым относятся практически все «старые» системы МП, и системы, опирающиеся только на статистику (statistical-based), – параллельные текстовые базы, ярким представителем которых выступает Google Translate. Системы типа rule-based обычно подразделяются на системы, основанные на промежуточном языке описания смысла (Interlingua), и на системы типа Transfer, ориентированные на языковую

пару и преобразующие структуры входного языка в структуры выходного [Козеренко, 2005]. На коммерческий уровень вышли пока лишь программы трансфера, например, Systran, отечественный PROMT, обеспечивающий перевод с нескольких европейских языков, включая французский, и Personal Translator.

Google Translate и PROMT имеют удобные бесплатные онлайн-версии переводчика, обе системы были частично задействованы в нашем исследовании при анализе изучаемого материала (см. ниже). Google Translate – представитель второго подхода, в нем практически не работают лингвистические формализмы; система опирается на постоянно пополняемые базы параллельных текстов и статистику. Представителем первого подхода является PROMT, перевод в котором основан на грамматике сетей (подобной расширенным сетям переходов) и фреймовых алгоритмах для анализа сложных предикатов. Для определенных предметных областей PROMT выпускает продукты, основанные на механизмах translation memory («переводческой памяти»).

Особую актуальность в настоящее время приобретает гибридный подход, сочетающий достоинства обеих методик: формализованные правила и статистику с учетом вероятностных весов при выборе вариантов перевода. На современном этапе для решения задач автоматической обработки текста разрабатываются формальные регулярные грамматики, контекстно-свободные (КС) грамматики и мягко контекстно-зависимые грамматики [Boguraev et al., 1987; Briscoe et al., 1987; Gazdar et al., 1985; Grover, Carroll, Briscoe, 1993]. В нашей работе используется новый формализм, предложенный Е.Б. Козеренко, – многовариантная когнитивная трансферная грамматика (МКГТ), созданная для англо-русской пары языков [Козеренко, 2004]. Она демонстрирует определенные черты грамматики составляющих и вершинной грамматики типа HPSG (Head-driven phrase structure grammar) К. Полларда и И. Сара [Sag, Wasow, Bender, 2003] и позволяет описывать как отношения линейного порядка, так и отношения зависимости в рамках одной и той же фразовой структуры, синтаксис предложений описывается как структура синтаксических групп, имеющих свои вершины. Наша работа конечной целью имеет создание грамматики для французско-русской пары языков в формализмах подхода МКГТ, т.е. унифицированной модели функциональных значений синтаксем. Для настоящего исследования была создана БД параллельных текстов 200 патентов и 250 рефератов в форматах doc и pdf; проведено синтаксическое выравнивание текста; сделана выборка из 518 параллельных пар французских и русских предложений. В результате были изучены переводческие соответствия фразовых структур, описаны правила переноса значений синтаксем для создаваемой грамматики. В статье представлены некоторые из этих правил – фрагмент создаваемой модели.

II. Корпус научных патентов на русском и французском языках – неполный параллелизм и некоторые текстовые характеристики его состава

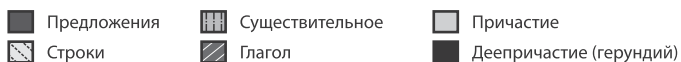
Основу семантико-синтаксической структуры предложения составляет пропозициональное ядро – средства предикации. Ранее нами уже были изучены некоторые структуры когнитивного переноса значений в рамках поля функционального переноса (ПФП) номинативных структур и ПФП первичной и вторичной предикации для русско-французской языковой пары по аналогии с русско-английской языковой парой [Галина, 2006, 2007; Козеренко и др., 2011]. Понятие ПФП как базис для сегментации языковых структур впервые было предложено Е.Б. Козеренко [Kozerenko, 2003]. Идея ПФП состоит в том, что в основе грамматических структур лежат структуры когнитивные (ментальные фреймы); функционально-семантическое поле отражает взаимодействие элементов разных языковых уровней. Единицы исходного и целевого языков могут принадлежать к одному ПФП, независимо от их принадлежности к одинаковым или разным традиционным категориальным значениям.

В настоящей работе нами были рассмотрены и систематизированы явления переноса для различных функциональных значений в поле вторичной предикации и для прилагательных, частотные характеристики выделялись на основании анализа патентных текстов. Теоретическую основу для выделения и анализа синтаксических структур французского языка составили работы по русской и французской грамматике [Сабанеева, 2001; Храковский, 2004; Шелякин, 2001, 2006; Martin, 1971; Wilmet, 1998], а также классический труд В.Г. Гака и Б.Б. Григорьева по практике перевода [Гак, Григорьев, 2000].

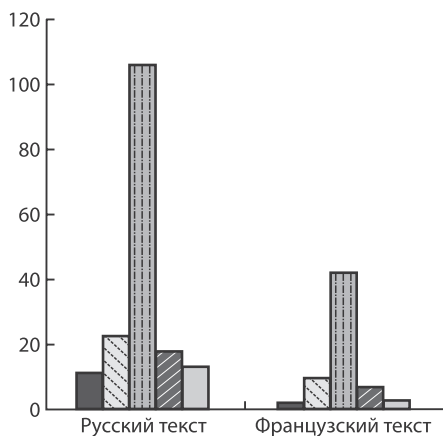
Сравнение русских и французских текстов рефератов научных патентов показало, что доля действительно параллельных текстов в них составляет примерно 30%. Остальные тексты можно назвать семантически сопоставимыми, причем объем русского текста может превышать объем французского на две трети. Однако распределение по частям речи в русских и французских научных текстах патентных рефератов и самих патентов очень близко по составу и объему, что отражено в нижеследующих примерах (рис. 1–4). Русский текст в целом на 30–35% более номинативен, чем французский, в котором в поле вторичной предикации предпочтение отдается инфинитиву (в русском – отглагольным существительным).

Представленные рефераты можно назвать не столько параллельными, сколько когнитивно-сопоставимыми текстами. Рассмотрим пример третьего реферата, перевод в котором выполнен точно, почти дословно (рис. 3–4).

Условные обозначения (рис. 1–4):

Патент WO2004009333

Патент WO2004007177

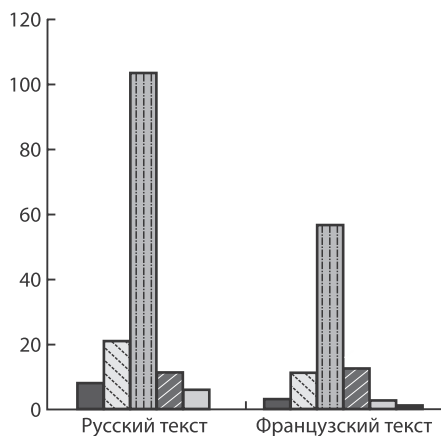
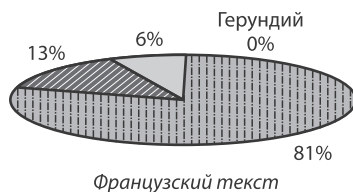
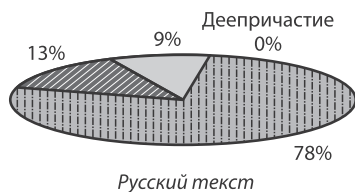

Рис. 1. Сравнение русского и французского рефератов (патенты WO2004009333 и WO2004007177) по объему

Патент WO2004009333

Патент WO2004007177

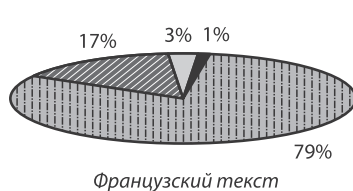
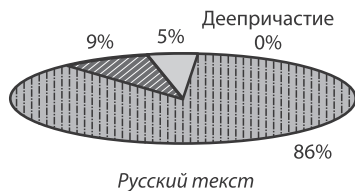

Рис. 2. Использование частей речи в русском и французском тексте реферата (патенты WO2004009333 и WO2004007177)

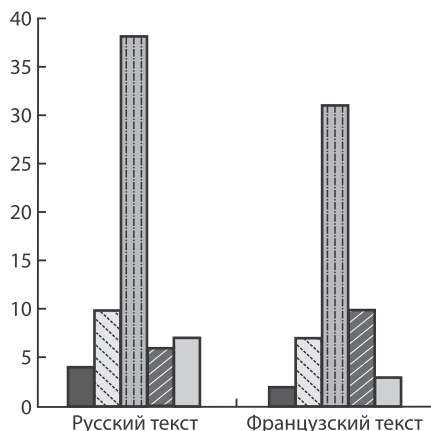

Рис. 3. Сравнение русского и французского текстов (реферат патента WO2004017987) по объему

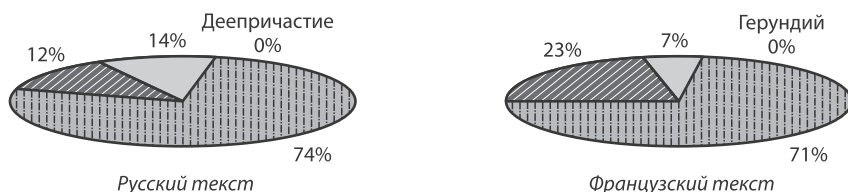

Рис. 4. Распределение по частям речи в процентном соотношении (реферат патента WO2004017987)

Итак, в любом случае, идет ли речь о подлинном параллелизме или семантически сопоставимом переводе, как видно из примеров, и в русских, и во французских патентных текстах существенно высока доля именных групп, что вообще всегда характерно для научно-технических текстов.

III. Описание некоторых транскатегориальных трансформаций и правил переноса значений при функциональной синонимии французского и русского языков

На данном этапе исследования основное внимание было уделено полю вторичной предикации, а также прилагательным. Оба эти явления вызывают немало проблем при МП и требуют более тщательного изучения с целью построения моделей, отражающих синонимию синтаксических структур как внутри одного языка, так и функциональную синонимию в соответствующих им при переводе структурах другого языка, включая транскатегориальные изменения.

На материале фразовых структур французских и русских патентов были рассмотрены наиболее интересные типы синтаксических конструкций и изучены выделившиеся при анализе частотные типы переноса значений. Основное внимание было уделено регулярным трансформациям.

1. Поле вторичной предикации: причастия, относительные придаточные, инфинитив и герундий

Встречаются следующие регулярные изменения в синтаксических структурах или совпадения структур.

1.1. Русская предложно-падежная конструкция с именной группой «предлог *c* + сущ. в творительном падеже (*c* чем-то)» [объект и его характеристика, свойства: «включающий в себя», «состоящий из»] заменяет собой французское причастие: рус.: $Prn(c) + NP(instr) \rightarrow$ фр.: $Ptp + NP$

*La présente invention concerne un dispositif pour le thermoformage d'un objet **présentant** (представляющий) une portion en contre-dépouille et une portion de fond, le dispositif comprenant un moule de thermoformage **ayant** (имеющий = обладающий) **au moins deux parties** de contre-dépouille voisines d'une extrémité ouverte et une partie de fond...*

*Данная группа изобретений относится к способу для термоформования **изделия с участком** уменьшенного поперечного сечения и устройства для осуществления способа. Способ для термоформования изделия с участком уменьшенного поперечного сечения использует форму термоформования с **двумя частями и донной частью**.*

Мы видим, что французский язык как бы «достраивает» и уточняет значение предложно-падежной конструкции русского языка, выявляя его смысл – характеристику состава объекта, т.е. объект, имеющий (*ayant*) в своем составе то-то; объект, представляющий (*présentant*) из себя то-то.

1.2. Обратная трансформация: французскую именную предложную конструкцию «предлог *à* и его формы + сущ.» заменяет русское причастие: рус.: $Ptp + NP(dat) \rightarrow$ фр.: $PP(Prp(\dot{a})) + NP$

*L'invention concerne une protéine d'origine végétale **aux propriétés anticancéreuses** qui fixe le GHRH humain (human Growth Hormone releasing hormone ou hormone libératrice d'hormone de croissance humaine).*

*Настоящее изобретение относится к белку растительного происхождения, **обладающему противораковыми свойствами**, который связывает гормон, высвобождающий гормон роста человека (GHRH или human Growth Hormone releasing hormone).*

1.3. Трансформация со сменой типа предикации: французское причастие (включающее – *comportant*) переводится на русский язык финитным глаголом, т.е. вторичная предикация заменяется первичной: рус.: Ptp → фр.: V(finit)

- (1) *...ledit dispositif étant destiné à être fixé dans une des parois de la cuve et **comportant** au moins une buse (18) d'injection munie d'un orifice d'extrémité...*

*...устройство [для вдувания обрабатывающего газа в жидкий металл, содержащийся в ковше], предназначенное для закрепления в одной из стенок ковша, **включает** по меньшей мере одно инжекторное сопло с концевым отверстием...*

- (2) *au moins l'un des substituants **étant** un haloalkyle.*

*по меньшей мере, один из заместителей **представляет собой** галогеналкил.*

1.4. Французской синтаксической структуре с вторичной предикацией «предлог *pour* + инфинитив» регулярно соответствует русская конструкция «предлог *для* с отглагольным существительным» [цель]: фр.: Prp(*pour*) + Inf + + NP → рус.: Prp(*для*) + NP(N(gen) + N(gen))

*Installation **pour fabriquer des objets** par thermoformage a partir de pastilles de materiau thermoplastique.*

*Установка **для изготовления изделий** из таблеток термопластичного материала способом термоформования.*

1.5. Французский герундий часто может быть передан в русском переводе через предлоги и отглагольное существительное: фр.: Ger + NP → рус.: PP(Prp(c) + NP)

Однако герундий во французских патентах (в рефератах) встречается крайне редко; доля причастий больше, а в русских параллельных или когнитивно-сопоставимых текстах – еще больше. Самая большая доля, разумеется, у существительных и финитных глаголов (см. приведенные выше диаграммы).

*Les moyens de transport comprennent des éléments de transport **délimitant** des cellules qui sont ouvertes vers le haut et vers le bas qui sont chacune aptes à contenir une pastille **en dégageant l'intégralité** des faces supérieure et inférieure de cette pastille, des moyens pour disposer les pastilles dans les cellules, des moyens d'entraînement pour entraîner des éléments de transport dans la station de chauffage et des moyens pour transférer les pastilles chauffées dans la station de thermoformage.*

*Средства транспортировки содержат транспортные элементы, **ограничивающие** открытые сверху и снизу ячейки. Каждая ячейка*

выполнена с возможностью размещения в ней таблетки с **оставлением полностью свободными** верхней и нижней сторон таблетки.

В приведенном примере, кроме регулярной трансформации «герундий → предлог + отглагольное сущ.» (*en dégageant l'intégralité* → с **оставлением полностью свободными**) можно отметить и самый частотный вариант – совпадение конструкций, когда французские причастия передаются в русском тексте также через причастия: Ptp → Ptp (*délimitant* → **ограничивающие**).

1.6. Французская конструкция с относительным придаточным (*qui* + финитный глагол):

а) относительные придаточные предложения с относительным местоимением *qui* (= **который**) в текстах патентов чаще всего переводятся с формальным совпадением конструкций: фр.: Cnj(*qui*) + V(fin) → рус.: Cnj(**который**) + V(fin)

*Dans d'autres gels constitués d'un mélange d'hydroxypropylcellulose et de silicate d'aluminium et de magnésium, on observe également une chute de viscosité au cours du temps **qui entraîne une sédimentation des actifs en suspension** et une hétérogénéité de la dispersion dans le produit fini.*

*В других гелях, содержащих смесь гидроксипропилцеллюлозы и силиката алюминия и магния, также со временем отмечают понижение вязкости, **которое вызывает осаждение активных веществ, находящихся в суспензии**, и неоднородность дисперсии в конечном продукте.*

В этом же примере мы видим довольно распространенную ситуацию добавления причастия в русском переводе, когда французская синтагма «предлог + именная группа» заменяется структурой с причастием (см. ниже 1.7).

б) часто переводится причастием или прилагательным (обратная трансформация – уже прилагательного – ниже будет рассмотрена отдельно): фр.: Cnj(*qui*) + V(fin) + NP → рус.: Ptp + NP

(1) *Or, la Demanderesse a réalisé de façon surprenante une composition satisfaisant ce besoin, **qui comprend du peroxyde de benzoyle dispersé, libre ou encapsulé**...*

*Заявителем была неожиданно получена композиция, решающая эту проблему, **содержащая диспергированный свободный или инкапсулированный пероксид бензоила**...*

(2) *...sur un deuxième axe de rotation (24) **qui s'étend parallèlement** (оси, которая располагается параллельно) **au premier axe**...*

*...на второй **оси вращения (24), параллельной** первой оси...*

фр.: NP + S2(Cnj(*qui*) + V(fin) + Adv) → рус.: NP + Adj

Ясно, что в первом примере выбор переводчика был обусловлен необходимостью снять семантическую неоднозначность: при прямом трансфере (*композиция, решающая эту проблему, которая содержит... пероксид бензоила*) местоимение *который* имело бы своим антецедентом *проблему* вместо *композиции*. Во втором – фактически десемантизированный глагол-сказуемое опускается, а перенос значения происходит с предикативного наречия на русское прилагательное. Выбор человека-переводчика, очевидно, был обусловлен его стилевыми предпочтениями (стремлением сократить текст).

При синтаксическом выравнивании предложений из взятой нами выборки текстов мы, как сказано выше, выявили примерно 30–35% случаев неполного параллелизма, потому французские и русские предложения для сравнительного изучения специально выбирались попарно. Но, как показывают примеры, и здесь мы сталкивались с функциональной синонимией и транскатегориальными трансформациями, характер которых нельзя объяснить только особенностями синтаксиса и/или семантики языка – большую роль играет и языковая компетенция переводчика. Таким образом, подобные примеры представляют собой интересный ресурс для машинного обучения системы лингвистического процессора, а также демонстрируют известные и пока нерешенные трудности МП.

То, что подобного рода предложения (пример 1) действительно сложны для МП, продемонстрировали оба доступных онлайн-переводчика.

PROMT: *Итак, Истец удивительно осуществил состав, удовлетворяющий этой потребности, которая включает перекись рассеянного, свободного или encapsulé benzoyle.*

Google Translate: *Тем не менее, заявитель сделал удивительно состав удовлетворяет эту потребность, которая включает в себя бензоилпероксид разошлись, бесплатно или инкапсулированные.*

Заметим, что, возможно, PROMT справился бы с переводом гораздо лучше при подключении словаря медицинской лексики, но при тестировании возможностей перевода использовалась общедоступная версия без специализации.

1.7. Французская структура «предлог + именная группа» заменяется конструкцией «причастие + предложная именная группа» (в изученной выборке: 17,9% случаев): фр.: NP + Prp(en) + NP → рус.: NP + Ptp + PP(Prp(в) + NP)

des actifs en suspension – *активных веществ, находящихся в суспензии.*

Русский язык при такой синтаксической трансформации как бы «достраивает» недостающее причастие.

2. Сравнение способов выражения одновременности/предшествования/следования в русском и французском языках

Способы выражения временной соотнесенности в указанных языках изучались на материале причастных и герундиальных оборотов. Больше всего и здесь нас интересовала транскатегориальная трансформация при переводе с одного языка на другой, особенно если она носила регулярный характер. Приведем наиболее интересные с этой точки зрения случаи.

2.1. Таксисные значения, реализуемые в полипредикативных конструкциях

Самые частотные правила когнитивного переноса в анализируемых текстах следующие: французское придаточное относительное предложение вида (S{S1{VP + NP} + S2{Pron_relat{qui} + NP + VP}}) → Ptp (русское причастие). Наиболее продуктивные типы конструктивных трансформаций при француско-русском переводе коррелируют со следующими аспектуально-таксисными значениями [Галина, 2007]:

а) таксис одновременности с основным глаголом на линейной цепочке сложного предложения, функционально соответствует *participe présent*: фр.: Cnj(qui) + V(fin) → рус.: Ptp (русское причастие): *Une filière regroupe toutes les activités productrices **qui concourent** à la fabrication d'un bien...* – *Производственно-технологическая цепочка объединяет все этапы производственной деятельности, **связанные с** изготовлением какого-либо продукта...*

Конечно, в этой ситуации достаточно часты и совпадения конструкций (около 35%) – фр.: Cnj(qui) + V(fin) → рус.: Cnj(который) + V(fin): *Dans d'autres gels constitués d'un mélange d'hydroxypropylcellulose et de silicate d'aluminium et de magnésium, on observe également une chute de viscosité au cours du temps **qui entraîne une sédimentation des actifs en suspension** et une hétérogénéité de la- dispersion dans le produit fini.* – *В других гелях, содержащих смесь гидроксипропилцеллюлозы и силиката алюминия и магния, также со временем отмечают понижение вязкости, **которое вызывает осаждение активных веществ, находящихся в суспензии**, и неоднородность дисперсии в конечном продукте.*

б) таксис предшествования и завершенности (исчерпанности) внутреннего времени действия – французские полипредикативные конструкции с инфинитивом прошедшего времени (*infinitif passé*) вида (S{S1{Inf_pass{Conj{après, dès que, aussitôt que}+Inf_pass}} + S2{NP + VP}}); выражают предшествование на линейной цепочке, а в независимых предложениях и на оси времени. На русский язык может переводиться деепричастием (чаще всего), либо причастием или придаточным относительным предложением. Тут реализуется ограничительная функция временных союзов, задающих ограничение действия

определенным пределом, и накладывается семантика этих союзов, «подкрепляя» грамматически присущее инфинитиву прошедшего времени значение предшествующего действия: *Après avoir reçu de sa banque un avis d'impayé... – Получив от своего банка извещение об отказе в оплате...*

2.2. Особенности перевода французского абсолютного причастного оборота

Французский абсолютный причастный оборот – Proposition participe absolue (может быть выражен формами *participe présent* – непредшествование, обычно одновременность; *participe passé*, *participe passé composé* – предшествование) [Сабанеева, 2001] выступает как придаточное предложение, у которого имеется собственное подлежащее, отличное от подлежащего главного предложения: (S{S1{Proposition_part_abs{NP + Part_pr OR NP + Part_pass OR NP + Part_pass_comp}}, S2{NP + VP}}). Данный оборот не имеет аналогов в русском языке. Чаще всего выражает отношения причины или временные отношения. Реализует следующие значения.

Причина и одновременность. Обороты со значением причины обычно переводятся на русский придаточными с союзами *так как*; *поскольку*; *потому что*; *когда*; *после того, как* или, реже, обстоятельstwами или деепричастиями:

Le travail au demeurant était d'une extrême simplicité, la machine étant presque entièrement automatique.

Поначалу работа была чрезвычайно проста, так как (потому что) станок действовал почти автоматически.

Отметим, что это предложение можно перевести на русский язык иначе: *Когда станок действовал почти автоматически, работа была чрезвычайно проста.* Но в таком переводе семантика причинной обусловленности скрыта, хотя таксис (одновременность) не нарушен.

Причина и предшествование. Временные отношения в русском языке выражаются с помощью союзов *когда*; *как только*; *тотчас после того как*; *едва только*; *сразу после того как...* Во французском абсолютный причастный оборот может не иметь лексически выраженных временных показателей; тем не менее, часто добавляются наречия со значением немедленного предшествования: *aussitôt, sitôt, à peine, une fois.*

Une ardeur de travail l'ayant soudain ressaisi, il se rassit devant sa table.

[Поскольку] его внезапно охватила жажда работы, он снова уселся за стол.

Тут французский оборот выступает с основным для него аспектуально-таксисным значением предшествования, усиленным семантикой наречия *soudain* («внезапно»).

Комитативное значение (дополнительного действия), при переводе используются союзы *причем*, *также*, *таким образом*, и:

Dans la pratique cela devrait se traduire par 250 représentation par an, le public ayant le choix...

На практике это должно означать 250 представлений в год, причем зрители смогут выбирать...

Временные отношения:

а) предшествования: *Le travail ayant terminé, il se retourna... – После того, как работа была завершена, он вернулся...;*

б) одновременности: *Le protocol se lisant, le système travaille... – Пока считывается протокол, система работает...*

Абсолютный причастный оборот представляет большие трудности для МП как по причине отсутствия подобной синтаксической конструкции в русском языке, что вынуждает прибегать к трансформациям, так и по причине «диффузности» значения в самом французском, особенно, если отсутствуют эксплицитно выраженные маркеры временных отношений.

В рассмотренной нами выборке патентных текстов Proposition participe absolue (так же как и герундий) встречается нечасто: 1–3% случаев на текст документа. Пример:

Le phénomène s'amplifiant avec la vitesse de défilement de la bande, la productivité du procédé est de ce fait limitée.

Поскольку с повышением скорости продвижения полосы данная тенденция усиливается, производительность процесса остается ограниченной.

Как показывает проведенный нами небольшой эксперимент, современные системы МП пока не слишком хорошо справляются с переводом подобных предложений, т.к. до сих пор не удается в полной мере учесть комплекс аспектуально-таксисных значений этих полипредикативных конструкций, из-за чего часто невозможно получить перевод с ненарушенным таксисом или темпоральностью. Указанная французская фраза была предложена на перевод системам PROMT и Google Translate.

PROMT: *Когда явление усилилось со скоростью прокрутки полосы, производительность способа из этого факта была ограничена.*

Google Translate: *Это явление усиливается со скоростью ленты, производительность процесса, следовательно, ограничен.*

Обе системы, основанная на правилах PROMT и опирающийся на статистику Google Translate, справились с переводом, передав основной смысл, но с разными результатами. В PROMTe оказался частично изменен таксис и время, зато построено формально-правильное предложение на русском языке. Google

Translate, как известно, выполняет перевод, не опираясь на лингвистические знания: грубо говоря, этот переводчик дает готовые клише, выбирая из наиболее статистически вероятных вариантов. В итоге он перевел предложение, сохранив темпоральность и причинно-следственную связь между его зависимыми частями, и допустил только одну ошибку в согласовании подлежащего и сказуемого.

Очевидно, что изучение переноса значений в ситуации с Proposition participie absolue и его русскими эквивалентами проведено пока недостаточно и требует доработки. Вероятно, путь к улучшению реализации перевода такого рода конструкций в системах МП лежит, как мы уже подчеркивали, в совмещении достоинств обоих подходов, т.е. в гибридной технологии, сочетающей правила и статистику (вероятностные веса).

3. Прилагательные

Синтаксис прилагательных во французском и русском языках во многом совпадает, но наблюдается и существенное различие как в формах данной части речи, так и в синтаксических структурах. При изучении особенностей перевода прилагательных мы опирались на работы по современному синтаксису русского языка, в частности, на функциональный синтаксис М.А. Шелякина [Шелякин, 2006, 2007]. В обоих языках прилагательные могут выступать как эпитет (характеристика) и как именная часть сказуемого. Как и в русском языке, французский адъектив имеет степени сравнения; отметим сразу, что в данной статье фразовые структуры со степенями сравнения прилагательных специально рассматриваться не будут. Но, прежде всего, во французском языке нет специальных форм для полных и кратких прилагательных. В русском это различие часто имеет существенную семантическую нагрузку.

Так, краткая форма прилагательного без возможности замены ее полной в русском языке встречается в следующих случаях: краткие прилагательные с сильноуправляемыми падежами; краткие прилагательные с суффиксом *-ом/-ем/-им* (со значением «способен подвергнуться действию»); в модальном значении (например: *Сегодня возможна гроза.* – *Aujourd'hui l'orage est possible.*); при местоимениях *это, то, тот, что, кто, весь, всякий*; при существительном со значением «обобщенный предмет» (*Истина всегда конкретна.* – *La vérité est toujours concrète.*); краткие с усилительно-оценочным значением; при несоответствии признака предмету или условию (*Эти туфли мне малы.* – *Ses souliers me sont petits.*); краткие в значении «состояние или признак в конкретный момент времени» (*Моя сестра больна.* – *Ma sœur est malade.*); выражающие отношения между предметами по данному признаку (*Наши улицы параллельны.* – *Nos rues sont parallèles.*).

И наоборот, полная форма русского прилагательного без замены ее краткой употребляется, когда оно выражает следующие значения: постоянная

принадлежность признака предмету (*Озеро было темное и холодное. – Le lac était obscur et froid*); указатель на предшествующий предмет – после существительных (*Родители мои – люди простые и добрые. – Mes parents sont des gens simples et bons.*). В остальных случаях у русских прилагательных наблюдается взаимозамена этих форм.

Во французском языке, напротив, нет полной и краткой формы (рус.: Adj(sht) // Adj → фр.: Adj), зато от места прилагательного (например, перед или после существительного) может зависеть его значение: *un homme brave* – *храбрый человек*; *un brave homme* – *славный малый, молодец*). Русский же язык, как известно, имеет гораздо более свободную структуру и не так зависит от порядка слов в предложении.

Отметим, что при переносе значений прилагательных с входного на выходной язык исследователь, решающий задачу МП, также сталкивается с немалыми трудностями, хотя традиционно главное внимание при анализе синтаксических структур обычно направлено на глагол как на вершинный узел категориальной грамматики. В качестве примера приведем только два случая:

а) употребление предикативного прилагательного (в роли именной части сказуемого) в полной и краткой форме.

Для простоты были взяты простейшие фразы вида NP + VP: *Дом красив. // Дом красивый.* → *La maison est belle.* (рус.: Adj(sht) // Adj → фр.: Adj).

Предложения на русском языке были последовательно предложены на перевод системам PROMT и Google Translate.

PROMT: *Дом красив. → La maison est belle. // Дом красивый. → La maison beau.*

Google Translate: *Дом красив. // Дом красивый. → La maison est très belle.*

Эксперимент продемонстрировал неожиданные результаты. С краткой формой обе системы не испытали проблем, хотя Google Translate вдруг добавил усилительную характеристику (наречие *очень* – *très*), притом на оба варианта фразы. PROMT прекрасно перевел предложение с кратким прилагательным, но совершенно не справился с полной его формой: на выходе мы имеем несогласованную синтагму с нарушением рода. Интересно, что Google, располагая огромными ресурсами и возможностью задействовать пользователей в улучшении своего перевода, продолжает накапливать статистику и просит потребителей оценить выбранный системой перевод: при нажатии на полученный вариант перевода выдаются другие возможные фразы, система предлагает выбрать наилучший вариант или поменять порядок слов. Так, для перевода «*La maison est très belle*» были выданы варианты «*La maison est belle*; *La maison est manifique*; *La maison est superbe*».

б) особенности перевода, выполненного человеком: в параллельных текстах изученных нами патентов встречаются случаи «красивых» переводов – довольно сложно устроенных синтаксисом, особенно при характеристике «формы» объекта (нечто, имеющее такой-то вид). Ясно, что системы МП не способны предложить подобный перевод, равный человеческому. И пока не очень понятно, что делать с этими фразами при работе с обучающей выборкой. Например:

Sa section prend en effet une forme en «goutte d'eau» [= действительно принимает форму в (виде) капли воды] telle que celle illustrée dans l'exemple présenté ci-après.

Ее сечение становится «каплевидным», как показано в представленном ниже примере.

Как мы видим, профессиональный переводчик выбросил как несущественное для текста патента уточнение *en effet* (= в самом деле, действительно) и перевел длинную французскую структуру вида (V + N + (prep(en) + N)) прилагательным: *prend une forme en «goutte d'eau» → становится «каплевидным»*. На этот достаточно сложный пример машинные онлайн-переводчики выдали следующий результат.

PROMT: *Ее раздел действительно берет форму в «капле воды», такой как та, иллюстрированная в примере, представленном далее.*

Google Translate: *Его разделе вступает в силу формы «капля», как показано на примере ниже.*

Итак, на материале текстов научных патентов мы рассмотрели самые частотные варианты переводческих трансформаций при передаче французских прилагательных, уделяя особое внимание транскатегориальным переносам значений. Нами были исследованы некоторые крупные подгруппы, представляющие наибольший интерес для создания системы правил многовариантного перевода нашего лингвистического процессора. В анализируемых нами патентах, как оказалось, прилагательные предпочтительно переводятся той же частью речи; такой перевод встретился примерно в 62% случаях, оставшиеся пришлось на транскатегориальные трансформации.

В результате были изучены встречавшиеся в патентных текстах самые типичные функционально или полностью категориально синонимичные переводческие соответствия при переходе французских фразовых структур в русские, а именно:

- 1) прилагательное → прилагательное: 62%;
- 2) прилагательное → предложно-падежная конструкция (предлог + существительное): 21%;

3) прилагательное (предикативное) → финитный глагол: 15,7%;

4) прилагательное → Ø (опускается): 1,3%.

Конечно, при увеличении выборки и последующем анализе статистики процентное соотношение может измениться.

Рассмотрим теперь эти функционально-синонимичные способы переводческого трансфера французских прилагательных на русский язык подробней.

3.1. Прилагательное → прилагательное: фр.: Adj → рус.: Adj

a) *L'invention se rapporte, à titre de **produits industriels nouveaux et utiles, à des composés bi-aromatiques activateurs** des récepteurs de type Peroxisome Proliferator-Activated Receptor de sous-type γ (PPAR).*

*Изобретение относится как к **новым и полезным промышленным продуктам к биароматическим соединениям** в качестве активаторов рецепторов типа активируемого пролифератором пероксисомы рецептора подтипа γ (PPAR γ)...*

Демонстрируется полное семантическое и синтаксическое совпадение в обоих языках.

б) при полном совпадении синтаксических конструкций примерно в 13% случаях в переводах встречается замена французского прилагательного русским эквивалентом с частичной семантической синонимией, например:

L'ensemble des références suggèrent un rôle critique des récepteurs PPAR γ dans la régulation de la différenciation des adipocytes, où il est fortement exprimé.

Совокупность ссылок наводит на мысль о важной роли рецепторов PPAR γ в регуляции дифференциации адипоцитов, где он интенсивно экспрессируется.

Во французском тексте говорится не просто о том, что роль указанных рецепторов «важна», она — «критична» (*critique*) для регуляции адипоцитов, т.е. переводчиком выбран синоним с более слабой семантикой, не полностью передающей мысль оригинала.

3.2. Прилагательное → предложно-падежная конструкция (предлог + существительное): фр.: Adj → рус.: Prep + N

(1) *Elle se rapporte également à leur procédé de préparation et à leur utilisation dans des compositions **pharmaceutiques** destinées à un **usage en médecine humaine ou vétérinaire**, ou bien encore dans des compositions cosmétiques.*

*...оно [= изобретение] также относится к способу их получения и их применению в **фармацевтических** композициях, предназначенных для использования **для лечения человека или животного**, или же еще в **косметических** композициях.*

Как видим на этом примере, французское *à un usage en médecine humaine ou vétérinaire* (= для использования в человеческой и ветеринарной медицине) переведено как *для лечения человека или животного*. Очевидно, что подобный вариант перевода, осуществленный человеком, не единственный, но встречается он с достаточной регулярностью.

- (2) *On peut citer à titre indicatif la publication intitulée «Differential Expression of Peroxisome Proliferator-Activated Receptor Subtypes During the Differentiation of Human Keratinocytes», Michel Rivier et al., J. Invest. Dermatol 111, 1998, p. 1116–1121, dans laquelle est répertorié un grand nombre de références biographiques concernant tes récepteurs de type PPARs.*

Можно назвать, для сведения, публикацию под заголовком «Differential Expression of Peroxisome Proliferator-Activated Receptor Subtypes During the Differentiation of Human Keratinocytes», Michel Rivier и др., J. Invest. Dermatol., 111, 1116–1121 (1998), в которой представлено большое число библиографических ссылок, касающихся рецепторов типа PPAR.

В данных примерах мы также встречаемся с осознанным выбором переводчика. В первом случае – *la publication intitulée* (= публикацию, озаглавленную...) → *публикацию под заголовком...* – транскатегориальная трансформация, скорее всего, обусловлена стилистическими предпочтениями (краткость, строгость и т.д.). Во втором – *citer à titre indicatif* (= назвать с указательной целью) → *для сведения* – мы имеем дело с устоявшимся выражением (фразеологизмом).

- (3) *Par voie entérale, la composition, peut se présenter sous forme de comprimés...*

Для введения в тонкий кишечник композиция может быть в виде таблеток...

В данном случае речь идет о терминологии определенной предметной области. Вместо прилагательного *entérale* (*par voie entérale* – буквально: «антеральным путем») закономерно используется принятый в медицине термин «для введения в тонкий кишечник».

Из приведенных примеров с очевидностью вытекает, что для целей нашей грамматики достаточно легко формализуются типы подобных функциональных трансформаций, возникающие при передаче устойчивых выражений или профессиональной терминологии. Как обрабатывать пограничные и нестандартные случаи – вопрос, требующий более тщательных исследований и еще ждущий своего решения.

3.3. Предикативное прилагательное → глагол: фр.: V(fin) + Adj → рус.: V(fin)

В общем случае во всех таких примерах происходит регулярная трансформация прилагательного в значимый финитный глагол с наследованием семантики этого прилагательного. Таким образом, можно утверждать, что данные синтаксические структуры обладают функциональной синонимией. С этой точки зрения нами были изучены следующие случаи:

а) прилагательное – именная часть сказуемого (с глаголом *être*)

Прежде всего, необходимо заметить, что в предложениях с предикатом вида «*être* + Adj» львиная доля примеров приходится на сохранение прилагательного. В приведенной выше статистике они учитывались как переход Adj → Adj и вошли в 62%. Типичный пример такого рода:

PPARα est principalement exprimé dans le foie alors que PPARβ est ubiquitaire.
PPARα экспрессируется, главным образом, в печени, тогда как *PPARβ* является общим.

Итак, мы видим: V(fin) + Adj → V(fin) + Adj – полное совпадение синтаксиса на глубинном и на поверхностном уровне. Теперь перейдем к более интересному примеру:

Cette déformation irréversible, ou plastique, n'est pas nécessairement très grande mais elle est typiquement supérieure à 1%.

Эта необратимая или пластическая деформация может быть небольшой, но, как правило, превышает 1%.

В одном предложении здесь представлены два вида конструкции с предикативным прилагательным: негативная (*Cette déformation... n'est pas nécessairement très grande*) и аффирмативная (*elle est typiquement supérieure à 1%*). Ясно, что синтаксические конструкции с отрицанием требуют отдельного рассмотрения при решении задач МП, но пока они остаются за рамками нашей статьи. То, что подобные предикаты с отрицанием вызывают проблемы при МП, можно проиллюстрировать примерами известных систем.

PROMT: *Эта необратимая деформация, или пластичная, по необходимости очень не большая но она типично превосходит 1%.*

Система, по сути, неплохо справилась с переводом; единственная ошибка: *по необходимости очень не большая* вместо *не обязательно является очень большой*, т.е. переводчик в данном примере некорректно обработал наречие внутри сложного сказуемого.

Google Translate: *Это необратимая деформация или пластика, не обязательно очень большой, но это, как правило, больше, чем 1%.*

Как видим, в данном случае, МП, основанный на статистике, продемонстрировал лучший результат с точки зрения семантики, но хуже справился с согласованиями.

Что до второго случая (аффирмативной конструкции с предикативным прилагательным), то он достаточно регулярно приводит к переводческим трансформациям прилагательного в значимый глагол, что мы, кстати, и наблюдаем в переводе PROMT (*elle est typiquement supérieure à 1%* → *она типично превосходит 1%*).

б) прилагательное – именная часть сказуемого в сочетании со значимым, но десемантизированным глаголом: $V(\text{fin}) + \text{Adj} \rightarrow V(\text{fin})$

Французский финитный десемантизированный глагол-сказуемое в сочетании с прилагательным, он же в относительном придаточном вида «*qui* + $V(\text{fin}) + \text{Adj}$ », при переводе на русский обычно теряется. При трансформации синтаксической структуры русский глагол наследует значение прилагательного; русское придаточное предложение получает вид «союз *что* + значимый финитный глагол»: фр.: $\text{Cnj}(\text{qui}) + V(\text{fin}) + \text{Adj} \rightarrow$ рус.: $\text{Cnj}(\text{что}) + V(\text{fin})$. Пример:

*Or le peroxyde de benzoyle est un composé chimique instable **qui rend difficile** [= что делает трудным] sa formulation dans des produits finis.*

*Таким образом, пероксид бензоила является неустойчивым химическим соединением, **что затрудняет** его использование в составе конечных продуктов.*

в) прилагательное с сильной (падежной) валентностью

Французская структура «прилагательное с предлогом *à* и инфинитивом» – $\text{Adj} + \text{Prep}(\text{à}) + V(\text{inf})$ – может регулярно переносить значение на функционально синонимичное краткое причастие-сказуемое, нередко с усложнением конструкции – вводом уточняющих понятий, отсутствующих во французском предложении слов:

*...des cellules qui sont... chacunes **aptées à contenir** [= пригодная для того, чтобы содержать] une pastille...*

*Каждая ячейка **выполнена с возможностью размещения** в ней таблетки...*

Регулярная частотная трансформация в описываемом случае будет: «для + отглагольное существительное» – *пригодная для размещения*. Очевидно, что в данном случае выбор соответствующей синтаксической структуры будет зависеть от семантики и набора валентностей конкретного прилагательного, так же как и выбор предлога на поверхностном уровне. Подобные случаи в нашей грамматике обязательно учитываются, для них составляется список-словарь с набором необходимых позиций для заполнения потенциальных валентностей.

3.4. Прилагательное → Ø (опускается): Adj → Ø

Во встретившихся нам примерах в данном случае речь шла об ошибках. Приведем типичный пример:

*Un des buts de la présente invention est de proposer de nouveaux composés activateurs des PPAR γ présentant une meilleure activité biologique que **des composés de l'art antérieur**.*

*Одной из целей настоящего изобретения является получение новых соединений в качестве активаторов PPAR γ , обладающих лучшей биологической активностью, чем **соединения уровня техники**.*

Как мы видим, эпитет *antérieur* (= предыдущий) в русском переводе вообще пропал. На самом деле, конечно, в патенте имелись в виду лекарственные «соединения предыдущего поколения», или, если придерживаться патентной терминологии: предыдущего уровня техники.

Заметим, что при выравнивании и синтаксической разметке текстов патентов и рефератов из нашей выборки мы столкнулись с определенным процентом ошибок и что такого рода случаи составляют отдельную проблему при отборе материала и подготовке базы – корпуса параллельных текстов. Решать ее приходится только вручную.

IV. Заключение

Результатом нашей работы явилось создание БД научных патентов и рефератов для параллельного французско-русского корпуса; проведено выравнивание текстов документов. Изучено ПФП вторичной предикации, рассмотрены соответствующие ему синтаксические структуры и наиболее частотные переводческие трансформации этого ПФП на русский язык. Исследована аспектуально-таксисная сфера французского и русского языков с целью выявления изофункциональной синонимии поверхностно-различных структур входного и выходного языков (на материале причастно-герундиальных и изосемичных им конструкций) для решения задач МП. Такого же рода исследование проведено и для прилагательных, рассмотрены сходство и различия этих структур в обоих языках, возможные переводческие трансформации; разработаны правила переноса значений при переводе. Настоящие правила строятся для реализации во французско-русском модуле в рамках проекта, ведущегося в лаборатории компьютерной лингвистики Института проблем информатики РАН по созданию многоязычного лингвистического процессора [Галина, 2006, 2007; Козеренко, 2004, 2005, 2007; Козеренко, 2011; Kozerenko, 2003]. Правила функциональной синонимии изученных нами языковых конструкций будут использованы и при машинном обучении на корпусе параллельных текстов. Планируются дальнейшие исследования с расширением иллюстративного

материала, сбор и обработка статистики, пополнение корпуса параллельных текстов и создание правил формальной грамматики для других полей функционального переноса.

Библиографический список

Апресян и др., 1985 – Лингвистическое обеспечение системы французско-русского автоматического перевода ЭТАП-1. 1. Общая характеристика системы / Апресян Ю.Д. и др. // Теория и модели знаний. (Теория и практика создания систем искусств. интеллекта.) Тр. по искусств. интеллекту. Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Тарту, 1985. С. 20–39.

Бондарко, 1999 – Бондарко А.В. Основы функциональной грамматики. Языковая интерпретация идеи времени. СПб., 1999.

Бондарко, 2005 – Бондарко А.В. Полевые структуры в системе функциональной грамматики. Категория залога. СПб., 2005. С. 21–25.

Гак, Григорьев, 2000 – Гак В.Г., Григорьев Б.Б. Теория и практика перевода: Французский язык. СПб., 2000.

Галина, 2006 – Галина И.В. Моделирование трансформаций номинативных структур при решении задач французско-русского машинного перевода // Тр. междунар. конф. Диалог-2006 «Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии». М., 2006. С. 105–109.

Галина, 2007 – Галина И.В. Функционально-синонимичные способы выражения аспектуально-таксисных значений во французском и русском языках (для многоязычного лингвистического процессора). Сер. «Системы и средства информатики». Вып. 17. М., 2007. С. 293–316.

Золотова, 2001 – Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 2001.

Золотова, 2004 – Золотова Г.А. Значение, функция и форма в языке // Тр. Междунар. конф. Диалог'2004 «Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии». М., 2004.

Козеренко, 2004 – Козеренко Е.Б. Моделирование переноса функциональных значений для англо-русского машинного перевода // Тр. Междунар. конференции Диалог'2004 «Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии». М., 2004.

Козеренко, 2005 – Козеренко Е.Б. Методы категоризации в построении многоязычного лингвистического процессора. Сер. «Системы и средства информатики». Вып. 15. М., 2005. С. 11–19.

Козеренко, 2007 – Козеренко Е.Б. Лингвистическое моделирование для систем машинного перевода и обработки знаний // Информатика и ее применения. М., 2007. Т. 1. Вып. 1. С. 54–66.

Козеренко и др., 2011 – Лингвистические и металингвистические представления в интеллектуальных многоязычных системах / Козеренко Е.Б., Лунева Н.В., Галина И.В., Морозова Ю.И. // Искусств. интеллект. 2011. Т. 3. С. 123–135.

Кулагина, 1991 – Кулагина О.С. О современном состоянии машинного перевода // Мат. вопросы кибернетики. Вып. 3. М., 1991. С. 5–50.

Леонтьева, Никогосов, 1982 – Леонтьева Н.Н., Никогосов С.Л. Система ФРАП как информационная система // Актуальные вопросы практ. реализации систем автоматич. перевода. М., 1982. С. 134–166.

Сабанеева, 2001 – Сабанеева М.К. Видовое, таксисное и текстовое своеобразие «прошедшего предварительного» (*passé antérieur*) в современном французском языке // Исследования по языкознанию: К 70-летию чл.-корр. РАН Александра Владимировича Бондарко / Отв. ред. И.В. Недеяков. СПб., 2001. С. 141–143.

Храковский, 2004 – Храковский В.С. Таксис в простом предложении (конструкции с предлогами *после* и *до*) // Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура: Сб. ст. в честь Н.Д. Арутюновой. М., 2004. С. 355–367.

Шелякин, 2001 – Шелякин М.А. Функциональная грамматика русского языка. М., 2001.

Шелякин, 2006 – Шелякин М.А. Справочник по русской грамматике. М., 2006.

Boguraev et al., 1987 – The derivation of a grammatically-indexed lexicon from the Longman Dictionary of Contemporary English / B. Boguraev et al. // Proceedings of the 25th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics. Stanford, CA, 1987. P. 193–200.

Briscoe et al., 1987 – A formalism and environment for the development of a large grammar of English / E. Briscoe, C. Grover, B. Boguraev, J. Carroll // Proceedings of the 10th International Joint Conference on Artificial Intelligence. Milan, Italy, 1987. Milan, 1987. P. 703–708.

Gazdar et al., 1985 – Generalized Phrase Structure Grammar / G. Gazdar, E.H. Klein, G.K. Pullum, I.A. Sag. Oxford; Cambridge, 1985.

Grover, Carroll, Briscoe, 1993 – Grover C., Carroll J., Briscoe E. The Alvey Natural Language Tools grammar (4th release). Computer Laboratory, Cambridge University, UK, Technical Report 284. 1993.

Kozerenko, 2003 – Kozerenko E.B. Cognitive Approach to Language Structure Segmentation for Machine Translation Algorithms // Proceedings of the International Conference on Machine Learning, Models, Technologies and Applications, June, 23–26, 2003, Las Vegas, USA. CSREA Press, 2003. P. 49–55.

Martin, 1971 – Martin R. Temps et aspect. Essai sur l'emploi des temps narratifs en moyen français. Paris, Klincksieck, 1971.

Sag, Wasow, Bender, 2003 – Sag I., Wasow Th., Bender E.M. Syntactic Theory: A Formal Introduction. Stanford, 2003.

Wilmet, 1998 – Wilmet M. Grammaire critique du français. Paris, 1998.

Ю.А. Ландер

Кабардинские обобщенно-уступительные конструкции¹

Статья описывает обобщенно-уступительную конструкцию в кубанском диалекте кабардино-черкесского языка (абхазо-адыгская семья). Рассматриваемая конструкция включает зависимое предложение, которое маркируется сочетанием условного и аддитивного маркеров и обязательно содержит вопросительное местоимение, имеющее семантику свободного выбора. Типологическое своеобразие кабардино-черкесской обобщенно-уступительной конструкции связано с тем, что у некоторых носителей квантифицирующее прочтение здесь может получить, помимо вопросительного местоимения, и анафорическое местоимение – при условии, что оно находится выше вопросительного местоимения в иерархии «эргативный актанта > актанта > абсолютный актанта > непрямого объекта > посессора/объекта послелого». В статье предлагается формально-семантический анализ кабардино-черкесской обобщенно-уступительной конструкции, который предполагает неселективную квантификацию (в том числе связывающую «дэвидсоновскую» событийную переменную) и позволяет описать особые эффекты, наблюдаемые в конструкции.

Ключевые слова: обобщенно-уступительная конструкция, универсальная уступительная конструкция, кабардино-черкесский язык, местоимения свободного выбора, дэвидсоновская семантика.

Yu. Lander

Kabardian universal concessive conditionals²

This paper provides the description of the universal concessive conditional (UCC) construction in the Kuban dialect of Kabardian, an ergative polysynthetic language of the

¹ Автор признателен своим консультантам в ауле Ходзь за терпение и интерес к работе, участникам Северокавказского лингвистического семинара, на котором докладывались основные идеи данной работы, – за обсуждение, анонимному рецензенту – за ценные комментарии к ранней версии статьи.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 15-06-07434а), РГНФ (проект № 14-04-00580) и Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» (проект № 15-09-0263).

Ответственность за все ошибки лежит на авторе работы.

² I am grateful to my Kabardian consultants in the village of Khodz for their interest and patience, to the audience of the Northwest Caucasian linguistic seminar where the ideas of this paper were first presented (Moscow, September 2015), for discussion, and to an anonymous reviewer for comments on an earlier version of the paper. This paper is mainly based on my research supported by Russian Foundation for Basic Research (grant No. 15-06-07434a) and Russian Foundation for Humanities (grant No. 14-04-00580) and made within the framework of the Academic Fund Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE) in 2015 (grant No. 15-09-0263). All errors are mine.

Northwest Caucasian family. The Kabardian UCC construction involves a subordinate clause which is marked with a combination of the conditional and additive markers and obligatorily contains an interrogative pronoun with free choice semantics. More surprisingly, for some speakers, the subordinate clause in this pattern may also contain a definite pronoun which receives quantificational reading if it is higher in the hierarchy *ERGATIVE* > *ABSOLUTIVE* > *INDIRECT OBJECT* > *POSSESSOR/POSTPOSITIONAL OBJECT* than the free choice interrogative pronoun. It is suggested that this can be accounted with a semantic representation involving quantification over events.

Key words: universal concessive conditional, Kabardian, free choice, event-based semantics.

1. Introduction

In this paper, I discuss the Kabardian construction illustrated in (1).

- (1) *sət a-bə.m ž'-je-s-ʔ-a-m-jə, a-r jə-š-a*
 what that-OBL¹ PREF-DAT-1SG.ERG-say-PST-COND-ADD that-ABS 3SG.ERG-do-PST
 'Whatever I told him/her, s/he did that.'

This construction minimally consists of two clauses, of which one can be considered subordinate to another. In (1), *sət abəm ž'jesʔamjə* 'whatever I told him' is the subordinate clause, while *ar jəša* '(s/he) did that' is the matrix clause.

The pattern in (1) belongs to the family of universal concessive conditionals (UCCs). (2) shows examples of UCCs from languages close to Standard Average European:

- (2) a. Spanish [Haspelmath, König, 1998, p. 610]
Donde-quiera que vaya, nunca la dejará
 where-want that go:SUBJ never her leave:FUT:3SG
- b. Dutch [Haspelmath, König, 1998, p. 611]
Waar ze ook maar heen gaat, hij zal haar nooit verlaten
 where she also only to goes he will her never leave
- c. Russian
Kuda by ona ni pošla, on eë nikogda ne pokinet
 where SUBJ she not go:PST:F he her never not leave:FUT.3SG
 'Wherever she goes, he will never leave her.'

¹ Abbreviations: ABS – absolutive, ACC – accusative, ADD – additive, ADJ – adjectivizer, ADV – adverbial, ALL – allative, AOR – aorist, AUX – auxiliary stem, BEN – benefactive, CAUS – causative, CAR – caritive, COMP – comparative, COND – conditional, DAT – dative, DEM – demonstrative, DIR – directive, DYN – dynamic, ERG – ergative, F – feminine, FUT – future, IMP – imperative, INS – instrumental, IO – indirect object, IPF – imperfective, LNK – linker, LOC – locative preverb, MAL – malefactive, MOD – modal, NEG – negation, OBL – oblique, PL – plural, POSS – possessive, POT – potential, PRED – predicative form of pronouns, PREF – prefixal element of the verb 'say', PST – past, RCP – reciprocal preverb, RE – refactive/reversive, REC – reciprocal cross-reference, RFL – reflexive, SG – singular, SUBJ – subjunctive.

In this paper, I provide a description of the UCC construction in the Kuban dialect of Kabardian. The constructions like (2) have been sometimes treated as relative clause constructions (see, for instance, [van Riemsdijk, 2006]). However, the characterization of UCCs as relatives was cast in doubt in a number of works (see especially [Haspelmath, König, 1998; Gawron, 2001]), and I will argue against this analysis too. Further, I propose a semantic analysis of Kabardian UCCs which is based on the Davidsonian approach to the semantics of clauses. I will show that this representation explains not only the free choice semantics of the interrogative phrase in UCCs but also unexpected patterns like the possible use of a definite pronoun carrying an indefinite meaning (3):

- (3) a-bə.m xet jə-λak^w-m-jə selam jə-tj-e-x
 that-OBL who 3SG.ERG-see-COND-ADD greeting DAT-3SG.ERG-DYN-carry
 ‘No matter who saw whom, s/he greets him/her.’

The paper has the following structure. Section 2 provides the necessary background on Kuban Kabardian. Section 3 describes the definitional characteristics of Kabardian UCCs. In Section 4 I informally discuss the semantic contribution of the subordinate clause. Section 5 is devoted to the referential properties of the interrogative pronoun in UCCs. Section 6 presents unusual data on multiple quantificational elements within the subordinate clause. Section 7 provides a formal semantic account of various properties of the UCC construction in Kabardian. The last section presents conclusions.

2. Background on Kuban Kabardian

The data presented in this paper are from the Kabardian variety spoken in the village of Khodz (the Republic of Adygea, which is a part of the Russian Federation). Kabardian (or East Circassian) together with West Circassian (or Adyghe) constitutes the Circassian branch of the Northwest Caucasian family, which also includes Abkhaz, Abaza and the now extinct Ubykh language. Kuban Kabardian is an outlier Kabardian dialect, which is separated from other dialects of the language. Its choice for this paper is not motivated by its specific properties, though. In particular, my preliminary data suggest that many statements given below hold for other Circassian varieties as well, but more research should be done to make any concrete statements.¹

Northwest Caucasian languages are highly polysynthetic: the word may have a very complex structure and contain multiple prefixes which cross-reference its

¹ The only published description of Kuban Kabardian I am aware of is [Kumakhov, 1969]. Standard Kabardian is described in a number of reference grammars (mostly published in Russian) including [Turchaninov, Tsagov, 1940; Jakovlev, 1948; Abitov et al., (eds) 1957; Bagov et al. (eds), 1970; Colarusso, 1989, 1992, 2006; Kumakhov (ed.), 2006]. Although some of these works mention UCCs, none of them include any detailed description of this construction.

arguments. Cf. the following sentence where the first verb cross-references the indirect object introduced with the possessive applicative¹ and the second verb cross-references the absolutive and the ergative arguments:

- (4) aš'χe Ø-jə-ʔe-te-qəm krasnodar s-jə-ʔe-ķ^we-n-u
 money 3SG.IO-POSS-be-IPF-NEG Krasnodar 1SG.ABS-3SG.ERG-CAUS-go-MOD-ADV
 'She had no money to send me to Krasnodar.'

Like many other polysynthetic languages (cf. [Baker, 1996; Jelinek, Demers, 1996]), the Circassian languages pose a problem of what is to be considered arguments: full NPs or cross-reference markers (for some discussion of West Circassian see [Lander, 2005; Lander, Testele, to appear]). Without insisting on any concrete syntactic structure, I will assume here, however, that NPs at least sometimes do not enter the core of the clause and may be placed somewhere in the clausal periphery (see [Lander, 2010, to appear] for some specific evidence). This assumption will become important in the discussion of some patterns below.

In general, all languages of the Northwest Caucasian family are morphologically ergative. Cross-reference within the predicate is divided into three series, namely the absolutive series, the ergative series, and the indirect object series (introduced by applicatives within the predicate). Circassian languages distinguish between the absolutive case which marks the (3rd person) intransitive subjects and transitive undergoers and the oblique case which, roughly, marks non-absolutive arguments. None of these cases necessarily receives overt expression, though.²

The syntactic characterization of Northwest Caucasian languages in general and Circassian languages in particular is less clear. Lander [2010] and Letuchiy [2012] presented various arguments from syntax and morphology which evidence that ergativity in West Circassian is not only a surface phenomenon, and Lander [2014] even argued that Circassian languages belong to a specific kind of syntactically ergative languages. However, there are some processes in Circassian which at first glance are organized on a nominative/accusative basis. The most prominent of them is reflexive binding. In Circassian, reflexives are normally expressed morphologically, by prefixes which belong to the same paradigm as other cross-reference prefixes. The controller is usually the ergative in transitive verbs (5) and the absolutive in multivalent intransitive verbs, i.e. with intransitive verbs that contain indirect object morphology (6).

¹ The 3rd person singular indirect object is cross-referenced by a null prefix. Note that null morphemes are not shown in most examples given below.

² In addition to the absolutive and oblique cases, there are forms that are usually described as the "adverbial case" and the "instrumental case". However, since these forms display quite specific behavior, it is unlikely that they should be included into the same paradigm as absolutive and oblique.

- (5) sə-χ^{wə}-te-qəm zə-q-a-z-ke-wəpəšə-ž'ə-n-ew-jə
 1SG.ABS-happen-IPF-NEG RFL.ABS-DIR-3PL.IO-1SG.ERG-CAUS-release-RE-MOD-ADV-ADD
 'I was not able to make them release myself.'
- (6) se k^{wən}ž'e-m-č'e sə-z-o-plə-ž'
 I mirror-OBL-INS 1SG.ABS-RFL.IO-DYN-look-RE
 'I am looking at myself in the mirror.'

However, there are intransitive verbs, called *inverse verbs*, which violate this. For them, a more agentive indirect object may control the reflexive prefix appearing in the position intended for the absolutive cross-reference. Examples include the verb 'be forgotten', with the agentive indirect object argument introduced with a locative applicative (7),¹ and the "potential" forms of verbs with transitive stems (i.e. stems allowing the appearance of the ergative cross-reference prefix), where the most agentive argument appears as an indirect object introduced with the benefactive applicative (8).

- (7) zə-s-šə-k^{wə}pəšə-ž'-a
 RFL.ABS-1SG.IO-LOC-be.forgotten-RE-PST
 'I forgot myself.'
- (8) zə-s-x^w-je-ke-ž'e-ž'-qəm jəstorjəmə-m
 RFL.ABS-1SG.IO-BEN-DAT-CAUS-study-RE-NEG history-OBL
 'I cannot teach myself history.'

The basic word order of Kabardian is usually claimed to be SOV (Actor – Undergoer – Verb), see [Colarusso, 1992, 169ff]. Yet in reality almost no strict restrictions on the order of constituents is found. Nonetheless, it is natural to describe this language as left-branching, since it has postpositions rather than prepositions and normally places syntactically autonomous attributes before their heads.

3. UCCs: the first acquaintance

The defining properties of the UCC in Kabardian are listed below:

- the subordinate clause contains an interrogative pronoun,
- the subordinate clause is marked by a sequence of morphemes *-m-jə*, the result of combining the conditional *-me* and the additive *-jə*.

Typologically, both properties are quite widespread for UCCs [Haspelmath, König, 1998], and combining the conditional and additive markers is typical for concessives in general [Xrakovskij et al., 2012].

¹ Curiously, this verb also allows the appearance of the indirect object reflexive prefix controlled by the absolutive argument, and in fact, this form is even highly preferred by some speakers:

- (i) sə-z-šə-k^{wə}pəšə-ž'-a
 1SG.ABS-RFL.IO-LOC-be.forgotten-RE-PST
 'I forgot myself.'

See also [Letuchiy, 2013] for discussion of similar facts in West Circassian.

(9)–(14) illustrate the use of various interrogative pronouns in UCCs:

- (9) *mə-č'e xet sət¹ qə-š-jə-κ^wet-a-m-jə, se*
 that-INS who what DIR-LOC-3SG.ERG-find-PST-COND-ADD I
qə-z-a-t
 DIR-1SG.IO-3PL.ERG-give

'No matter who finds what here, they give it to me.'

- (10) *st-x^we.de-rje he qə-z-e-zeq-a-m-jə,*
 what-like-ADJ dog DIR-1SG.IO-DAT-bite-PST-COND-ADD
a-bə.m sə-š-o-š'əne
 that-OBL 1SG.ABS-LOC-DYN-be.afraid

'Whichever dog bit me, I am afraid of it.'

- (11) *sət-šə-κ^we-č'-jə žəbκe-šxo q-je-pše-m-jə,*
 what-LOC-time-INS-ADD wind-AUG DIR-DAT-blow-COND-ADD
 (a *waxte-m*) *šanκ^wəbž'e-r ze-x^wə-z-o-š*
 that time-OBL window-ABS REC.IO-BEN-1SG.ERG-DYN-do

'Whenever the strong wind blows, I close the windows.'

- (12) *sətə-m šhe.č'e a-bə.m šə-mə-ʔ-a-m-jə,*
 what-OBL for that-OBL LOC-NEG-be-PST-COND-ADD
a-bə.m par-jə x^wə-ze-fe-č'-qəm
 that-OBL nothing-ADD BEN-RFL.IO-MAL-go.out-NEG

'Whatever s/he is there for, nothing comes (of it).'

- (13) *ta-x^we.de-rje txəl-xe-r f-u s-λəκ^w-m-jə,*
 which-like-ADJ book-pl-ABS well-ADV 1SG.ERG-see-COND-ADD
a-p-x^we.de-xe-m se s-ja-ž'e-n-u s-fe-f
 that-OBL-like-PL-OBL I 1SG.ABS-3PL.IO+DAT-read-MOD-ADV 1SG.IO-MAL-desired

'Whichever books I like, I prefer to read them.'

- (14) *dapše jo-mə-t-m-jə x^wə-rjə-q^wə-ne-qəm*
 how.much DAT+2SG.ERG-NEG-give-COND-ADD BEN-LOC-enough-MOD-NEG
 'However much you will give him, this will not be enough for him.'

The interrogative pronoun is usually fronted (possibly because of fronting of its correlate in the Russian stimulus), but it need not do so, as the following example demonstrates:

- (15) *nač'al'nike-r xet je-mə-pλ-m-jə,*
 chief-ABS who DAT-NEG-look-COND-ADD
z.e.we ja-že ze-tr-a-pe-t
 right.away 3PL.IO+POSS-mouth REC.IO-LOC-3PL.ERG-close-IPF
 'Whoever the chief looked at, they closed their mouths straight away.'

¹ Interestingly, although *sət* 'what?' (or some cognate of *sət*) serves as the basic inanimate interrogative pronoun in Circassian, it is not actively used in Kuban Kabardian questions, being replaced with another pronoun, *λo*. The latter, however, cannot be used in the UCC construction.

(16) a. *zə-he-g^were-r qə-z-e-zeq-a-m-jə,
 one-dog-some-ABS DIR-1SG.IO-DAT-bite-PST-COND-ADD
 a-bə.m sə-ŝ-o-ŝ'əne
 that-OBL 1SG.ABS-LOC-DYN-be.afraid

- (20) a-bə jə-maɫɣe-m, maʃəne-m kʷed.ʃə-a-we jə-s
that-OBL POSS-son.in.law-OBL car-OBL frequently-ADV LOC-sit
pe.t-m-jə,
when-COND-ADD
ʒʷə.re ne-s-čʷe prava qə-d-jə-x-a-qəm
now DIR-reach-INS license DIR-LOC-3SG.ERG-carry-PST-NEG

‘Her son-in law, though he often drives a car, has not got the driver’s license till now.’

- (21) žəle-m wə-šə-psew-m-jə wə-šə-mə-psew-m-jə
village-OBL 2SG.ABS-LOC-live-COND-ADD 2SG.ABS-LOC-NEG-live-COND-ADD
w-jə-adəge xabze zə-šə-b-ke-bʷəpše
2SG.IO-POSS-Circassian law RFL.IO-LOC-2SG.ERG-CAUS-be.forgotten
χʷə-ne-qəm
happen-FUT-NEG
‘Whether you live in a village or not, you should not let yourself forget the Circassian law.’ (Ksenia Ershova’s field notes)

There is, however, an important feature that differentiates UCCs from other concessive constructions (in addition to the obligatory presence of an interrogative pronoun): a UCC may contain an optional negative prefix, which does not carry negative semantics and therefore instantiates the so-called expletive negation, as in (22).¹

- (22) wəne-dapše jə-mə-ʔe-m-jə, jətan-jə j-e-šə
house-how.many POSS-NEG-be-COND-ADD then-ADD 3SG.ERG-DYN-make
‘No matter how many houses he has, he continues to build them.’

As a result, the semantics of the subordinate clause cannot contain negation at all. In particular, any subordinate clause in a UCC is interpreted as having positive polarity even if it contains the negative marker.² Cf.:

- (23) a-bə sət-xʷe.de s-jə-učʰenik jə-mə-çəxʷə-m-jə
that-OBL what-like 1SG.IO-POSS-pupil 3SG.ERG-NEG-know-COND-ADD
pedarke-nčʰ-u qe-n-a
present-CAR-ADV DIR-remain-PST
‘Whichever pupil of mine s/he knew, s/he was left without a present.’
*‘Whichever pupil of mine s/he did not know, s/he was left without a present.’
- (24) #xet ruslan jə-mə-λəxʷ-a-m-jə, a-xe-r
who Ruslan 3SG.ERG-NEG-see-PST-COND-ADD that-PL-ABS
jə-neʔʷase-qəm
POSS-acquaintance-NEG
‘Whoever saw Ruslan, s/he is not an acquaintance of his.’
*‘Whoever did not see Ruslan, s/he is not an acquaintance of his.’

¹ The expletive negation is observed in UCCs in many languages (Haspelmath, König, 1998). Some ideas concerning its motivation may be found in [Yoon, 2011] and [Makri, 2013], who both relate expletive negation to some kind of modality. An interesting feature of Circassian UCCs is that here negation is optional. Despite this, most elicited examples contain expletive negation, presumably because of the Russian stimulus, which obligatorily contains a negation marker.

² In theory, double negation may be used for negative polarity but it is too hard to process.

In other concessives, the negative prefix has a clear semantic motivation:

- (25) a-r mǝ-jǝnǝ-m-jǝ, qʷǝdame-m jǝ-ŝha.pe-m ne-s-u
 that-ABS NEG-big-COND-ADD branch-OBL POSS-top-OBL DIR-reach-ADV
 ŝ-t-a
 LOC-stand-PST
 ‘Although he was not big, he could reach the top of the branch.’

4. The restricting function of the subordinate clause

In many, instances UCCs restrict the reference of some argument of the matrix clause. For instance, in (26) the subordinate clause restricts the reference of the absolutive argument of the verb ‘you will eat (it)’.

- (26) we st-xʷe.de ŝʰxǝ.n p-ŝǝ-m-jǝ, (a-r)
 you(SG) what-like food 2SG.ERG-make-COND-ADD that-ABS
 p-ŝʰxǝ-žʰǝ-ne
 2SG.ERG-eat-RE-FUT
 ‘You will eat whatever dish you will prepare.’

Not surprisingly, some descriptions of Kabardian treat this construction as a kind of relative clause construction, which restricts the reference of an argument of the matrix clause. For example, Colarusso [1992, p. 193] in his Kabardian grammar gives examples of UCCs as clauses containing an independent relative pronoun. In fact, already in 1957 a Kabardian reference grammar described sentences like (26) as correlatives [Abitov et al. (eds), 1957, p. 218].¹

Typically, in correlatives the subordinate clause contains a pronoun which marks what is relativized, while the matrix clause contains a coreferent pronoun referring to the same entity. (27) is an example of the Hindi correlative construction, which serves as a canonical correlative in the literature. (28) presents a Turkish example of (what is considered) a correlative. Note that like in Kabardian UCCs, here the subordinate clause is marked with a conditional marker, which is actually a recurring phenomenon in correlatives [Lipták, 2009, p. 26–27].

- (27) Hindi [Srivastav, 1991, p. 639]
 jo laRkii khaRii hai vo lambii hai
 REL girl standing is DEM tall is
 ‘The grl who is standing is tall.’
- (28) Turkish [Kornflit, 1997, p. 60]
 ben [Chomsky ne yaz-ar-sa] on-u oku-r-um
 I Chomsky what write-AOR-COND that-ACC read-AOR-1SG
 ‘I read that which Chomsky writes.’

¹ It is worth noting that no other construction could be regarded as a correlative in Kabardian.

However, Kabardian UCCs cannot be described as correlatives, despite the apparent similarities to these patterns. In fact, even if the subordinate clause restricts the reference of some NP in the matrix clause, the interrogative pronoun in a UCC is not necessarily coindexed with this matrix NP. In (29), for instance, the interrogative refers to the possessor of the nominal predicate, but the generic subject of the matrix clause, whose reference is restricted, is coindexed with the subject of the subordinate clause rather than the possessor of the predicate. Hence the interrogative pronoun in such constructions cannot be considered a relative pronoun.

- (29) xet jə-mə-ǰ^we-m-jə, z-jə-ǰə-ž'ə-n x^w.je
 who POSS-NEG-son-COND-ADD RFL.ABS-3SG.ERG-bring.up-RE-MOD must
 'Whoever's son (you) are, (you) must bring up yourself.'

Moreover, it is easy to construct an example of the UCC where the matrix clause does not have any argument whose reference could be restricted by the subordinate clause:

- (30) xet d-jə-dirjektorə-m haš-u ǰə-x^we-mə-k^w-a-m-jə,
 who 1PL.IO-POSS-director-OBL guest-ADV DIR-BEN-NEG-go-PST-COND-ADD
 de d-jə-školə-r d-o-æ-ǰabze
 we 1PL.IO-POSS-school-ABS 1PL.ERG-DYN-CAUS-clean
 'Whoever comes to our director as a guest, we clean our school.'

- (31) xet jə-ž'e-m mə-bəw-a-m-jə,
 who POSS-COW-OBL NEG-moo-PST-COND-ADD
 s-jə-ž'e-m z-jə-wəšex^w-t
 1SG.IO-POSS-COW-OBL RFL.ABS-3SG.ERG-hide-IPF
 'Whoever's cow mooed, my cow kept silence.'

Clearly, UCCs have a broader function than correlatives. Informally, the subordinate clause in UCCs describes the conditions under which the situation described in the matrix clause is discussed, hence restricting the range of relevant contexts. If so, restricting the reference of an argument of the matrix clause is only a particular case of this broader function.

This suggests a link to conditionals, which are now believed to restrict the domain of implicitly or explicitly introduced quantifiers [Kratzer, 2012]. This may explain the frequent use of conditional markers with universal concessives, but leave open the question of the semantic representation of such restriction: what domain does the subordinate clause restrict? I will return to this question in Section 7.

5. The reference of the interrogative pronoun

The NP expressed by the interrogative pronoun does not behave as specific or definite. The following example demonstrates that it cannot be associated with a definite referent, here expressed with a proper name:

- (32) *st-x^we.de hazret pjat-jə-x q̇-jə-h-a-m-jə,
 what-like Hazret five(mark)-LNK-six DIR-3SG.ERG-carry-PST-COND-ADD
 gramote x^we-faše
 deed BEN-do.for
 ('Which Hazret got six excellent marks is worthy of a diploma.')

(33) and (34) show that the interrogative pronoun cannot introduce a specific referent. In the first of these examples, the interpretation of the matrix clause implies that the referent introduced by the interrogative pronoun be unique ("Lone Rider" is the name of a well-known novel by the Circassian writer Tembot Kerashev), so the sentence appears to be infelicitous. In (34) the UCC is found acceptable, but it cannot be continued with a clause that implies the unique reference.

- (33) *sət adəge-xe-m ja-hə-λ-a-we
 what Circassian-PL-OBL 3PL.ERG-carry-ALL-PST-ADV
 s-je-ž'-a-m-jə, jə-çe-te-r šəw-zaq^w
 1SG.ABS-DAT-read-PST-COND-ADD POSS-name-IPF-ABS rider-lone
 ('What I read devoted (lit. brought) to Circassians, its name was "Lone Rider".')

- (34) xet dəx^wase səp-je-x^weč'-a-m-jə,
 who yesterday 1SG.ABS-LOC-DAT-meet-PST-COND-ADD
 tha.w.je.ke.psew qə-z-ž'-jə-ʔ-a.
 thank.you DIR-1SG.IO-PREF-3SG.ERG-say-PST
 #a-r ruslan jad-u qə-še-č'-a.
 that-ABS Ruslan POSS+father-ADV DIR-LOC-go.out-PST
 'Whoever I met yesterday, s/he thanked me.
 #He turned out to be Ruslan's father.'

Rather the translations suggest that the reference of the interrogative pronoun can be characterized as free choice (FC), the kind of reference which originally was associated with the "universal" reading of English *any* as in *The most attractive part of any camel is the toe*,¹ but later was shown to be relevant for the description of indefinite pronouns cross-linguistically [Haspelmath, 1994; Giannakidou, 2001; Jayez, Tovena, 2007; Menendez-Benito, 2010]. Note that interrogatives in Circassian

¹ Interestingly, Zeno Vendler, who first described this reading of *any* as "freedom of choice", provided a UCC paraphrase for the sentence *I can beat any one of you*: "no matter whom you select from among you, I can beat him" [Vendler, 1967, p. 80].

languages indeed may serve as the bases for FC indefinites, as in (35) (see also [Kapitonov, 2010] for West Circassian):

- (35) xet-jə q-je-ž'e, se-r-č'e tʷə-r-jə zə
 who-ADD DIR-DAT-call(IMP) I-PRED-INS two-ABS-ADD one
 'Call anyone, no matter whom (lit., for me both are one)!'
 (Evgeny Mozhaev's field notes)

Two basic approaches to FC are found in literature [Haspelmath, 1994, p. 90ff]. The first approach identifies it with universal quantification, while the second approach suggests that FC indefinites represent narrow scope existential quantification (we will consider both possibilities later). In either case, the subordinate clause in the UCC construction must contain a quantificational pronoun.

6. Multiple quantificational pronouns in subordinate clauses

There may be several quantificational pronouns in a single UCC, as in (36)–(37):

- (36) xet xet jə-mə-λaκʷ-a-m-jə, z-e-χʷen-t
 who who 3SG.ERG-NEG-see-PST-COND-ADD REC.IO-DAT-abuse-IPF
 'No matter who saw whom, they were abusing each other.'
- (37) xet sət jə-mə-qʷət-a-m-jə, jetane j-e-šə-ž'
 who what 3SG.ERG-NEG-break-PST-COND-ADD then 3SG.ERG-DYN-make-RE
 'No matter who broke what, after that he repairs this.'

Somewhat unexpectedly, for some speakers, one of the quantificational NPs in this case may be represented by a definite pronoun:¹

- (38) xet a-bə.m jə-rjə-mə-ʋe-zeš'-a-m-jə,
 who that-OBL LOC-3SG.ERG-NEG-CAUS-bored-PST-COND-ADD
 neχə-bere z-e-pseλe-ž'-a-qəm
 COMP-many+TIME REC.IO-DAT-talk-RE-PST-NEG
 'No matter who bored whom, they did not ever talk to each other.'

This reading is only possible for the pronoun *a-*, which formally behaves like a demonstrative but in fact serves as a neutral anaphoric pronoun. The replacement of *a-* with demonstratives proper blocks the quantificational reading; cf. (39a). If a participant is not expressed with a separate NP, it cannot get the quantificational reading either (39b).

¹ The data on this curious construction were collected in 2015 from four informants. However, my informants of 2016 did not accept this pattern. Hence I have to accept that its presence is at least subject to variation. It is worth noting that the use of a definite pronoun in quantificational reading is certainly not a default construction for any speakers.

- (39) a. xet mə-bə.m/mwe-bə.m/ž'a-bə.m
 who this-OBL/that-OBL/that-OBL
 jə-rjə-mə-ke-zeš'-a-m-jə,
 LOC-3SG.ERG-NEG-CAUS-bored-PST-COND-ADD
 neχə-bere z-e-psele-ž'-a-qəm
 COMP-many+TIME REC.IO-DAT-talk-RE-PST-NEG
- b. xet jə-rjə-mə-ke-zeš'-a-m-jə,
 who LOC-3SG.ERG-NEG-CAUS-bored-PST-COND-ADD
 neχə-bere z-e-psele-ž'-a-qəm
 COMP-many+TIME REC.IO-DAT-talk-RE-PST-NEG
 'Whomever s/he bored, they did not ever talk to each other.'
 *'No matter who bored whom, they did not ever talk to each other.'

However, it is not the case that a definite pronoun may always acquire a quantificational reading in UCCs with multiple quantificational NPs. In particular, if there are two quantificational pronouns, the one that is lower in the hierarchy $ERG > ABS > IO > \text{Possessor/Postpositional object}$ should be marked by the interrogative.¹ Otherwise it receives a simple anaphoric interpretation. Some examples follow.

In the subordinate clause of (40a), the definite pronoun refers to the ergative argument and the interrogative pronoun refers to the absolutive argument. While the latter gets the FC interpretation, the former gets either a quantificational reading or a definite interpretation (in which case it functions anaphorically). In (40b), however, the definite pronoun refers to the absolutive argument and being lower on the hierarchy, it cannot receive a quantificational reading.

- (40) $ERG > ABS$
- a. xet a-bə q-jə-mə-lex^w-a-m-jə,
 who that-OBL DIR-3SG.ERG-NEG-see-PST-COND-ADD
 zeč'e-m-jə selam ze-r-a-x-xe
 all-OBL-ADD greeting REC.IO-DAT-3PL.ERG-carry-PL
 'Whomever s/he sees, all greet each other.'
 'No matter who sees whom, all greet each other.'
- b. xet a-r q-jə-mə-lex^w-a-m-jə,
 who that-ABS DIR-3SG.ERG-NEG-see-PST-COND-ADD
 zeč'e-m-jə selam ze-r-a-x-xe
 all-OBL-ADD greeting REC.IO-DAT-3PL.ERG-carry-PL
 'Whoever sees him/her, all greet each other.'
 *'No matter who sees whom, all greet each other.'

¹ I have no data on what happens if there are more than two elements of this kind in the subordinate clause.

The following examples present similar facts concerning the combinations of the absolutive argument of an intransitive verb and an indirect object (41), the absolutive argument of a transitive verb and a possessor (42), the absolutive argument of an intransitive verb and the object of a postposition (43). In all these cases, in order for a definite pronoun to get a quantificational reading, it is the absolutive (which is higher in the hierarchy) that must be expressed with this pronoun.

(41) ABS > IO

- a. xet a-r je-mə-zew-a-m-jə,
 who that-ABS DAT-NEG-beat-PST-COND-ADD
 zeɕ'e-r-jə z-o-ɸə-ʒ'-xe
 all-ABS-ADD REC.IO-DYN-good-RE-PL
 'Whoever s/he bit, all made it up with each other.'
 'No matter who bit whom, all made it up with each other.'

- b. xet a-bə je-mə-zew-a-m-jə,
 who that-OBL DAT-NEG-beat-PST-COND-ADD
 zeɕ'e-r-jə z-o-ɸə-ʒ'-xe
 all-ABS-ADD REC.IO-DYN-good-RE-PL
 'Whoever bit him, all made it up with each other.'
 *'No matter who bit whom, all made it up with each other.'

(42) ABS > Possessor

- a. xet jə-pχ^{wə}-m a-r je-mə-pλ-a-m-jə,
 who POSS-daughter-OBL that-ABS DAT-NEG-look-PST-COND-ADD
 z-e-χ^{wen}-t
 REC.IO-DAT-abuse-IPF
 'At whoever's daughter s/he looked, they were abusing each other.'
 'No matter who looked at whose daughter, they were abusing each other.'

- b. a-bə.m jə-pχ^{wə}-m xet je-mə-pλ-a-m-jə,
 that-OBL POSS-daughter-OBL who DAT-NEG-look-PST-COND-ADD
 z-e-χ^{wen}-t
 REC.IO-DAT-abuse-IPF
 'Whoever looked at his/her daughter, they were abusing each other.'
 *'No matter who looked at whose daughter, they were abusing each other.'

(43) ABS > Postpositional object

- a. xet-dje a-r mə-ḱ^w-a-m-jə,
 who-at that-ABS NEG-go-PST-COND-ADD
 pedarke qə-r-jə-t-a
 present DIR-DAT-3SG.ERG-give-PST

‘Whoever s/he came to, s/he gave him/her a present.’

‘No matter who came to whom, s/he gave him/her a present.’

- (43) b. a-bə-dje xet mə-ḵ^w-a-m-jə,
 that-OBL-at who NEG-go-PST-COND-ADD
 pedarke qə-r-jə-t-a
 present DIR-DAT-3SG.ERG-give-PST

‘Whoever came to him/her, s/he gave him/her a present.’

*‘No matter who came to whom, s/he gave him/her a present.’

It is not that easy to analyze the combinations of the ergative argument and non-absolutive participants, since they are marked with the same (oblique) case. It is clear, however, that the ergative argument outranks at least possessors and postpositional objects:¹

(44) ERG > Possessor

- a. xet jə-q^we a-bə jə-mə-š’ə-ž’-a-m-jə ja.dje,
 who POSS-SON that-OBL 3SG.ERG-NEG-lead-RE-PST-COND-ADD at.home
 jane-jade-xe-m tha.w.je.ḵe.psew qə-ž’ə-r-a-ʔe
 POSS+mother-POSS+father-PL-OBL thank.you DIR-PREF-DAT-3PL.ERG-say

‘Whoever’son s/he led home, his parents thank him/her.’

‘No matter who led whose son home, his parents thank him/her.’

- b. a-bə jə-q^we xet jə-mə-š’ə-ž’-a-m-jə ja.dje,
 that-OBL POSS-SON who 3SG.ERG-NEG-lead-RE-PST-COND-ADD at.home
 jane-jade-xe-m tha.w.je.ḵe.psew qə-ž’ə-r-a-ʔe
 POSS+mother-POSS+father-PL-OBL thank.you DIR-PREF-DAT-3PL.ERG-say

‘Whoever led his/her home son, his parents thank him/her.’

*‘No matter who led whose son home, his parents thank him/her.’

If there are two participants that have the same rank in the hierarchy, neither can have a quantificational reading if expressed with a definite pronoun:

(45) Postpositional object = Possessor

- a. xet šhe.č’e a-bə.m jə-š mə cəx^wə-m
 who for that-OBL POSS-horse this person-OBL
 jə-mə-dəḵ^w-a-m-jə, a-xe-r ze-rə-cəx^w-a-qəm
 3SG.ERG-NEG-steal-PST-COND-ADD that-PL-ABS REC.IO-RCP-know-PST-NEG

‘For whomever this person stole a horse of his, they did not get to know each other.’

*‘No matter this person stole whose horse for whom, they did not get to know each other.’

¹ Unfortunately, I have no reliable examples which allow to compare indirect objects and possessors.

- (45) b. a-bə.m šhe.č'e xet jə-š mə cəx^{wə}-m
 that-OBL for who POSS-horse this person-OBL
 jə-mə-də^w-a-m-jə, a-xe-r ze-rə-cəx^w-a-qəm
 3SG.ERG-NEG-steal-PST-COND-ADD that-PL-ABS REC.IO-RCP-know-PST-NEG
 'Whoever's horse this person stole for him/her, they did not get to know each other.'
 *'No matter this person stole whose horse for whom, they did not get to know each other.'

Curiously, the same holds for the absolutive and the agentive indirect object of inverse verbs. Recall that these verbs are formally intransitive but have an indirect object which is more agentive than the absolutive. (46) and (47) demonstrate that the quantificational reading is inaccessible for a definite pronoun in either the absolutive position or the indirect object position for the inverse verb 'to be forgotten by' and for a potential inverse verb:

- (46) a. xet a-bə.m šə-g^{wə}pše-ž'-m-jə,
 who that-OBL LOC-be.forgotten-RE-COND-ADD
 ze-x^{wə}e-ze-ž'-xe-qəm
 REC.IO-BEN-meet-RE-PL-NEG
 'Whoever s/he forgot, they don't meet anymore.'
 *'No matter who forgot whom, they don't meet anymore.'
- b. a-r xet šə-g^{wə}pše-ž'-m-jə,
 that-ABS who LOC-be.forgotten-RE-COND-ADD
 ze-x^{wə}e-ze-ž'-xe-qəm
 REC.IO-BEN-meet-RE-PL-NEG
 'Whoever forgot him/her, they don't meet anymore.'
 *'No matter who forgot whom, they don't meet anymore.'

- (47) a. a-bə.m xet x^{wə}e-wəč'-te-m-jə,
 that-OBL who BEN-beat-IPF-COND-ADD
 jen-u j-e-wəč'
 whole-ADV 3SG.ERG-DYN-beat
 'Whomever s/he could beat, s/he is beating all the time.'
 *'No matter who could beat whom, s/he is beating him/her all the time.'
- b. xet a-r x^{wə}e-wəč'-te-m-jə,
 who that-ABS BEN-beat-IPF-COND-ADD
 jen-u j-e-wəč'
 whole-ADV 3SG.ERG-DYN-beat
 'Whoever could beat him/her, s/he is beating all the time.'
 *'No matter who beats whom, s/he is beating him/her all the time.'

7. Accounting for the restricting function and FC semantics

Izvorski [2000] noted that “intuitively, concessives that involve free adjunct free relatives are interpreted as an exhaustive conjunction of conditionals”, so a sentence like *Whatever John cooks, he will win the cooking contest* is interpreted as ‘If John cooks x_1 , he will win the cooking contest, & If John cooks x_2 , he will win the cooking contest, & ... If John cooks x_n , he will win the cooking contest’. If conditionals were taken to denote implication, Izvorski’s representation of the meaning of UCCs could be represented as quantification over the unknown part of the conditions, as in (48). This would correspond to the interpretation of FC as universal quantification.

(48) $\forall x \ [[John\ cooks](x) \rightarrow [John\ will\ win\ the\ cooking\ contest]]$

However, as was said above, following the mainstream view (see, for instance, [Kratzer, 2012]) originating from David Lewis’ [1975] work on adverbs of quantification, I assume that conditionals have another function, namely the restriction of the domain of quantification of some operator in a tripartite structure like (49), where x is a variable quantified over.

(49) $Op_x \ [RESTRICTOR_x] \ [NUCLEAR\ SCOPE_x]$

In (49), the bound variable should be present in both parts of the sentence. Yet as we saw above, the variable corresponding to the interrogative need not be present in the matrix clause. Hence I assume that the universal quantifier should bind some other variable, which has scope over the indefinite pronoun, as in (50). This corresponds to the interpretation of FC as narrow scope existential quantification.

(50) $\forall x \ [[John\ cooks\ something](x)] \ [[John\ will\ win\ the\ cooking\ contest](x)]$

To solve this problem, I will use the approach called ‘Davidsonian semantics’ and represent the semantics of UCCs as a kind of quantification over events. In the Davidsonian semantics, every event is associated with an event variable which can serve as an argument not only of verbs but also, for example, of adverbials.¹ According to this approach, the English sentence (51a) states the existence of an event as is shown in (51b).

- (51) a. John quickly cooked something
b. $\exists e \exists x \ [cooked(John, x, e) \ \& \ quick(e)]$

¹ Kratzer [1995] argued that the event variable is only introduced by stage-level predicates. Yet for simplicity’s sake, I assume that event variables are introduced by individual-level predicates too, since the subordinate clause in the Kabardian UCC construction may contain an individual-level predicate (as in (29)) and my proposal should hold for such examples as well. To retain Kratzer’s view, the external quantifier can be represented as quantifying over propositions in the style proposed by Kratzer, Shimoyama, [2002] for the description of indefinites in Hamblin semantics. See also [Rawlins, 2008, 2013] for an attempt to apply Hamblin semantics to UCCs.

I assume the variable which is quantified over in the UCC construction to be an event variable which corresponds to the complex event described in a sentence and includes (sub)events described in the subordinate clause and in the matrix clause. Then we get the following interpretation for Izvorski's example, where e_1 is the event described in the sentence, which includes the events e_2 and e_3 corresponding to the subordinate clause and the matrix clause respectively, as its parts:

- (52) $\forall e_1 \exists e_2 [||\text{John cooks something}|| (e_2) \ \& \ \textbf{part-of}(e_2, e_1)] \exists e_3 [||\text{John will win the cooking contest}|| (e_3) \ \& \ \textbf{part-of}(e_3, e_1)]$

Note that here I assume that other variables except the “external event” variable should be bound at the clause level. This is motivated by a mereological hierarchy of events which is reflected in syntax to some extent.

While this has an expected result in the case of Izvorski's sentence, I would like to modify the idea a little further and suggest that the UCC construction involves unselective quantification, i.e. quantification that binds every unbound variable in its scope [Lewis, 1975] (below, such variables are displayed as indices that follow the unselective quantifier). For Izvorski's example this will give the following representation:

- (53) $\forall_{e_1} \exists e_2 [||\text{John cooks something}|| (e_2) \ \& \ \textbf{part-of}(e_2, e_1)] \exists e_3 [||\text{John will win the cooking contest}|| (e_3) \ \& \ \textbf{part-of}(e_3, e_1)]$

A similar translation can be proposed for a Kabardian sentence like (54a); cf. (54b) (for simplicity's sake, I represent definite descriptions as constants):

- (54) a. $\text{sət} \quad \text{a-bə} \quad \text{jə-mə-wəpʃef-a-m-jə},$
 what that-OBL 3SG.ERG-NEG-cook-PST-COND-ADD
 $\text{jə-λə-r} \quad \text{qə-ʃə-tχʷə-t}$
 POSS-man-ABS DIR-LOC-compliment-IPF
 ‘Whatever she cooked, her husband complimented her.’

- b. $\forall_{e_1} \exists e_2 \exists x [\textbf{cooked}(\text{she}, x, e_2) \ \& \ \textbf{part-of}(e_2, e_1)] \exists e_3 [\textbf{complimented}(\text{her-husband}, \text{she}, e_3) \ \& \ \textbf{part-of}(e_3, e_1)]$

Abstracting away from specific examples, I propose that the semantics of Kabardian UCCs may look as in (55):

- (55) $\forall_{e_1} \exists e_2 \exists x [\textbf{P}(x, e_2) \ \& \ \textbf{part-of}(e_2, e_1)] \exists e_3 [\textbf{Q}(e_3) \ \& \ \textbf{part-of}(e_3, e_1)]$

Here there is an unselective universal quantifier which binds the “external event” variable and there are two subevents corresponding to the restrictor and to the nuclear scope. Note that the restrictor should contain an existentially quantified variable (expressed with the interrogative pronoun) which naturally has narrow scope with respect to the universal quantifier. This narrow scope is a source of the FC reading of the interrogative pronoun.

But what is the source of universal quantification in (55)? I suggest that it is implied from the semantics of FC, which presume existential quantification occurring in the scope of universal quantification [Menendez-Benito, 2010]. In Kabardian, then, universal quantification is accommodated due to the appearance of an interrogative phrase.¹

This semantics, of course, does not capture some peculiar meaning components noticed in the literature on UCCs such as mutual exclusivity of the alternatives described within the concessive [Rawlins, 2008, 2013] and the possible unexpectedness of the co-existence of some of these alternatives and the event described by the matrix clause. However, in Kabardian these components turn out not to be necessary, as shown by (56):

- (56) st-x^{we}.de-rje txəλ adəge-xe-m ja-hə-λ-a-we
 what-like-ADJ book Circassian-PL-OBL 3PL.ERG-carry-ALL-PST-ADV
 s-je-ž'-a-m-jə, šəw-zaq^w s-jə-g^w
 1SG.ABS-DAT-read-PST-COND-ADD rider-lone 1SG.IO-POSS-heart
 r-jə-h-a
 LOC-3SG.ERG-carry-PST
 Lit., 'Whichever book devoted (lit. brought) to Circassians I read, I liked
 "Lone Rider".'

Importantly, the semantic representation (55) may explain the asymmetry observed in constructions with quantificational definite pronouns. I assume that anaphoric pronouns introduce free variables. If an expression contains an unselective universal quantifier, it may bind the variable introduced by the anaphoric pronoun just as it binds the external event variable.

Consider (40a) repeated here as (57a) and its semantic representation (57b), where the variable *x* corresponds to the agent of the predicate 'see' and the variable *y* corresponds to its undergoer:

- (57) a. xet a-bə q-jə-mə-λeɣ^w-a-m-jə,
 who that-OBL DIR-3SG.ERG-NEG-see-PST-COND-ADD
 zeč'e-m-jə selam ze-r-a-x-xe
 all-OBL-add greeting REC.IO-DAT-3PL.ERG-carry-PL
 'No matter who sees whom, all greet each other.'

- b. $\forall_{e_1, x} \exists e_2 \exists y [\text{see}(x, y, e_2) \ \& \ \text{part-of}(e_2, e_1)] \exists e_3 [\text{all-greet-each-other}(e_3)]$

Here the unselective universal quantifier binds the first event variable and the variable introduced by the definite pronoun. A free variable can be introduced by

¹ Alternatively, it can be assumed that the universal quantification is something as a default for conditionals and conditional-like structures in general.

an anaphoric pronoun but not by a deictic pronoun, which explains why deictic pronouns are not available in this construction. On the other hand, the variable introduced by the interrogative phrase is bound by an existential operator, according to the FC semantics of this phrase. As in other cases, the presence of an interrogative pronoun is necessary, because it forces the appearance of the universal quantifier.

Now, note that there is scopal asymmetry between the two arguments of the verb ‘see’ in this example: the ergative argument has scope over the absolutive argument. This may be a clue to the asymmetry discussed earlier in this section. It seems that the argument bound by the universal quantifier must take scope over the argument expressed by the interrogative pronoun.

On the one hand, one can suggest that the scope effects observed here are directly motivated by the syntactic structure. This approach meets several problems. First, there is not much evidence that Circassian languages are syntactically accusative and that the ergative argument should be structurally higher than the absolutive argument (but see [Lander, Testelet, to appear]), on the contrary, there is non-trivial evidence that these languages are syntactically ergative [Lander, 2010, 2015]. Second, a purely syntactic approach cannot explain the effects (or, to be more precise, the absence of effects) observed for “inverse” verbs. On the other hand, the scopal asymmetry may be explained by topicality: more topical elements should have wider scope than less topical elements. The problem is that we cannot compare topicality of non-referential arguments. However, the hierarchy, or at least a part of it (e.g., *ERG* > *ABS*) may be related to some default topicality dimension, which could undergo grammaticalization. Still, it is most likely that several factors come into play in this case, so both the syntactic structure and the default topicality are relevant.

A further problem is related to the syntax-semantics interface. How can the argument expressed with the definite pronoun within the subordinate clause be interpreted at a higher level? There is, however, an additional and quite exotic piece of evidence that suggests that this is possible in Kabardian. In particular, an NP that contains a universal distributive quantifier may intrude into the subordinate clause and bind an argument of the matrix clause, as in (58):

- (58) xet λə-pebž’ q’-jə-š’-a-m-jə,
 who man-every DIR-3SG.ERG-lead-PST-COND-ADD
 a-bə.m jə-wəne jə-ke-psə-n x^w.je
 that-OBL POSS-house 3SG.ERG-CAUS-shine-MOD must
 ‘No matter who marries whom, he must decorate his house.’

(58) does not mean ‘Whomever every man married’, presumably for pragmatic reasons. Yet its resulting interpretation suggests that the nominal λə-pebž’ has scope

over the whole sentence, as it serves as an antecedent of the ergative pronoun of the matrix clause. It is worth noting that in other constructions binding of an element of the matrix clause by a quantifier in the subordinate clause has been observed in Circassian before [Testeleets, 2009; Lander, Testeleets, to appear]. Yet, in our case it harmonizes with the interpretation proposed for the whole UCC construction. The agent variable in (58) is universally quantified explicitly and hence need not be bound by unselective quantification:

(59) $\forall e_1 \forall x \exists e_2 \exists y [\text{see}(x, y, e_2) \ \& \ \text{part-of}(e_2, e_1)] \exists e_3 [\text{all-greet-each-other}(e_3)]$

Recall that [Lander 2010, to appear] presented evidence that (some) NPs in Circassian languages need not be included in the “core” of the clause but may be interpreted somewhere outside. The findings presented here support this idea for Kuban Kabardian.

8. Conclusion

In this paper, I described the UCC construction of Kuban Kabardian and proposed a semantic analysis based on an assumption that one of its principal constituents, the interrogative phrase has free choice semantics described as existential quantification within the scope of a universal operator. I showed that this universal operator should or may be unselective, which explains such an unusual pattern as the quantificational use of a definite pronoun (bound by the unselective universal quantifier).

It is important that the possibility of the patterns found for UCCs in Kabardian depends on the polysynthetic nature of the language. In particular, I assumed that the binding of definite pronouns and the unexpected use of an NP containing the distributive quantifier ‘every’ shown in (58) are both related to the possibility of (some) NPs to be interpreted somewhere outside the “core” of the clause. However, I have neither specified the status of this core, nor outlined the basic architecture of the Kabardian sentence, which is needed for the full compositional treatment of this construction. The problem is that for the time being we are not in a position where we can describe this syntactic structure in sufficient details, so I have to postpone any elaboration on a complete theory of Kabardian UCCs.

In fact, achieving this goal is even more difficult, since there are elements which are commonly used for detecting the details of the syntactic structure but which in Circassian languages show very idiosyncratic properties, such as the distributive universal quantifier which may even form predicative NPs [Arkadiev, Lander, 2013]. It may be that it is these idiosyncratic properties that allow NPs with the distributive quantifier to appear in constructions like (58), but combining these details of the puzzle requires giving up many standard assumptions. This step could be supported or precluded by cross-linguistic data, but there is still much to do with the semantics of polysynthetic languages.

References

- Abitov et al. (eds.), 1957 – *Grammatika kabardino-čerkeskogo literaturnogo jazyka*. Abitov M.L. et al. (eds). Moscow: Izd. AN SSSR, 1957.
- Arkadiev, Lander, 2013 – Arkadiev P., Lander Yu. Non-quantificational distributive quantifiers in Besleney Kabardian. *Snippets*. 2013. Issue 27. Pp. 5–7.
- Bagov P.M. et al. (eds.), 1970 – *Grammatika kabardino-čerkeskogo literaturnogo jazyka*. Bagov P.M. et al. (eds). Moscow: Nauka, 1970.
- Baker, 1996 – Baker M.C. *The polysynthesis parameter*. New York: Oxford University Press, 1996.
- Colarusso, 1989 – Colarusso J. East Circassian (Kabardian dialect). In: *The indigenous languages of the Caucasus*. Vol. 2. *The North West Caucasian languages*. Hewitt B.G. (ed.) New York: Caravan Books, 1989. Pp. 261–355.
- Colarusso, 1992 – Colarusso J. *A grammar of the Kabardian language*. Calgary: University of Calgary Press, 1992.
- Colarusso, 2006 – Colarusso J. *Kabardian (East Circassian)*. München: LINCOM Europa, 2006.
- Gawron, 2001 – Gawron J. M. Universal concessive conditionals and alternative NPs in English. In: *Logical perspectives on language and information*. Condoravdi C., de Lavalette G.R. (eds) Stanford: CSLI Publications, 2001. Pp. 73–105.
- Giannakidou, 2001 – Giannakidou A. The meaning of free choice. *Linguistics and philosophy*. 2001. Vol. 24. Pp. 659–735.
- Haspelmath, 1997 – Haspelmath M. *Indefinite pronouns*. Oxford: Clarendon, 1997.
- Haspelmath, König, 1998 – Haspelmath M., König E. Concessive conditionals in the languages of Europe. In: *Adverbial constructions in the languages of Europe*. van der Auwera J. (ed.). Berlin: Mouton de Gruyter, 1998. Pp. 563–640.
- Izvorski, 2000 – Izvorski R. Free adjunct free relatives. In: *WCCFL 19: Proceedings of the 19th West Coast conference on formal linguistics*. Billerey R., Lillehaugen B.D. (eds). Somerville: Cascadilla Press, 2000. Pp. 232–245.
- Jakovlev, 1948 – Jakovlev N.F. *Grammatika literaturnogo kabardino-čerkeskogo jazyka*. Moscow: Izd. AN SSSR, 1948.
- Jayez, Tovena, 2007 – Jayez J., Tovena L. Free Choiceness and Non Individuation. *Linguistics and philosophy*. 2007. Vol. 28. Pp. 1–71.
- Jelinek, Demers, 1994 – Jelinek E., Demers R.A. Predicates and pronominal arguments in Straits Salish. *Language*. 1994. Vol. 70. Pp. 697–736.
- Kapitonov, 2010 – Kapitonov I. Adyghe indefinites: Formal aspects. Paper presented at DGfS 32. Jahres-tagung, 26 February 2010.
- Kornflit, 1997 – Kornflit J. *Turkish*. London: Routledge, 1997.
- Kratzer, 1995 – Kratzer A. Stage-level and individual-level predicates. In: *The generic book*. Carlson G.N., Pelletier F.J. (eds). Chicago: The University of Chicago Press, 1995. Pp. 125–175.
- Kratzer, 2012 – Kratzer A. *Modals and conditionals*. Oxford: Oxford University Press, 2012.
- Kratzer, Shimoyama, 2002 – Kratzer A., Shimoyama J. Indeterminate pronouns: The view from Japanese. In: *The proceedings of the Third Tokyo conference on psycholinguistics (TCP 2002)*. Otsu Y. (ed.). Tokyo: Hituzi Syobo, 2002. Pp. 1–25.
- Kumakhov, 1969 – Kumakhov M.A. Kubanskij dialekt. In: *Očerki kabardino-čerkeskij dialektologii*. Kumakhov M.A. (ed.). Nalchik, 1969. Pp. 190–248.

Kumakhov (ed.), 2006 – *Kabardino-čerkeksskij jazyk*. 2 vols. Kumakhov M.A. (ed.). Nalchik: El-Fa, 2006.

Lander, to appear – Lander Yu. Circassian relative clause constructions. In: *Relative clauses in West Asia*. Donabedian A., Samvelian P. (eds). To appear.

Lander, 2005 – Lander Yu. A. “Pronominal’nye argumenty” i “adjunktnye imennye grupy” v adygejskom jazyke. In: *Vtoraja konferencija po tipologii i grammatike dlja molodyx issledovatelej*. Vydrin A.P. et al. (eds). St. Petersburg: Nauka, 2005. Pp. 90–95.

Lander, 2010 – Lander Yu. Subject properties of the Adyghe absolutive: evidence from relatives. Unpublished ms., 2010.

Lander, 2014 – Lander Yu. Philippine ergativity in a cross-linguistic perspective. Paper presented at the 12th Philippine Linguistics Congress, University of the Philippines – Diliman, Quezon-City, 26 November 2014.

Lander, Testelecs, to appear – Lander Yu., Testelecs Y. Adyghe. In: *The Oxford handbook of polysynthesis*. Fortescue M. et al. (eds). Oxford: Oxford University Press. To appear.

Letuchiy, 2012 – Letuchiy A. Ergativity in the Adyghe system of valency-changing derivations. In: *Ergativity, valency and voice*. Authier G., Haude K. (eds). Berlin: Mouton de Gruyter, 2012. Pp. 323–354.

Letuchiy, 2013 – Letuchiy A. Verb classes in Adyghe: derivational vs. nonderivational criteria. *Linguistics*. 2013. Vol. 51. No. 4. Pp. 729–766.

Lewis, 1975 – Lewis D. Adverbs of quantification. In: *Formal semantics of natural language*. Keenan E.L. (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 1975. Pp. 1–15.

Lipták, 2009 – Lipták A. The landscape of correlatives. An empirical and analytical survey. In: *Correlatives cross-linguistically*. Lipták A. (ed.). Amsterdam: John Benjamins, 2009. Pp. 1–46.

Makri, 2012 – Makri M.-M. *Expletive negation beyond Romance: clausal complementation and epistemic modality*. M.A thesis, University of York, 2013.

Menéndez-Benito, 2010 – Menéndez-Benito M. On universal Free Choice items. *Natural language semantics*. 2010. Vol. 18. Pp. 33–64.

Rawlins, 2008 – Rawlins K. (Un)conditionals: An Investigation in the Syntax and Semantics of Conditional Structures. Ph.D. diss., UCSC, 2008.

Rawlins, 2013 – Rawlins K. (Un)conditionals. *Natural language semantics*. 2013. Vol. 40. Pp. 111–178.

Srivastav, 1991 – Srivastav V. The syntax and semantics of correlatives. *Natural language and linguistic theory*. 1991. Vol. 9. Pp. 637–686.

Testelec, 2009 – Testelec Ja. Nevyražennye aktanty v polipredikativnoj konstrukcii. In: *Aspekty polisintetizma: očerki po grammatike adygejskogo jazyka*. Testelec Ja. et al. (eds). Moscow: RGGU, 2009. Pp. 654–711.

Turchaninov, Tsagov, 1940 – Turchaninov G., Tsagov M. *Grammatika kabardinskogo jazyka*. I. Moscow, Leningrad: Izd. AN SSSR, 1940.

van Riemsdijk, 2006 – van Riemsdijk H. Free relatives. In: *The Blackwell companion to syntax*. Vol. II. Everaert M., van Riemsdijk H. (eds). Oxford: Blackwell, 2006. Pp. 338–382.

Vendler, 1967 – Vendler Z. *Linguistics in philosophy*. Ithaca: Cornell University Press, 1967.

Xrakovskij (ed.), 2012 – *Typology of concessive constructions*. Xrakovskij V.S. (ed.). München: LINCOM, 2012.

Yoon, 2011 – Yoon S. ‘Not’ in the mood: the syntax, semantics and pragmatics of evaluative negation. Ph.D. diss., the University of Chicago, 2011.

Е.А. Лютикова

Синтаксис аппозитивных относительных предложений¹

В статье обсуждаются грамматические свойства аппозитивных относительных предложений – особого семантического класса относительных конструкций. Специфика аппозитивной интерпретации обычно считается следствием особого положения относительной клаузы в синтаксической структуре: предполагается, что аппозитивная относительная клауза присоединяется как минимум выше уровня определителей и кванторов определяемой именной группы. Что касается внутренней структуры аппозитивных конструкций, популярная точка зрения состоит в том, что аппозитивные относительные предложения не отличаются от рестриктивных. В статье на материале русского языка демонстрируются отличия внутреннего синтаксиса аппозитивных и рестриктивных относительных конструкций.

Ключевые слова: аппозитивные относительные предложения, рестриктивные относительные предложения, структура именной группы, эффект крысолова, русский язык.

1. Аппозитивная интерпретация относительных конструкций

Аппозитивные относительные предложения представляют собой один из семантических типов относительных конструкций. Среди относительных клауз с точки зрения интерпретации выделяется три типа: рестриктивные, максимализирующие и аппозитивные [Grosu, Landmann, 1998]. Рестриктивные относительные клаузы интерпретируются как предикат над индивидами, который ограничивает экстенционал (т.е. производит рестрикцию) модифицируемой именной группы. Например, в (1) интерпретация именной группы *ту актрису, которая представляла сегодня служанку* образуется конъюнкцией предиката *быть актрисой* и предиката *представлять сегодня служанку*.

(1) Я желаю видеть Анету, понимаешь, [ту актрису, [_{RESTR} которая представляла сегодня служанку]]. [А.И. Герцен. Сорока-воровка (1846)]

Максимализирующие относительные предложения в русском языке обычно представлены коррелятивной или безвершинной конструкцией, ср. (2а-б).

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02003 «Структура значения и ее отображение в системе лексических и функциональных категорий русского языка», реализуемый в МПГУ). Автор выражает искреннюю признательность А.В. Циммерлингу и анонимным рецензентам за ценные замечания.

Специфика максимализирующей интерпретации состоит в том, что относительная клауза создает уникальный для данной ситуации и потому определенный максимальный референт: *все, кто видел вас однажды* в (2а) и *все, кому жизнь надоела* в (2б).

- (2) а. [_{MAX} Кто видел вас однажды], тот навеки унесет с собою ваш божественный образ. [М.Ю. Лермонтов. Герой нашего времени (1839–1841)]
- б. [_{MAX} Кому жизнь надоела] – пусть прыгает за борт. [А.С. Новиков-Прибой. Цусима (1932–1935)]

В отличие от рестриктивных и максимализирующих относительных клауз, аппозитивные конструкции не участвуют в создании экстенционала именной группы. В (3а) аппозитивное относительное предложение определяет имя собственное *Корецкого*, которое в контексте рассказа имеет однозначно устанавливаемый референт. Семантический вклад аппозитивного предложения состоит в том, чтобы сообщить некоторую дополнительную фоновую информацию о данном референте. В (3б) о референте именной составляющей *наших грязных хозяев* дополнительно сообщается, что он участвует в еще одной ситуации: *молча на нас смотрели в каком-то ослеплении*, однако материал аппозитивного относительного предложения не принимает участия в создании дескрипции.

- (3) а. Лето Анна проводила в имении у тетки, отдельно от Корецкого, [_{APP} который всегда весной уезжал за границу]. [В.Я. Брюсов. Через пятнадцать лет (1909)]
- б. – Жалкие люди! – сказал я штабс-капитану, указывая на наших грязных хозяев, [_{APP} которые молча на нас смотрели в каком-то ослеплении]. [М.Ю. Лермонтов. Герой нашего времени (1839–1841)]

Аппозитивные относительные конструкции засвидетельствованы во многих языках. Вопрос об универсальной доступности аппозитивной интерпретации в языках мира на сегодняшний день, по-видимому, остается открытым. С одной стороны, имеются обобщения об отсутствии аппозитивной интерпретации у некоторых структурных типов относительных конструкций, например, у препозитивных относительных предложений или коррелятивной конструкции [de Vries, 2002, p. 29]. С другой стороны, для конкретных языков, использующих этот структурный тип относительной конструкции, были продемонстрированы возможности аппозитивной интерпретации. Так, препозитивные относительные клаузы в японском могут быть аппозитивными – пример (4) неоднозначен между рестриктивной и аппозитивной интерпретацией [Ishizuka, 2008]; в турецком,

татарском и, по-видимому, в других тюркских языках возможны нефинитные препозитивные относительные клаузы, имеющие аппозитивную семантику, по крайней мере, в конструкции с вершиной – именем собственным. Осетинская коррелятивная конструкция также может строиться на основе имени собственного (5), при этом ее интерпретация близка к аппозитивной [Беляев, 2014, с. 183].

- (4) [minna-ga sagasi-teiru] sono ronbun
каждый-NOM искать-ASP тот статья

(i) ‘та статья, которую все ищут’ (рестриктивное)

(ii) ‘та статья, ее все ищут’ (аппозитивное)

- (5) [Хъуыды кæн-ын цы Сослан нæ с-ахуыр ис],
мысль делать-INF что Сослан NEG PF-учение быть
уый дæр ма йæ мæгуыр-ау зонд-æй ба-мбæрст-а ...
DEM ADD PTCL 3SG.POSS бедный-EQU разум-ABL PF-понять-PST.3SG

‘Даже Сослан, который не научился думать, понял это своим слабеньким умом...’

В следующих разделах мы рассмотрим грамматические особенности аппозитивных относительных конструкций. В разделе 2 мы обсудим возможные гипотезы о внешнем синтаксисе аппозитивных предложений как источнике особой интерпретации этих конструкций. В разделе 3 мы исследуем внутреннюю синтаксическую структуру аппозитивных предложений русского языка и покажем, что специфика аппозитивных конструкций не сводима к их синтаксическому статусу в структуре главного предложения. Завершает статью раздел 4, в котором мы наметим анализ, учитывающий особенности внешнего и внутреннего синтаксиса аппозитивных относительных предложений в русском языке.

2. Синтаксический статус аппозитивных клауз в структуре главного предложения

Основной вопрос, который всегда занимал исследователей аппозитивных относительных предложений, связан с проблемой модификации: какого типа составляющую модифицирует аппозитивное относительное предложение, и каким образом семантическое отношение между этой составляющей и аппозитивным относительным предложением выражается в синтаксисе. Загадка аппозитивных относительных предложений в удивительном рассогласовании их синтаксического и семантического статуса: синтаксически явно подчиненная клауза демонстрирует значительную интерпретационную независимость.

Для иллюстрации этого феномена рассмотрим лишь несколько синтаксических и семантических особенностей аппозитивных относительных предложений.

С синтаксической точки зрения аппозитивное относительное предложение занимает фиксированную линейную позицию, располагаясь (за исключением случаев экстрапозиции) контактно с той ИГ, к которой оно относится. Так, в примере (6) аппозитивное предложение может относиться только к Петровым, но не к Ивановым:

- (6) Я представил Ивановым_i Петровых_j, с которыми_{j,*i,*i+j,*k} всегда поддерживал дружеские отношения.

Следует отметить, что сам тот факт, что ИГ-антецедент аппозитивного относительного предложения определяется однозначно, предположительно свидетельствует о том, что ИГ-антецедент является ближайшим доступным «контролером» аппозитивного относительного предложения: имеется такая составляющая, которая включает ИГ-антецедент и аппозитивное относительное предложение, но не включает другие ИГ-потенциальные контролеры (ср. с правилами контроля PRO в [Rosenbaum, 1967, 1970; Hornstein, 1999]). Такая конфигурация возможна, если аппозитивное относительное предложение находится достаточно близко в структуре главного предложения к ИГ-антецеденту, следовательно, степень синтаксической вложенности аппозитивной клаузы в общем случае определяется степенью синтаксической вложенности ИГ-антецедента.

Для некоторых языков можно сделать и более сильное утверждение, в соответствии с которым аппозитивное относительное предложение образует составляющую с ИГ-антецедентом. Так, в языках V2 имеется эффективная диагностика, позволяющая определить, является ли некоторая последовательность слов составляющей: в повествовательном предложении вторую позицию занимает спрягаемый глагол, а первую позицию может занять любая составляющая, но только одна. Применение этой диагностики в нидерландском языке показано в (7) [de Vries, 2002, (94)]. Мы видим, что в первой позиции может располагаться ИГ вместе с относящимся к ней аппозитивным предложением (7a); напротив, разорвать последовательность ИГ и аппозитивного предложения спрягаемым глаголом нельзя (7б). Следовательно, ИГ-антецедент и аппозитивное предложение образуют составляющую.

- (7) a. [Annie, die viool speelt], **heeft** een nieuwe strijkstok gekocht.

‘Анни, которая играет на скрипке, купила новый смычок.’

- б. *[Annie] **heeft**, [die viool speelt], een nieuwe strijkstok gekocht.

Пример (7) содержит еще одно свидетельство подчиненного синтаксического статуса аппозитивного предложения – так называемый «обратный порядок слов», характерный для всех видов придаточных предложений многих германских языков. Каким бы ни было объяснение «обратного порядка слов» в придаточных

предложениях (наиболее известное из них состоит в том, что главные и придаточные предложения возглавляются комплементаризерами с различными признаками [den Besten, 1983]), понятно, что по этому параметру аппозитивные относительные предложения также проявляют свойства синтаксически зависимых клауз.

Таким образом, с точки зрения синтаксических характеристик аппозитивное относительное предложение представляет собой зависимую клаузу, структурная позиция которой не может быть существенно выше позиции ИГ-антецедента; данные многих языков свидетельствуют о том, что ИГ-антецедент и аппозитивная клауза образуют составляющую. Однако удивительным образом семантические характеристики аппозитивных относительных предложений указывают на совершенно другой статус: аппозитивные предложения проявляют интерпретационные свойства независимых предложений или, по меньшей мере, предложений, расположенных очень высоко в структуре главного предложения.

Во-первых, во многих языках аппозитивные относительные предложения обладают семантическими характеристиками главной клаузы (main clause phenomena). Они способны содержать адвербиалы, ориентированные на говорящего (*frankly*, *apparently*, *честно говоря*, *по-видимому* и т.п., ср. (8а-б) из работы [Emonds, 1979, p. 239] и их русские переводы), логические связки, аргументами которых выступают главное и аппозитивное предложение (9), выражать наклонение (10) и т.п.

(8) а. The boys, [_{APP} who have **frankly** lost their case], should give up.
'Эти ребята, которые, **если быть честным**, проиграли, должны сдаться.'

б. *The boys [_{RESTR} that have **frankly** lost their case], should give up.
'*Те ребята, которые, **если быть честным**, проиграли, должны сдаться.'

(9) Именно в таких теоретико-деятельностных понятиях П.И. Зинченко проинтерпретировал полученный им эффект генерации, [_{APP} который, **следовательно**, можно считать вариантом структурно-деятельностного эффекта...] [Б.Г. Мещеряков. П.И. Зинченко и психология памяти // Вопросы психологии. 2003. № 7. С. 22]

(10) Из этой же тесьмы сделайте петлю, [_{APP} на которую **повесьте** игрушку].
[Веселая, нарядная // Амурский меридиан. 22.12.2004]

Во-вторых, материал аппозитивного относительного предложения находится вне сферы действия операторов, расположенных в главном предложении. Это положение можно продемонстрировать, используя отрицание и отрицательно-полярные единицы (NPI) [de Vries, 2002, p. 192]:

- (11) a. I didn't see a man [_{RESTR} who had had **any** drinks].
 'Я не видел человека, который бы выпил хоть какой-то напиток.'
 б. I didn't see Bill, [_{APP} who had had some/***any** drinks].
 'Я не видел Билла, который выпил какой-то напиток / *который бы выпил хоть какой-то напиток'

Заметим, что кванторы, расположенные в главном предложении, тем не менее, способны связывать местоимения в аппозитивном относительном предложении:

- (12) **Каждая** гейша_i рано или поздно обретает покровителя, который за право вызывать **ее**_i в любое время платит хозяйке заведения очень крупную сумму. [Всеволод Овчинников. Ветка сакуры (1971)].

Однако, как показано для английского языка в [Sells, 1985] и для русского языка в [Лютикова, 2012], такие случаи относятся к классу так называемой несвязанной анафоры (unbound anaphora), характерным примером которой являются «предложения с осликом» (donkey sentences)¹. Поскольку несвязанная анафора возможна даже между компонентами двух независимых предложений (ср. (13)), грамматичность (12) и подобных примеров не свидетельствует о расположении аппозитивного относительного предложения в области с-командования квантора.

- (13) *Каждый студент*_i получил *обходной лист*_j. **Он**_i должен проставить в **нем**_j необходимые печати и затем сдать на кафедру.

Таким образом, семантические свойства аппозитивных предложений в целом свидетельствуют об их независимой интерпретации. Более того, как кажется, содержащаяся в аппозитивных предложениях информация «привязана» не к ИГ-антецеденту, а ко всему главному предложению. Например, при эллипсисе, контролером которого является ИГ, определяемая аппозитивным относительным предложением, материал аппозитивного предложения не восстанавливается, ср. нидерландский пример (14) из [de Vries, 2002, p. 203].

- (14) Jij hebt twee violen, [_{APP} die trouwens al heel oud zijn], en ik heb er drie.
 'У тебя есть две скрипки, которые, кстати сказать, очень старые, а у меня три.'

¹ «Предложения с осликом» – группа контекстов, в которых имеет место семантическое связывание анафорического местоимения в отсутствие синтаксического связывания (с-командования). Источником названия послужил один из наиболее популярных примеров такого рода:

(i) If a farmer_i has a donkey_j, he_i beats it_j.
 'Если у фермера есть ослик, он его бьет.'

(i) = ‘...а у меня есть три скрипки.’

(ii) ≠ ‘...а у меня есть три скрипки, которые, кстати сказать, очень старые.’

Наконец, стоит отметить, что аппозитивной модификации могут подвергаться составляющие различных фразовых категорий, а не только именные группы. Так, в английском языке аппозитивные предложения с местоимением *which* могут относиться к CP, VP, AP и т.п.:

(15) а. *She was late, which was unwise.*

‘Она опоздала, что было неразумно.’

б. *She can play violin, which I can’t, by the way.*

‘Она умеет играть на скрипке, чего я, кстати, не умею.’

в. *She is self-confident, which I’m not.*

‘Она самонадеянна, а я нет.’

В русском языке аппозитивные предложения с местоимением *который* способны определять только ИГ; однако возможна аппозитивная модификация составляющих других фразовых категорий предложениями с относительным местоимением *что* и *какой/каковой*¹:

(16) а. *Он опоздал, что* было замечено. [Зализняк, Падучева, 1975, с. 61].

б. Она смогла *опубликоваться в LI, чего* мне никогда не удавалось.

в. Лавров пытался изложить свое понимание путей развития *универсального* алгоритмического языка, **каковым**, по его убеждению, Алгол еще не являлся. [Наталья Дубова. Орбита Лаврова // Computer World. 2004]

Академическая грамматика русского языка [Русская грамматика, § 2918–2922] относит часть таких предложений, а именно те из них, что отсылают к предикативной составляющей (финитной или нефинитной клаузе) к особому классу придаточных – распространительно-изъяснительным предложениям².

¹ Ограничения на использование местоимения *который* в таких аппозитивных предложениях, как кажется, не связаны с их специальным статусом, но отражают общее свойство этого местоимения, требующего лексической именной вершины. Так, в рестриктивных относительных предложениях, возглавляемых местоимениями, *который* неграмматично, а используются вопросительные местоимения (*кто, что, где* и т.д.):

(i) а. Они готовы идти к *любому, кто* их утешит.

б. *Они готовы идти к *любому, который* их утешит.

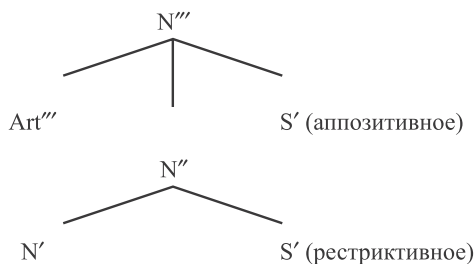
² Логика этого названия в том, что аппозитивные относительные предложения, определяющие ИГ, именуются распространительными (опредетельными) предложениями. Таким образом, аппозитивной семантике соответствует ярлык «распространительный», а компонент определительный/изъяснительный определяется типом модифицируемой группы.

Авторы грамматики также отмечают, что с семантической точки зрения это «придаточное» предложение таковым не является: «Предложения с местоимением *что*, ориентированным на предикативный центр главного предложения, характеризуются особым типом придаточности: придаточное предложение здесь не имеет синтаксической позиции внутри главного, оно формируется вне рамок последнего и не может быть сведено на положение какого-либо его члена. Напротив, позиция, которую занимает местоимение *что*, может рассцениваться как позиция, вовлекающая главное предложение в структуру отношений, устанавливающихся внутри придаточного. Не имея никакой опоры в главном предложении, такое придаточное является придаточным только по форме; по функции оно не отличается от самостоятельного предложения или от предложения, входящего в состав сложносочиненной конструкции...» [Русская грамматика, 1980, § 2920].

Если принять во внимание вышесказанное, становится понятно, почему именно проблема модификации стала центральной проблемой, обсуждаемой применительно к аппозитивным относительным предложениям. Как кажется, с самого начала среди синтаксистов возобладала идея, что специфика аппозитивной модификации (противопоставляющая ее рестриктивной) связана только с позицией относительной клаузы в синтаксической и логической структуре.

Поскольку наиболее очевидным отличием рестриктивных и аппозитивных относительных клауз является участие первых и не-участие вторых в создании экстенционала ИГ, простейшая гипотеза состоит в том, что рестриктивные относительные предложения присоединяются к ИГ ниже определителя/квантора, а аппозитивные – выше. Эта гипотеза возникает первоначально в семантических работах [Partee, 1973, 1975; Stockwell, Schachter, Partee, 1973] и затем получает синтаксическое выражение в [Jackendoff, 1977]:

(17)

С появлением DP-гипотезы [Abney, 1987] позиционное отличие рестриктивных и аппозитивных относительных предложений становится еще более четко артикулированным: рестриктивное относительное предложение рассматривается как адьюнкт к NP, в то время как аппозитивное – как адьюнкт к DP

[Browning, 1987]. Тем самым важнейшее отличие двух типов относительных предложений – расположение внутри vs. вне сферы действия определителя/квантора – получает очевидное структурное соответствие.

(18) а. $[_{DP} D [_{NP} [_{NP} N] RESTR]]$

б. $[_{DP} [_{DP} D [_{NP} N] APP]]$

Так, например, в [Demirdache, 1991, p. 111] оба семантических типа относительных клауз считаются (правыми) адьюнктами, однако адьюнктами разного уровня. Отсюда естественным образом следует взаимный порядок рестриктивных и аппозитивных относительных предложений в именной группе: рестриктивные располагаются ближе к именной вершине, чем аппозитивные.

Несмотря на то, что адьюнктный статус относительного предложения, по меньшей мере, рестриктивного, неоднократно оспаривался, само соотношение структурных позиций рестриктивных/аппозитивных относительных предложений остается неизменным. Так, Г. Чинкве предполагает две позиции для присоединения относительных клауз в универсальной структуре ИГ, так что рестриктивное предложение присоединяется ниже, а аппозитивное – выше определителя (IPnonrest > Dem > IPrest > Num > A > NP [Cinque, 2008]). Р. Кейн [Kayne, 1994] предполагает, что аппозитивная интерпретация достигается благодаря LF-передвижению относительного предложения в Spec, DP; рестриктивное же предложение в теории Кейна является компонентом D. Сходный анализ находим в [Bianchi, 1999]. Наконец, в диссертации [de Vries, 2002] рестриктивные относительные предложения представляют собой компонент D, в то время как аппозитивные присоединяются к DP как компоненты особого оператора – уточняющего сочинения (specifying coordination, обозначаемого как &:); как видно из (19), иерархическое соотношение между рестриктивными и аппозитивными предложениями сохраняется.

(19) а. $[_{DP} D [_{CP} NP RESTR]]$

б. $[_{&:P} DP [&: [APP]]]$

Все перечисленные анализы объединяет то, что аппозитивное относительное предложение на любом уровне деривации образует составляющую с ИГ-антецедентом или, по крайней мере, входит вместе с ним в составляющую следующего уровня. Соответственно, аппозитивное предложение получает зависимый синтаксический статус, а это значит, что его семантические характеристики, такие как интерпретационные эффекты главной клаузы и расположение вне сферы действия любых операторов из главного предложения, оказываются лишены синтаксической репрезентации.

Попыткой реализовать синтаксический подход к объяснению семантических свойств аппозитивных предложений является гипотеза главного предложения

(main clause hypothesis), согласно которой на некотором уровне синтаксического представления (собственно, на том, который и подвергается интерпретации) аппозитивное предложение представляет из себя конъюнкт или адъюнкт главной предложения.

Первым эту гипотезу применительно к аппозитивным относительным предложениям¹ высказывает Дж. Росс [Ross, 1967]: он предполагает, что на глубинном уровне аппозитивное предложение представляет собой конъюнкт главной клаузы, что объясняет все упомянутые выше семантические эффекты. Одним из вариантов этой гипотезы является анализ аппозитивных предложений как *парентетических* (скобочных) составляющих, которые адъюнкгируются к главному предложению и затем занимают наблюдаемую линейную позицию либо в результате «линейных перестановок» (reordering) у Дж. МакКоли [McCawley, 1981]², либо в результате экстрапозиции всего материала главной клаузы, расположенного между ИГ-антецедентом и аппозитивным предложением [Emonds, 1979].

С изменением представлений о том, репрезентация какого синтаксического уровня поступает на вход интерпретационного компонента, меняется и ориентация «гипотезы главной клаузы». Первые попытки приписать интерпретацию синтаксическим репрезентациям исходили из того, что семантическое представление создается на основе синтаксического представления уровня глубинной структуры (в связи с чем и возникает синтаксическая синонимия, когда к одной и той же глубинной синтаксической репрезентации были применены разные трансформации). Соответственно, «гипотеза главной клаузы» постулировала независимый статус аппозитивного предложения именно в исходной («глубинной») синтаксической структуре. Затем стало понятно, что для таких феноменов, как связывание и сфера действия операторов, релевантным уровнем является не глубинный и не поверхностный (соответствующий озвучиванию) уровень, а постсинтаксический уровень, на котором создается такая репрезентация предложения, как логическая форма (LF). В этой связи статус «главной клаузы» для аппозитивного предложения становится важен на уровне LF. Именно такой подход предлагает Х. Демирдаш [Demirdache, 1991, p. 103–162]: аппозитивное относительное предложение в видимом (overt) синтаксисе представляет собой адъюнкт DP и озвучивается в этой позиции; однако при переходе

¹ Следует иметь в виду, что первые формальные анализы деривировали все относительные конструкции из двух независимых предложений [Chomsky, 1965].

² В концепции МакКоли иерархический и линейный порядок на составляющих определяются независимо, что влечет возможность разрывных (discontinuous) составляющих, а также операций, меняющих линейное соотношение между составляющими без изменения структурного отношения между ними.

к уровню LF оно подвергается экстрапозиции и адьюнгируется к главному предложению, за счет чего и возникают все обсуждавшиеся выше интерпретационные эффекты.

В качестве варианта данного подхода можно рассматривать гипотезу, изложенную в работе [Safir, 1986], согласно которой связь аппозитивного относительного предложения с ИГ-антецедентом устанавливается на уровне «после LF» – LF'. В качестве мотивации этой гипотезы К. Сэфир рассматривает эффект слабого переезда (weak crossover)¹ в относительных предложениях и замечает, что он ожидаемо присутствует в рестриктивных (20а) и неожиданно отсутствует в аппозитивных относительных предложениях (20б).

(20) а. ?*A man who_i his_i wife loves t_i arrived early.

‘%Человек, которого_i его_i жена любит t_i, прибыл рано.’²

б. John_i who_i his_i wife loves t_i arrived early.

‘Джон, которого_i его_i жена любит t_i, прибыл рано.’

Для разрешения этого парадокса К. Сэфир предполагает, что принцип, ответственный за эффект слабого переезда, действует на уровне LF, но не LF'. Соответственно, деривация (20а) подразумевает нарушение этого принципа в LF, а деривация (20б) – нет. Этого можно добиться, если допустить, что (20б) имеет в LF такую репрезентацию, которая не создает условий для слабого переезда: например, относительное местоимение еще не коиндексировано с ИГ-вершиной, а значит, имеет другой индекс, чем относительное местоимение и его след. Коиндексирование возникает при присоединении аппозитивного относительного предложения к именной вершине на уровне LF', где оно уже не приводит к неграмматичности.

Наконец, существуют также такие подходы, которые решают проблему семантико-синтаксического интерфейса аппозитивных конструкций, расширяя набор допущений о возможных соотношениях синтаксических и семантических структур. С одной стороны, гипотеза «радикального сиротства» (radical orphanage, [Haegeman, 1988; Fabb, 1990]) предполагает, что аппозитивное относительное предложение и ИГ-антецедент не образуют составляющей ни на каком синтаксическом и/или логическом уровне: наблюдаемое контактное расположение аппозитивного предложения и именной вершины возникает при конкатенации

¹ Эффект слабого переезда состоит в неграмматичности линейного расположения анафорического местоимения между подвергшейся A'-передвижению именной группой и ее следом в случае, если анафорическое местоимение и передвинувшаяся группа коиндексированы. Эффект слабого переезда часто используется как диагностика A'-передвижения.

² В русском языке эффект слабого переезда, по-видимому, для части носителей отсутствует либо не создает сильной неграмматичности (Я.Г. Тестелец, личное сообщение).

двух различных синтаксических структур. Примерно таким же образом определяется линейная позиция сентенциальных парентетиков разного типа: вводных слов, обращений, метатекстовых вставок, – они синтаксически никак не связаны с предложением, внутри которого озвучиваются, ср. пример (21).

- (21) The main point – *why not have a seat?* – is outlined in the middle paragraph.
 ‘Главная мысль – *почему бы нам не присесть?* – изложена в среднем параграфе.’

С другой стороны, можно предположить, что аппозитивные относительные предложения нестандартно интерпретируются: они создают значение другого типа, которое нерелевантно для значения остального предложения. Такого рода подход развивает К. Поттс [Potts, 2002, 2003, 2005], который анализирует аппозитивные относительные предложения как пресуппозиционные пропозиции. При интерпретации они получают особый семантический тип *tc* (т.е. тип *t* для конвенциональных импликатур), в то время как главное предложение имеет тип *ta* (т.е. тип *t* для пропозиций *at-issue*). Таким образом можно добиться того, чтобы интерпретация главного предложения происходила независимо от интерпретации аппозитивного относительного предложения даже при учете их синтаксической интегрированности. Этот анализ, однако, предполагает, что все аппозитивные ОП пресуппозициональны, т.е. не участвуют в создании интерпретации *at-issue*, что, вообще говоря, неверно: аппозитивное относительное предложение, в отличие от прочих пресуппозициональных парентетиков, может выступать полноправным средством описания эпизода основной нарративной линии, ср. пример дискурса из корпуса рассказов [Корпус на русском языке]:

- (22) ИП: RUS T2-2.

4. ...(0.6)h Там он встретил-л своих / друзей,
5. **...(0.3) которые \ решили-и ээ(0.2) отметить / встречу,**
6. ...(0.6)h после /\ чего-о этот человек”(0.2) ...(0.2) как оказалось, выпил / лишнего,
7. ...(0.2) и-и / ему взбрело в голову пойти \ снова покататься на / лыжах с \ горки.

Как видно из предпринятого обсуждения, проблема модификации применительно к аппозитивным относительным предложениям далека от окончательного решения. Однако следует отметить, что проблема позиции аппозитивного предложения в синтаксической и логической структуре не должна заслонять другую проблему – внутреннего устройства аппозитивного относительного предложения. Мы остановимся на ней в следующем разделе.

3. Внутренний синтаксис аппозитивных относительных предложений

Учитывая существенное внешнее сходство рестриктивных и аппозитивных относительных предложений (ср., (4), а также другие примеры, неоднозначные между рестриктивной и аппозитивной интерпретацией), естественно предположить, что аппозитивные относительные предложения не уникальны в том смысле, что имеют такую же структуру, как другие относительные предложения данного языка, и их семантическая специфика связана исключительно с их позицией в главной клаузе / ИГ. Эту линию рассуждений обобщает Дж. Эмондс [Emonds, 1979] в названии своей статьи: *Appositive relatives have no properties* – ‘У аппозитивных относительных предложений нет собственных свойств’. Похожей позиции придерживается и де Фрис [de Vries, 2002]: он полагает, что английские аппозитивные относительные предложения по своей внутренней структуре соответствуют безвершинным относительным предложениям ($[_{DP} \ \emptyset_D \ [FR]]$), присоединяемым к ИГ-антецеденту при помощи оператора уточняющего сочинения.

Как кажется, этот подход не выдерживает критики, по крайней мере, на материале русского языка. Ниже мы покажем, что аппозитивные относительные предложения имеют особые структурные свойства, которые отличают их от прочих типов относительных клауз и которые не могут быть сведены к внешнему по отношению к аппозитивной клаузе синтаксису – месту присоединения относительного предложения к ИГ / главному предложению.

Поскольку в русском языке аппозитивные относительные предложения используют относительное местоимение *который*¹, они не могут быть соотнесены с безвершинными относительными предложениями, использующими вопросительные местоимения (*кто, что* и т.д.). Следовательно, единственная заслуживающая рассмотрения гипотеза – это возможное сходство внутренней структуры рестриктивных и аппозитивных относительных предложений.

Свойства рестриктивных относительных предложений русского языка, использующих союзное слово (относительное местоимение) *который*, подробно рассмотрены в [Лютикова, 2009; Холодилова, 2014]. К ним относятся, в частности:

(i) возможность использования в качестве маркера релятивизации подчинительного союза *что* (при этом, в зависимости от принимаемого анализа, местоимение *который* не озвучивается или заменяется на нулевой относительный оператор);

(ii) грамматические ограничения на объем выдвигаемой составляющей;

(iii) наличие эффектов связности (connectivity effects) – селективных ограничений и интерпретационных эффектов, свидетельствующих о порождении именной вершины внутри относительных предложений.

¹ В том случае, когда модифицируют ИГ; о прочих случаях см. выше.

Ниже мы обсудим применимость этих характеристик к аппозитивным относительным предложениям.

Обязательность относительного местоимения в аппозитивном относительном предложении и невозможность его опущения (с озвучиванием подчинительного союза или без него) в рестриктивном относительном предложении многих европейских языков были замечены довольно давно [Stockwell, Schachter, Partee, 1973; Chomsky, Lasnik, 1977]; русский язык также относится к языкам, соблюдающим данное правило:

- (23) а. Мальчишка, [_{RESTR} **что** меня сюда привел], говорил, что у вас Арина бывает. [Золото Ваньки Каина // Марийская правда. 20.01.2003]
- б. *^{1/2}Петька, [_{APP} **что** меня, кстати сказать, сюда привел], говорил, что у вас Арина бывает.

Несмотря на то, что данное обобщение оказалось неуниверсальным (как было показано в [Maling, 1978] и [Cinque, 1982], во многих языках относительное местоимение может быть опущено также в аппозитивных относительных предложениях), оно должно получать объяснение для тех языков, в которых оно действует. Возможная интерпретация этого феномена, предложенная в [Chomsky, Lasnik, 1977], состоит в том, что относительное местоимение в рестриктивных относительных предложениях не имеет собственного семантического содержания (что отражается в его анализе как триггера λ -абстракции). Исходя из этой логики, относительное местоимение в аппозитивном относительном предложении должно иметь некоторую семантическую интерпретацию. И действительно, наиболее адекватно его семантические характеристики могут быть проинтерпретированы, если предположить, что относительное местоимение в аппозитивных относительных предложениях представляет собой анафорическую проформу.

Во-первых, объясняется возможность использования аппозитивных предложений для модификации составляющих различных фразовых категорий. Это отмечает еще Р. Джекендофф [Jackendoff, 1977, p. 175]: «Relative pronouns in appositives can be anaphoric to the same constituents as ordinary demonstrative pronouns can»¹. Во-вторых, становится понятным неоднозначное соотношение между ИГ-антецедентом и местоимением *который*. Хотя местоимение *который* обычно кореферентно референтной именной вершине, оно может получать и собственный референциальный статус, отличный от того, который имеет вершинная именная группа в главном предложении. Так, например, в (24а) именная группа *дочь* референтная, а местоимение *который* имеет предикатный

¹ «Относительное местоимение в аппозитивных предложениях может анафорически отсылать к тем же типам составляющих, что и обычное указательное местоимение».

денотативный статус. В (24б) референтно местоимение *который*, а определяемая именная группа нереферентна. Такие соотношения характерны в первую очередь для анафорических местоимений, использующихся как местоимения повтора (ср. примеры (25а-б) из [Падучева, 2002]).

- (24) а. Я потерял не только сына, но и *дочь*, [_{APP} **которой** успела стать для меня Диана]. [Юлия Пешкова. Пирамида Дианы // Домовой. 2002. № 11].
- б. И *никакая биопсия*, [_{APP} за **которой** они ехали в областную больницу], была ей с этой минуты не нужна. [Людмила Улицкая. Медя и ее дети (1996)].
- (25) а. Иван был *тракторист*, каким **его** рисуют на обложке журнала.
- б. Правда, в Вентмиле пока нет *велосипедной трассы*, но уже собираются деньги для **ее** постройки.

Еще одной характеристикой, объединяющей относительное местоимение в аппозитивном предложении и анафорическое местоимение, является возможность рассогласования по числу между вершинной именной группой и местоимением *который* (26а-б). На этот факт указывается также в Русской грамматике: «Специфика распространительной связи допускает отсутствие согласования между существительным и словом *который*: при форме ед. ч. существительного слово *который* может иметь форму мн. ч.» [Русская грамматика, 1980, с. 522].

- (26) а. Может быть, это происходит потому, что не так легко золотой полке стать реальностью – все же это *золотая полка*, [_{APP} **которых** не так уж много на свете]. [Ю.К. Олеша. Книга прощания (1930–1959)].
- б. ...все же это *золотая полка*, а **их** не так уж много на свете.

Если относительное местоимение в аппозитивном предложении является анафорическим местоимением, а не оператором, то его передвижение на левую периферию относительного предложения не связано с установлением сферы действия этого оператора (в случае относительного предложения – с ограничением той пропозиции, на основе которой образуется предикат). Следовательно, расположение относительного местоимения на левой периферии относительного предложения должно быть вызвано другими факторами. Можно предположить, что таким фактором в русском языке является актуальное членение: относительное местоимение должно быть темой аппозитивного предложения (или входить в ее состав), и порядок слов в аппозитивном предложении отражает его коммуникативное членение.

В подтверждение этой гипотезы можно указать на тот факт, что рестриктивные и аппозитивные относительные предложения различаются допустимым

объемом эффекта крысолова (pied piping)¹: если в рестриктивных относительных предложениях объем выносимой составляющей ограничен принципом сходимости (convergence principle)² и совпадает с выносимой составляющей вопросительных предложений [Лютикова, 2009], то в аппозитивных относительных предложениях возможен вынос более крупной составляющей, соответствующей коммуникативному членению относительного предложения на тему и рему (27). Неслучайно аппозитивные относительные предложения демонстрируют интонационную структуру независимых коммуникативно-расчлененных предложений с восходящим акцентом на тематической составляющей³ и нисходящим – на рематической (28).

- (27) а. Обе программы выходят под нашей маркой, это означает, что делаются они одной командой, [_{APP} {_{Th} руководит которой} {_{Rh} мой муж Сергей Варновский}]. [Владимир Нузов. Екатерина Уфимцева: «Нас интересует психология творчества, человеческие позиции, а не быт и его трудности» // Вестник США. 03.09.2003].
- б. ???Назовите ту команду, [_{RESTR} руководит которой Сергей Варновский].
- в. *Руководит кем Сергей Варновский?
- (28) а. В этих казармах и были расквартированы те две кентурии, которые пришли вместе с прокуратором на праздники в Ершалаим, а также тайная стража прокуратора, [{_^командовал _oкоторой} {этот самый _^гость}]. [М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 2 (1929–1940)].
- б. Вольнолюбивые Его речи о любви и милосердии подрывали жестокость израильского закона, [{_^хранили _oкоторый} {_^старейшины}]. [А.П. Хейдок. Грешница (1924–1934)].

Большая свобода аппозитивных относительных предложений в отношении объема выносимой составляющей по сравнению с рестриктивными отмечалась

¹ Эффект крысолова имеет место тогда, когда правило, которое должно применяться к составляющей С с признаком F, применяется к объемлющей С составляющей. Характерным примером действия эффекта крысолова в русском языке является передвижение предложной группы, содержащей вопросительное или относительное местоимение: *девушка, [на которую], он смотрит t_i vs. *девушка, которую, он смотрит на t_i.*

² Принцип сходимости – ограничение на объем эффекта крысолова, предложенное в [Chomsky, 1995]: если вершина притягивает составляющую, обладающую признаком F, то происходит передвижение минимальной составляющей, содержащей данный признак, которое не ведет к неграмматичности. Так, в примере из предыдущей сноски передвижение относительного местоимения нарушало бы запрет на зависание предлога, поэтому передвигается объемлющая составляющая – предложная группа.

³ Местоимение *который* в (28а-б) по общему правилу деакцентуировано, поэтому тематический акцент, который в русском языке должен располагаться на дополнении – крайней правой словоформе глагольной группы – смещен на глагол.

для многих языков [Cinque, 1978; Emonds, 1979; Safir, 1986; Bianchi, 1999; de Vries, 2002; Lipták, 2009]; в [Emonds, 1979] также высказывается предположение, что причиной этому является топикализация в аппозитивной клаузе. Какова бы ни была истинная причина отличий рестриктивных и аппозитивных предложений в допустимом объеме эффекта крысолова, понятно, что она имеет отношение к синтаксическому устройству аппозитивных и рестриктивных клауз. Следовательно, аппозитивные относительные предложения имеют свою синтаксическую специфику, которая несводима к уровню его присоединения к ИГ или к особенностям интерпретации.

Еще одно важное отличие между аппозитивными и рестриктивными относительными предложениями состоит в том, что аппозитивные относительные предложения не демонстрируют эффектов связности, свойственных, по крайней мере, части рестриктивных предложений.

Один из наиболее известных эффектов связан с идиомами и коллокациями. В примерах (29) и (30) представлены русские глагольно-именные идиомы *подложить свинью* и *вставлять/втыкать палки в колеса*. Очевидно, что композициональная интерпретация их компонентов *свинья* и *палки* в составе главного предложения (29б), (30б) прагматически аномальна; следовательно, именная вершина в (29а) и (30а) была выбрана внутри относительного предложения.

- (29) а. Наверняка тот поддакивал, когда Гончаренко возмущался свиньей, которую подложила Селенина. [Ольга Новикова. Женский роман (1993)].
 б. #Наверняка тот поддакивал, когда Гончаренко возмущался свиньей.
- (30) а. Несмотря на палки, которые обстоятельства втыкали в колеса сотрудникам Консонанса, – гитара приехала!!!
 [vk.com>topic-25814164_24681904]
 б. #Несмотря на палки, гитара приехала.

К другим эффектам связности относятся ограничения, налагаемые Теорией связывания на анафорические и референциальные выражения в составе именной вершины, определяемой относительным предложением, а также возможность сферы действия в составе относительного предложения у различных операторов, модифицирующих именную вершину, например, прилагательных типа *единственный*, *следующий*, порядковых числительных [Ионова, Лютикова, 2015]. Перечисленные выше феномены представляют собой конкретно-языковые аргументы в пользу реконструкции именной вершины и компонентов проецируемой ею именной группы в позиции мишени относительного предложения. В таком случае для деривации относительного предложения используется анализ с подъемом именной вершины из относительного предложения [Bianchi, 1999; Kayne, 1994; de Vries, 2002].

Важно, что эффекты связности никогда не отмечаются в аппозитивных относительных предложениях. Следовательно, если для рестриктивных относительных предложений некоторого языка на основании эффектов связности принимается анализ с подъемом, то тем самым аппозитивные относительные предложения должны получать принципиально другой анализ. Именно такая картина имеет место в русском языке, что служит дополнительным подтверждением отличий в синтаксической структуре русских рестриктивных и аппозитивных относительных предложений.

4. Проспект анализа

Итак, в предыдущем разделе мы показали, что синтаксические отличия между аппозитивными и рестриктивными относительными предложениями не сводятся к уровню присоединения относительного предложения в синтаксической структуре или к специальному типу соотношения между синтаксической и семантической репрезентацией. В заключительном разделе мы предложим направление анализа русских аппозитивных относительных предложений, учитывающего как внешний, так и внутренний синтаксис этих составляющих.

Важнейшая составляющая этого анализа состоит в специальной интерпретации местоимения *который* в аппозитивных относительных предложениях. Если в рестриктивных предложениях *который* является относительным оператором, то аппозитивные предложения содержат омонимичную *анафорическую* проформу именной группы [Лютикова, 2012]. Данная проформа может иметь семантический тип *e*, выступая при этом как обычное анафорическое местоимение, кореферентное референтной именной группе – вершине. Такого рода интерпретацию имеют примеры (3), (6), (22), (27)–(28). Данная проформа может также выступать как местоимение повтора и заменять только одноименную группу общего имени (NP) семантического типа $\langle e, t \rangle$ (ср. примеры (24), (26)). В таком случае местоимение *который* либо имеет предикатный денотативный статус, либо может быть связано оператором, содержащимся в относительном предложении.

Ограничение, связанное с использованием в качестве относительного маркера союза *что*, может быть объяснено следующим образом. Поскольку анафорическое *который* обладает собственным семантическим содержанием, естественно предположить, что оно не имеет нулевого варианта. Если допустить, что аппозитивное относительное предложение не содержит ненулевого подчинительного союза (как и независимое повествовательное предложение), то в результате существования аппозитивных относительных предложений, вводимых союзом *что* (23б), окажется невозможным.

Если местоимение *который* в аппозитивных относительных предложениях является анафорическим, то его передвижение на левую периферию

относительного предложения не может быть связано с необходимостью установления сферы действия оператора. Почему же в линейной структуре аппозитивных предложений *который* тяготеет к левой границе? Мы предполагаем, что позиция местоимения *который* является следствием коммуникативного передвижения, помещающего тему, содержащую местоимение *который*, левее ремы. Понятно, что объем такой составляющей не ограничен принципом схожести, но связан исключительно с коммуникативной структурой аппозитивного предложения.

Что касается внешнего синтаксиса аппозитивного предложения, то синтаксические диагностики указывают на то, что аппозитивное предложение образует составляющую с модифицируемой ИГ. Оно присоединяется к ИГ после присоединения всех модификаторов (кванторов, указательных и притяжательных местоимений), что обеспечивает независимую интерпретацию вершинной именной группы и возможность кореферентности вершинной именной группы и анафорического *который*. Отсюда следует также, что аппозитивное относительное предложение не может разрывать составляющую, которая состоит из именной вершины и рестриктивного относительного предложения.

Таким образом, предлагаемый нами анализ связывает семантическую специфику аппозитивных относительных предложений как с их внешним синтаксисом, а именно, уровнем их интеграции в синтаксическую структуру главного предложения, так и с их внутренней структурой. Важнейшим допущением здесь оказывается принадлежность местоимения *который* к группе анафорических проформ, из чего следуют особенности синтаксической структуры аппозитивной клаузы.

Библиографический список

Беляев, 2014 – Беляев О.И. Коррелятивная конструкция в осетинском языке в типологическом освещении: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2014.

Зализняк, Падучева, 1975 – Зализняк А.А., Падучева Е.В. К типологии относительного предложения // Семиотика и информатика. Вып. 6. М., 1975. С. 51–101.

Ионова, Лютикова, 2015 – Ионова А.А., Лютикова Е.А. Сфера действия адъективных операторов и синтаксис именной группы в русском языке // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Сер. «Филологические науки». 2015. № 2. С. 68–87.

Корпус на русском языке – Корпус на русском языке. Группа корпусов «Истории о подарках и катании на лыжах» // Рассказы о сновидениях и другие корпуса звучащей речи. URL: <http://spokencorpora.ru/showcorpus.py?dir=03pands/rus> (дата обращения: 3.04.2016).

Лютикова, 2009 – Лютикова Е.А. Относительные предложения с союзным словом «который»: общая характеристика и свойства передвижения // Корпусные исследования по русской грамматике / Под ред. К.Л. Киселевой, В.А. Плунгяна, Е.В. Рахилиной, С.Г. Татевосова. М., 2009. С. 436–511.

Лютикова, 2012 – Лютикова Е.А. Интерпретация местоимения *который* в аппозитивных относительных предложениях // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2012. № 1. С. 3–24.

Падучева, 2002 – Падучева Е.В. Высказывание и его соотносительность с действительностью. (Референциальные аспекты семантики местоимений). Изд. 3-е, стер. М., 2002.

Русская грамматика, 1980 – Русская грамматика / Под ред. Н.Ю. Шведовой. В 2-х т. Т. II. М., 1980.

Холодилова, 2014 – Холодилова М.А. Относительные придаточные. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики. На правах рукописи. 2014. URL: http://rusgram.ru/%D0%9E%D1%82%D0%BD%D0%BE%D1%81%D0%B8%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B5_%D0%BF%D1%80%D0%B8%D0%B4%D0%B0%D1%82%D0%BE%D1%87%D0%BD%D1%8B%D0%B5#322 (дата обращения: 4.04.2016).

Abney, 1987 – Abney S. The English Noun Phrase in its Sentential Aspect. PhD dis. MIT, Cambridge, Mass., 1987.

Bianchi, 1999 – Bianchi V. Consequences of Antisymmetry: Headed Relative Clauses. Berlin, 1999.

Browning, 1987 – Browning M. Null Operator Constructions. PhD dis. MIT, Cambridge, Mass., 1987.

Chomsky, 1965 – Chomsky N. Aspects of the Theory of Syntax. Cambridge, Mass., 1965.

Chomsky, Lasnik, 1977 – Chomsky N., Lasnik H. Filters and control // Linguistic Inquiry. 1977. Vol. 8. P. 425–504.

Chomsky, 1995 – Chomsky N. The Minimalist Program. Cambridge, Mass., 1995.

Cinque, 1978 – Cinque G. La sintassi dei pronomi relativi cui e quale nell'italiano modern // Rivista di Grammatica Generativa. 1978. № 3. P. 31–126.

Cinque, 1982 – Cinque G. On the Theory of Relative Clauses and Markedness // The Linguistic Review. 1982. Vol. 1. P. 247–294.

Cinque, 2008 – Cinque G. Two types of non-restrictive relatives // Empirical issues in Syntax and semantics / Eds. O. Bonami and P. Cabredo Hofherr. Vol. 7. Paris, 2008. P. 99–137.

de Vries, 2002 – Vries de M. The syntax of relativization. Utrecht, 2002.

Demirdache, 1991 – Demirdache H. Resumptive chains in restrictive relatives, appositives and dislocation structures. PhD dis. MIT, Cambridge, MA, 1991.

den Besten, 1983 – Besten den H. On the interaction of root transformations and lexical deletive rules // On the formal syntax of Westgermania / Ed. W. Abraham. Amsterdam, 1983. P. 47–131.

Emonds, 1979 – Emonds J. Appositive relatives have no properties // Linguistic Inquiry. 1979. Vol. 10. P. 211–243.

Fabb, 1990 – Fabb N. The difference between English restrictive and non-restrictive relative clauses // Journal of Linguistics. 1990. Vol. 26. P. 57–78.

Grosu, Landman, 1998 – Grosu A., Landman F. Strange Relatives of the Third Kind // Natural Language Semantics. 1998. Vol. 6. P. 125–170.

Haegemann, 1988 – Haegemann L. Parenthetical adverbials: the radical orphanage approach // Aspects of modern English linguistics: Papers presented to Masatomo Ukaji on his 60th Birthday / Eds. S. Chiba e.a. Tokyo, 1988. P. 232–254.

Hornstein, 1999 – Hornstein N. Movement and control // Linguistic Inquiry. 1999. Vol. 30. P. 69–96.

Ishizuka, 2008 – Ishizuka T. Restrictive and Non-restrictive Relative Clauses in Japanese: Antisymmetric approach. Ms., 2008. URL: <http://ling.auf.net/lingbuzz/000808> (дата обращения: 5.03.2016).

Jackendoff, 1977 – Jackendoff R. *X-bar syntax: a study of phrase structure*. (Linguistic Inquiry Monograph Two.) Cambridge (Mass.), 1977.

Kayne, 1994 – Kayne R. *The Antisymmetry of Syntax*. (Linguistic Inquiry Monograph Twenty-Five). Cambridge, 1994.

Lipták, 2009 – Lipták A. The landscape of correlatives: an empirical and analytical survey // *Correlatives cross-linguistically* / Lipták A. (ed.) Amsterdam, 2009. P. 1–46.

Maling, 1978 – Maling J. The complementizer in Middle English appositives // *Linguistic Inquiry*. 1978. Vol. 9. P. 719–725.

McCawley, 1981 – McCawley J.D. The syntax and semantics of English relative clauses // *Lingua*. 1981. Vol. 53. P. 99–149.

Partee, 1973 – Partee B. Some transformational extensions of Montague grammar // *Journal of Philosophical Logic*. 1973. Vol. 2 (4). P. 509–534.

Partee, 1975 – Partee B. H. *Montague Grammar and transformational grammar* // *Linguistic Inquiry*. 1975. Vol. 6. P. 203–300.

Potts, 2002 – Potts Ch. The lexical semantics of parenthetical *-as* and appositive *-which* // *Syntax*. 2002. Vol. 5. P. 55–88.

Potts, 2003 – Potts Ch. *The Logic of Conventional Implicatures*. Ph.D. dis. UC Santa Cruz, 2003.

Potts, 2005 – Potts Ch. *The logic of conventional implicatures*. Oxford, 2005.

Rosenbaum, 1967 – Rosenbaum P. *The grammar of English predicate complement constructions*. Cambridge, Mass., 1967.

Rosenbaum, 1970 – Rosenbaum P. A principle governing deletion in English sentential complementation // *Readings in English transformational grammar* / Ed. R. Jacobs, P. Rosenbaum. Waltham, Mass., 1970. P. 20–29.

Ross, 1967 – Ross J. *Constraints on variables in syntax*. PhD dis. MIT, Cambridge, MA, 1967.

Safir, 1986 – Safir K. Relative clauses in a theory of binding and levels // *Linguistic Inquiry*. 1986. Vol. 17. P. 663–689.

Sells, 1985 – Sells P. Restrictive and non-restrictive modification // *CSLI Report 85–28*. Stanford (CA), 1985.

Stockwell, Schachter, Partee, 1973 – Stockwell R., Schachter P., Partee B. *The Major Syntactic Structures of English*. NY, 1973.

В.Н. Туяков

Некоторые особенности просодического оформления иронии в звучащей речи (на материале британского кино- и теледискурса)

В статье представлены некоторые результаты, полученные автором в ходе исследования, направленного на выявление просодических средств реализации иронии в устном речевом дискурсе. Материалом для исследования послужили фрагменты британского кинематографического дискурса и телешоу. Особое внимание уделяется национально-специфическим особенностям проявления иронии в британской лингвокультуре. Автором выявляются некоторые тенденции в просодическом оформлении иронических высказываний. Устанавливается роль просодии в реализации иронической тональности.

Ключевые слова: ирония, ироническая тональность, просодия, контекст, устный речевой дискурс, британская лингвокультура.

Введение

Одна из основных задач нашего исследования заключается в выявлении просодических маркеров иронии, другими словами, в определении тех просодических характеристик, которые позволяют передать в звучащей речи ироническое отношение говорящего к тем или иным явлениям действительности.

Прежде всего, необходимо уточнить, что понимается в настоящем исследовании под иронией. Примечательно, что на данный момент не существует единственного, окончательно выработанного определения данного языкового явления. Очевидно, отсутствие универсальной дефиниции иронии обусловлено сложной природой данного феномена, включающего элементы различного характера: лингвистического, когнитивного, социального. Однако, несмотря на наличие множества разнообразных подходов к изучению данного феномена, принято считать, что ирония – это фигура речи, реализующаяся в тексте посредством стилистической иронии и основанная на противоречии между буквальным и скрытым смыслом [Королёва, 2008]. В контексте данного исследования важно отметить, что ирония обладает оценочным значением, т.е. передает отношение коммуниканта к действительности.

Как известно, в звучащей речи именно интонация способна придавать высказыванию особую окраску, в том числе ироническую.

Некоторые подходы к изучению просодической реализации иронии

Интонация играет важную роль в реализации и декодировании иронии, иными словами, она служит своеобразным «отличительным знаком иронии» [Королёва, 2008].

В научной литературе существует такое понятие, как «ироничный тон голоса», т.е. маркированная интонация, с которой произносится высказывание, содержащее иронию. Отмечается, что чаще всего иронию передает ярко выраженная «гнусавая» интонация [Nakassis, Snedeker, 2002]. Тем не менее, существует большое количество способов интонационной передачи иронии, в том числе «положительный тон голоса» [Winner, 1988].

В ряде исследований [Bryant, 2010; Scharrer, Christmann, Knoll, 2011] был проведен анализ и сравнение просодических характеристик изолированных иронических высказываний и фраз, лишенных иронической окраски. Было установлено, что во время произнесения иронически окрашенных высказываний наблюдаются значительные изменения просодических характеристик: тонального диапазона, высоты тона, громкости и темпа.

Однако результаты подобного рода исследований на материале различных языков оказались неоднозначными, что, очевидно, объясняется межъязыковыми различиями, выбором методологии анализа, отличиями в классификациях иронии, используемых в процессе анализа, или, как уже отмечалось, сложным и многоаспектным характером иронии как языкового феномена в целом.

В частности, неоднозначность результатов проявилась в том, что показатели таких компонентов просодии, как уровень тона и громкость, значительно варьировались, тем не менее, единственным просодическим сигналом, который объединяет проанализированные примеры, очевидно, является темп, или скорость речи. Г. Брайант объясняет полученные результаты с когнитивной точки зрения: «Slowing down speech gives the listener more time to process the relatively higher proportional load often contained in verbal irony, compared to literal interpretations of the same utterances»¹ [Bryant, 2010, p. 556].

Важно подчеркнуть, что исследования просодической реализации иронии проводились на материале разных текстов, относящихся к разным стилям и жанрам, что также влияет на конечные результаты. В работе Ю.П. Королёвой, проведенной на материале публичного выступления, было выявлено, что ирония может реализоваться за счет: использования перцептивно ярких терминальных тонов на фоне высокой и средней ровной, скользящей, нисходящей ступенчатых шкал в сочетании с замедлением темпа; относительного сужения тонального диапазона и увеличения темпа; использования ровного тона и т.д. [Королёва, 2008].

¹ «Замедление коммуникантом скорости речи предоставляет реципиенту больше времени на обработку более сложного для восприятия иронического высказывания, нежели на декодирование аналогичного сообщения, лишенного иронии».

Исследование О.А. Старкиной на материале художественного текста обнаруживает, что ирония реализуется при помощи использования нисходяще-восходящего тона в сочетании с низким подъемом или восходяще-нисходящего тона, а также контрастного – замедленного или ускоренного – темпа [Старкина, 2010, с. 90].

Считается, что нецелесообразно пытаться выработать единую модель просодического оформления иронически окрашенных высказываний. Между тем, чаще всего выделяются две основные тенденции в оформлении иронически окрашенных высказываний. Так, фрагменты текста, содержащие иронию, способны приобретать маркированное просодическое оформление, с одной стороны, за счет увеличения просодических параметров (утрированного просодического оформления), с другой – за счет уменьшения просодических параметров (просодической «затушеванности») [Королёва, 2008].

Контекст и лингвокультурологическая составляющая

Очевидно, для осмысления особенностей просодического оформления текста, содержащего иронию, необходимо реконструировать контекст общения, причем не только непосредственную коммуникативную ситуацию, но и социокультурный контекст, национально-культурную специфику речевого общения [Blommaert, 2005; Gumperz, 2003].

Известно, что в британской лингвокультурной среде ирония является «исходным, неотъемлемым, постоянным, стандартным элементом обычного повседневного взаимодействия. Англичане, возможно, не всегда шутят, тем не менее, они постоянно находятся в состоянии готовности к использованию и восприятию иронии. Вероятно, представители британского общества не всегда утверждают противоположное тому, что имеют в виду, однако они всегда предельно бдительны в отношении самой возможности наличия в высказывании иронии. Задавая прямой вопрос, англичанин готов получить как прямой, так и ироничный ответ» [Fox, 2004, p. 66].

Таким образом, ирония является неотъемлемой составляющей британской лингвокультуры, что учитывалось при отборе материала, вошедшего в корпус исследования.

Материал исследования

В данной статье освещаются некоторые результаты исследования, направленного на выявление просодических средств реализации иронии в современном британском диалогическом общении. Исследование было проведено на материале современного британского кинематографического дискурса (художественные фильмы «State of Play», «Four Weddings and a Funeral», «Absolute Power», «A Death at a Funeral», сериал «Teachers») и телешоу («Chatty Man», «Graham Norton Show») с привлечением профессиональных аудиторов. Отбор

фрагментов проводился на основании данных опроса информантов (носителей английского языка), задача которых заключалась в том, чтобы определить, являются ли предложенные фрагменты ироническими, а также с учетом особого знака иронии – (!), используемого в субтитрах. Общее время звучания фрагментов – 80 мин.

Ценность анализируемого материала заключается в том, что ирония используется участниками кино- и теледискурса в ходе спонтанного диалогического взаимодействия, что позволяет выявить просодические средства, используемые говорящим при порождении иронического высказывания, а также пронаблюдать за тем, насколько успешно партнер по коммуникации декодирует заложенную в высказывании иронию. Данный материал позволяет рассматривать особенности просодической реализации иронии с учетом ситуации общения и характера взаимодействия участников дискурса. Немаловажно, что отобранные для исследования фрагменты являются образцами современного британского диалогического дискурса, отражающего современные тенденции в оформлении иронии.

Инвентарь просодических характеристик и методов

Проведенный комплексный дискурсивный, аудиторский и электроакустический анализ фрагментов современного британского кино- и теледискурса, содержащих иронию, позволил выявить некоторые закономерности в просодическом оформлении иронически окрашенных высказываний, помещенных в контекст.

Цель перцептивного анализа состояла в слуховой интерпретации просодических характеристик исследуемых фрагментов текста. В качестве аудиторов выступили 3 специалиста в области фонетики английского языка, имеющие большой опыт аудирования.

В задачи аудиторов входило:

- декодирование отобранных фрагментов как иронических;
- выделение просодических средств, используемых при реализации иронии в речи.

В процессе проведения аудиторского анализа использовались следующие перцептивные дискретные градации по каждому признаку:

- тональный уровень: низкий, средний, высокий;
- тональный диапазон: узкий, средний, широкий;
- тип терминального тона: нисходящий (низкий, средний, высокий), восходящий (низкий, средний, высокий), ровный, нисходяще-восходящий;
- громкость: пониженная, средняя, повышенная;
- скорость произнесения: медленная, средняя, быстрая;
- тип воспринимаемой паузы: сверхкраткая, краткая, средняя, длительная, сверхдлительная.

В ходе перцептивного анализа была проведена интонационная разметка фрагментов звучащей речи с использованием традиционной нотации, принятой в рамках британской фонетической школы. Нотация позволяет отобразить паузы, типы терминальных тонов, типы шкал (направления движения тона в предъядерной части интонационной группы), ударения в пределах интонационной группы. Кроме того, в зависимости от целей исследования в тексте отмечаются темпоральные особенности, громкость, качество голоса и другие паралингвистические признаки [Шевченко, 2012].

На основании результатов перцептивного анализа был составлен узкий корпус исследования продолжительностью звучания 30 мин. Узкий корпус составили фрагменты диалогического общения, в которых наиболее ярко проявлялись просодические средства, использованные при реализации иронии.

Электроакустический анализ был проведен на персональном компьютере с использованием программы Speech Analyzer (v.3.0.1) [Speech Analyzer], предназначение которой состоит в вводе, обработке и исследовании звуковых сигналов; их использование позволяет получить абсолютные значения частоты основного тона отдельных звуков и значения среднего, минимального и максимального уровня частоты основного тона в выбранном отрезке в полутонах (пт); абсолютные значения силы звукового давления отдельных звуков и среднего уровня силы звукового давления в выбранном участке в децибелах (дБ); абсолютное значение длительности выбранного отрезка в миллисекундах (мс).

Путем нахождения разности между максимальным и минимальным значениями уровня ЧОТ определялся частотный диапазон речи каждого из коммуникантов и частотный диапазон интонационной группы (в пт).

На основе значений длительности интонационной группы по формуле:

$$\text{сдс} = \frac{T_{\text{инт.гр.}}}{\text{кол-во слогов в интонационной группе}}$$

вычислялось значение среднеслоговой длительности (в мс). Значение сдс использовалось при определении скорости произнесения выбранного участка.

Данные, полученные в ходе акустического анализа, позволили также определить значения скорости изменения ЧОТ (в пт/50 мс), которая вычислялась по формуле:

$$V_{\text{изм. ЧОТ}} = \frac{(\text{ЧОТ}_{\text{макс.}} - \text{ЧОТ}_{\text{мин.}}) \cdot 50}{T_{\text{ядра}}},$$

где $\text{ЧОТ}_{\text{макс.}}$ и $\text{ЧОТ}_{\text{мин.}}$ – это максимальное и минимальное значения уровня ЧОТ в рамках реализации ядерного тона (в пт), $T_{\text{ядра}}$ – длительность реализации ядерного тона (в мс), которая высчитывалась вручную. Значение скорости изменения ЧОТ ядерного тона использовалось при определении крутизны угла падения или восхождения ядра интонационной группы.

Виды иронии и особенности их просодической реализации

Прежде всего, необходимо отметить, что в ходе дискурсивного анализа иронически окрашенные высказывания были отнесены к трем различным группам. Так, в первую группу вошли высказывания, содержащие положительную иронию, которая используется как определенная дискурсивная стратегия, позволяющая коммуниканту передать шутливо-добродушное отношение к различным явлениям действительности; вторую группу составили фрагменты с негативной иронией, передающей явно отрицательное отношение к объекту оценочной деятельности, определенным ситуациям и действиям окружающих; к третьей группе были отнесены фрагменты звучащего текста, реализованные в иронической тональности.

В ходе анализа было выявлено, что большинство проанализированных фрагментов характеризуется наличием несоответствия, дисбаланса между лексическим наполнением высказывания и его просодическим оформлением.

Ирония с положительной коннотацией

Фрагменты звучащего текста, вошедшие в первую группу, позволяют разрядить обстановку, пошутить над собой и указать на собственные недостатки прежде, чем это сделает оппонент, а также реализовать контактоустанавливающую функцию. Примером иронии с положительной коннотацией может служить следующий фрагмент диалога-знакомства:

A: *ˌDella ˈSmith?* (A1) ||

B: *ˈThat's the ˌpassword.* ||

A: *ˈStuart ˌBrown* (A2). || *ˈSmith and >Brown* (A3/1) | – so *ˈphɪstɪkəˌtɪd, ˌɑːns, ˌstraɪ* (A3/2). || (!)

Финальная реплика, просодическое оформление которой представлено на рис. 1, состоит из двух синтагм, где первая, как показывает интонограмма, реализована на высоком тональном уровне в достаточно узком диапазоне (3,46 пт) за счет интонационной модели High Head + Terrace, а вторая – Low Pre-Head + Falling Head + Fall-Rise. Отмечается расширение тонального диапазона (3,46 пт → 6,28 пт). Нисходяще-восходящий тон в сочетании с высокой предъядерной частью придает второй синтагме легкое, приветливое, добродушное звучание с оттенком достаточной уверенности в себе. Помимо прочего, наблюдается увеличение скорости речи. Так, скорость произнесения первой синтагмы средняя – 202 мс, в то время как вторая синтагма характеризуется повышенной скоростью – 144 мс.

Данные, представленные в таблице 1, позволяют проследить изменения просодических параметров в иронически окрашенной реплике. Ирония в данном случае реализуется за счет резкого расширения тонального диапазона

(5,3 пт → 3,67 пт → 3,46 пт → 6,28 пт), которое сопровождается увеличением скорости произнесения (202 мс → 144 мс) и определенным понижением громкости.

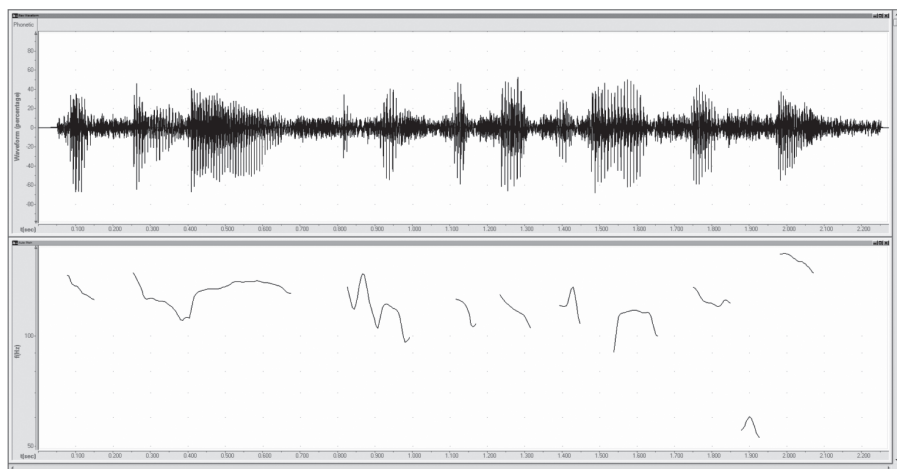

Рис. 1. →Smith and >Brown| – so ʔphisticated \ancestry.|||

Таблица 1

	Реплика A1	Реплика A2	Реплика A3/1 (ирон.)	Реплика A3/2 (ирон.)
Частотный диапазон, пт	5,3	3,67	3,46	6,28
Среднеслоговая длительность, мс	144	159,6	202	144

Следующий дружеский диалог между коллегами также иллюстрирует случай использования иронии с положительной коннотацией:

C: →You pay| and I'll →make us some \coffee.||

D: (Реплика D) That ʔsounds °really ~fair.||| (!)

Интонограмма (рис. 2) подтверждает наблюдения аудиторов, которые заключили, что финальная реплика реализована при помощи восходяще-нисходяще-восходящего терминального тона в сочетании с низкой предъядерной частью и постепенно нисходящей шкалой с высоким началом. Восходяще-нисходяще-восходящий ядерный тон приобретает удивленное звучание с оттенком упрека, тем не менее, в целом звучание реплики дружелюбно-шутливое.

Ширина диапазона ЧОТ при реализации интонационной группы составляет 23 пт, что соответствует сверхширокому тональному диапазону. Скорость речи медленная – 253 мс. Громкость произнесения в данном сегменте постепенно возрастает с 63 дБ до 82 дБ, где максимальный показатель интенсивности приходится на ядерный компонент «fair».

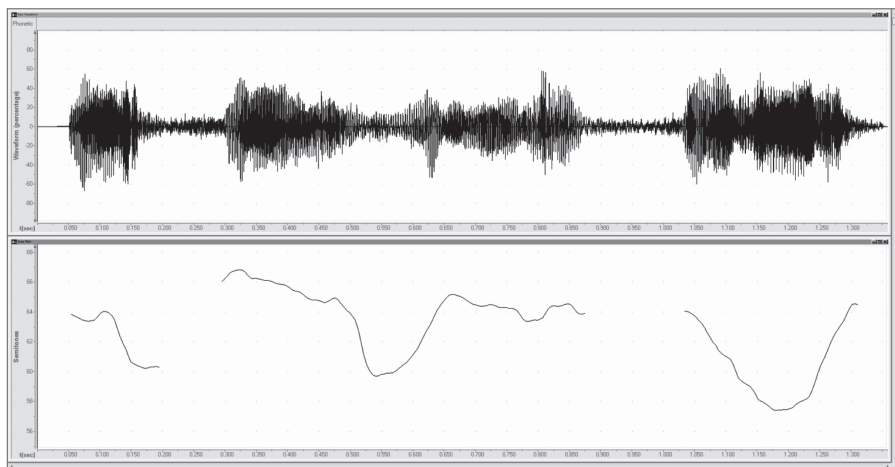

Рис. 2. That *sounds°really~fair.||||

Соответственно, такие показатели, как сверхширокий диапазон, медленная скорость произнесения в сочетании с относительным увеличением громкости способствуют созданию иронического эффекта.

Как показало исследование, наиболее частотными просодическими средствами реализации иронии с положительной коннотацией могут служить:

а) ядерный тон: в большинстве случаев используется низкий нисходящий (Low Fall), реже нисходяще-восходящий (Fall-Rise) и восходяще-нисходяще-восходящий (Rise-Fall-Rise) ядерные тоны;

б) громкость: в большинстве случаев средняя, реже повышенная;

в) тональный диапазон высказывания: в 46% случаев сверхширокий (23–25,8 пт), в 27% случаев широкий (16,77–19,08 пт), в 18% случаев узкий (3,46–3,6 пт), реже средний (9%) (9,2–12,12 пт);

г) крутизна угла: в подавляющем большинстве случаев угол падения пологий (от $-1,22/50$ мс до $-1,47/50$ мс), реже наблюдается крутой угол ($-4,81/50$ мс);

д) тембр: добродушный, притворно-искренний, добродушно-ехидный, шуточный; отмечается «улыбка в голосе».

Ирония с негативной коннотацией

Вторую группу, как отмечалось ранее, составили фрагменты звучащего текста, содержащие иронию с отрицательной коннотацией. Например, следующий фрагмент иллюстрирует негативную реакцию работника на решение начальника:

E: I'm here to a void us ↑printing ma terial that invites ↑more lwrts than readers.||

I've with \drawn the a ppeal against the in junction.||

F: Oh, ♪great °first ~move. (!)

Как показывает интонограмма (рис. 3), интонационная группа реализована на высоком тональном уровне, тональный диапазон, характеризующий междометие *oh*, которое в данном случае выражает удивление, узкий (2,28 пт), однако во время произнесения слов *great first move* отмечается значительное расширение диапазона (13,81 пт, широкий тональный диапазон).

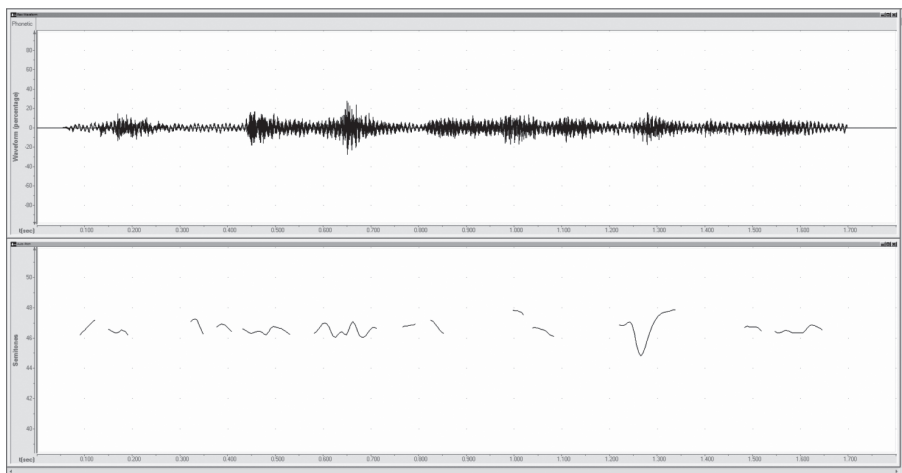

Рис. 3. Oh, ♪great °first ~move.||

В качестве дополнительной иллюстрации обозначенного типа иронии можно рассмотреть следующий фрагмент, представляющий разговор супругов, один из которых выражает явное недовольство действиями другого:

G (Реплика G1): Am I a→voiding the °papers a gain to °morrow?|||||

G (Реплика G2): You ♪don't think you lshould've at °least \warned the °kids?

H: I ♪didn't want them to °go to bed °dwelling on \all that.

G (Реплика G3): \Oh,|| that's ♪movingly \caring, Stephen. (!)

Так, аудиторы отмечают, что по сравнению с предыдущими репликами говорящего беглый темп речи замедляется, переходя в умеренный, длительность паузы между первой и второй синтагмами увеличивается, диапазон сужается, серьезный и тревожный тон голоса коммуниканта сменяется наигранно искренным.

На рисунке 4 видно, что первая интонационная группа высказывания оформлена высокой нисходящей шкалой, скорость изменения ЧОТ при произнесении ядерного элемента составляет $-2,91/50$ мс, что соответствует углу средней крутизны. Скорость речи медленная – 399 мс. Представляется, что столь протяжное произношение фокусной единицы придает ей особую выделенность, все высказывание приобретает несколько аффектированное звучание, что в результате дает собеседнику возможность декодировать заложенный в высказывании иронический оттенок. После первой синтагмы отмечена краткая (325 мс) пауза.

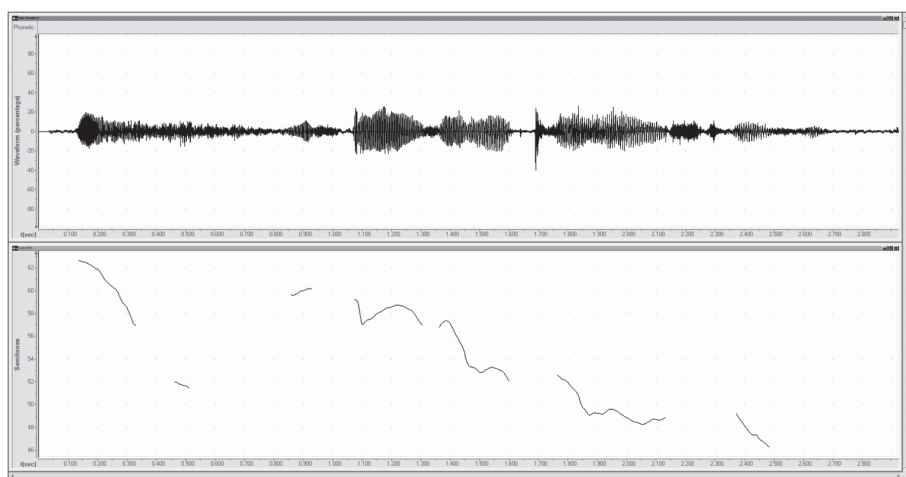

Рис. 4. Oh, that's movingly caring, Stephen.||

Ширина диапазона ЧОТ второй части реплики составляет 14,55 пт, что соответствует широкому тональному диапазону. Скорость речи средняя, близкая к медленной – 226 мс. Скорость изменения ядерного компонента («caring») составляет $-1,90/50$ мс, что соответствует пологому углу падения.

Просодические показатели, представленные в таблице 2, подтверждают наблюдения auditors: скорость произнесения замедляется (119 мс → 147 мс → 282 мс), отмечается расширение тонального диапазона (9,84 пт → 8,5 пт → 23,23 пт).

Таблица 2

	Реплика G1	Реплика G2	Реплика G3 (ирон.)
Частотный диапазон, пт	9,84	8,5	23,23
Среднеслоговая длительность, мс	119	147	282

Так, среди наиболее частотных просодических средств реализации иронии с негативной коннотацией можно выделить следующие:

а) ядерный тон: в большинстве случаев используется средний нисходящий (Mid Fall), восходяще-нисходяще-восходящий (Rise-Fall-Rise) и нисходяще-восходящий (Fall-Rise), реже низкий нисходящий (Low Fall) ядерные тона;

б) громкость: в большинстве случаев низкая, реже средняя или повышенная;

в) тональный диапазон высказывания: в 46% случаев узкий (1,43–5,6 пт), в 36% – средний (7,3–12,6 пт), значительно реже – широкий (18%) (13,81–14,55 пт);

г) крутизна угла ядерного тона: в подавляющем большинстве случаев угол падения пологий (от $-0,55/50$ мс до $-1,90/50$ мс), реже наблюдается угол средней крутизны ($-2,91/50$ мс);

д) тембр: чаще мрачный, неодобрительный, едкий, ехидный, враждебный, упрекающий, осуждающий, реже мягкий, теплый (маска сочувствующего).

Ироническая тональность

Особое внимание в современных лингвистических исследованиях уделяется изучению просодического варьирования в иронически окрашенных фрагментах спонтанной звучащей речи, которое во многом обусловлено влиянием контекстных факторов. Так, одним из факторов, оказывающих влияние на выбор просодических средств, используемых коммуникантами в процессе взаимодействия, является тональность общения, отражающая характер отношений участников дискурса [Карасик, 2009; Blommaert, 2005].

Ироническую тональность, в которой выполнены фрагменты, составившие третью группу, можно рассматривать в качестве определенного способа взаимодействия, позволяющего коммуниканту:

а) выразить отношение к тому, о чем идет речь, к тому, к кому обращена речь, а также к самому себе;

б) реализовать некий «коммуникативный образ»;

в) выстроить ход коммуникации в определенном эмоционально-стилевом регистре;

г) соблюсти культурно обусловленные каноны общения.

В качестве иллюстрации можно привести ряд фрагментов из телеинтервью британской актрисы Мэгги Смит (мы не приводим интонационную разметку, т.к. в ходе анализа дискурса, реализованного в иронической тональности, в фокусе внимания были тональные и темпоральные показатели, изменения которых в совокупности придавали дискурсу ироническое звучание; тем не менее, приводятся данные, касающиеся использования ядерных тонов):

Ведущий: *And, you know, we're thrilled – we never thought this day would come.*
Мэгги Смит: *No, neither did I.*

Или:

Ведущий: *Yes, but also it's weird that they only know you for that one thing [Harry Potter], like you'd never existed before.*

Мэгги Смит: *No, I never had. And except one kid once said to me, «Were you really a cat?». And I heard myself say, «Just pull your self together. How could I be?».*

Аудиторами отмечается, что ироническая тональность может создаваться за счет частотного использования низкого нисходящего тона в сочетании с узким диапазоном и высокой скоростью произнесения.

Однако было обнаружено, что в ряде случаев низкий нисходящий тон может сопровождаться широким тональным диапазоном и медленной скоростью речи.

По наблюдениям аудиторов, средний нисходящий и высокий нисходящий тоны могут быть использованы в сочетании со следующими тональными и темпоральными показателями:

а) широкий тональный диапазон (13–19 пт) и высокая скорость речи (125–180 мс);

б) сверхширокий тональный диапазон (20–29 пт) и сверхвысокая скорость речи (<125 мс);

в) средний тональный диапазон (7–12 пт) и средняя скорость речи (185–230 мс).

Помимо выше упомянутых терминальных тонов, в некоторых случаях использовались средний ровный тон, нисходяще-восходящий тон и восходяще-нисходяще-восходящий тон.

Было установлено, что высказывания, реализованные в иронической тональности, контрастировали по отношению к лишенному иронической окраски окружению за счет ряда «интонационных техник», используемых говорящим. Так, контраст в проанализированных фрагментах создавался посредством:

а) расширения тонального диапазона в сочетании с увеличением скорости речи;

б) расширения тонального диапазона в сочетании с уменьшением скорости речи;

в) сужения тонального диапазона в сочетании с увеличением скорости речи;

г) сужения тонального диапазона в сочетании с уменьшением скорости речи.

В ходе исследования были выявлены наиболее часто используемые просодические средства реализации иронической тональности, среди них:

а) ядерный тон: в большинстве случаев (29,4%) используется низкий нисходящий (Low Fall), реже средний и высокий нисходящий тоны (20,5%) и средний ровный тон (17,6%);

б) громкость: в большинстве случаев средняя, реже пониженная;

в) тональный диапазон высказывания: в 45% случаев узкий (4,51–5,69 пт), в 29% случаев средний (7,1–12,66 пт), в 16% случаев широкий (14,4–19,07 пт), реже сверхширокий (10%) (20,8–26,8 пт);

г) крутизна угла: в подавляющем большинстве случаев угол падения пологий (от $-1,11/50$ мс до $-1,69/50$ мс), реже наблюдается угол средней крутизны ($-2,62/50$ мс);

д) скорость речи: превалирует медленная скорость речи (42%) (238–421 мс), часто отмечается высокая скорость речи (29%) (143–181 мс), значительно реже скорость речи средняя (19%) (189–226 мс) и сверхвысокая (10%) (53–104 мс);

е) тембр: добродушный, притворно-искренний, добродушно-ехидный, шуточный; отмечается «улыбка в голосе».

Заключение

Проведенное исследование позволило выявить некоторые тенденции в просодическом оформлении иронически окрашенных высказываний в диалогическом дискурсе:

- ирония с положительной коннотацией, как правило, реализуется либо за счет расширения диапазона в сочетании с повышенной скоростью речи и пониженной громкостью, либо при помощи сужения тонального диапазона в сочетании с ускоренным темпом;
- в репликах, содержащих отрицательную иронию, отмечается либо сужение тонального диапазона в сочетании с контрастным – ускоренным или замедленным – темпом, либо расширение тонального диапазона в комбинации с замедленной скоростью речи;
- для высказываний, выполненных в иронической тональности, характерно либо расширение тонального диапазона в совокупности с контрастной – повышенной или пониженной – скоростью речи, либо сужение тонального диапазона в сочетании с контрастным – ускоренным или замедленным – темпом.

Следует также отметить, что полученные данные подтверждают наблюдения, касающиеся изменений просодических параметров, полученные при изучении иронии в других видах дискурса: иронически окрашенные фрагменты приобретают либо утрированное, либо «затушеванное» просодическое оформление.

Результаты проведенного исследования позволяют констатировать, что в устном речевом дискурсе весомая роль в выражении иронии принадлежит просодическим средствам. Просодия способна передавать большое количество коннотативных значений. Определенная комбинаторика просодических параметров придает высказыванию ироническую коннотацию. Было установлено, что интонация является самостоятельным средством реализации иронии, своеобразным «сигналом иронии», способствующим адекватному пониманию сообщения.

Библиографический список

- Карасик, 2009 – Карасик В.И. Языковые ключи. М., 2009.
- Королёва, 2008 – Королёва Ю.П. Роль просодии в реализации юмора и иронии в британской публичной речи: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2008.
- Старкина, 2010 – Старкина О.А. Реализация иронии в звучащем художественном тексте качествами английского речевого голоса // Фонетические аспекты языковой вариативности: межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. Г.М. Вишневецкой. Иваново, 2010.
- Шевченко, 2012 – Шевченко Т.И. Современные методы анализа звучащей речи. Дубна, 2012.
- Blommaert, 2005 – Blommaert J. *Discourse: A Critical Introduction*. Cambridge, 2005.
- Bryant, 2010 – Bryant G.A. Prosodic contrasts in ironic speech // *Discourse Processes*. 2010. № 47 (7). P. 545–566.
- Fox, 2004 – Fox K. *Watching the English. The Hidden Rules of English Behaviour*. London, 2004. P. 64–66.
- Gumperz, 2003 – Gumperz J. *Response Essay // Language and Interaction: Discussions with John Gumperz* / Eerdmans S., Prevignano C., Thibault P. (eds.). Amsterdam, 2003. P. 105–126.
- Halliday, 1978 – Halliday M.A.K. *Language as Social Semiotic: The Social Interpretation of Language and Meaning*. London, 1978.
- Nakassis, Snedeker, 2002 – Nakassis C., Snedeker J. Beyond Sarcasm: Intonation and Context as Relational Cues in Children's Recognition of Irony // *Proceedings of the Annual Boston University Conference on Language Development*. 2002. № 26 (2). P. 429–440.
- Scharrer, Christmann, Knoll, 2011 – Scharrer L., Christmann U., Knoll M. Voice Modulations in German Ironic Speech // *Language and Speech*. 2011. P. 435–465.
- Speech Analyzer – Speech Analyzer. URL: www.sil.org/computing/speechtools/.htm.
- Thorne, 2001 – Thorne T. *The 100 Words That Make the English*. Great Britain, 2011.
- Winner, 1988 – Winner E. *The point of words: children's understanding of metaphor and irony*. Harvard University Press, 1988.

Галина Ирина Владимировна – старший научный сотрудник; старший научный сотрудник лаборатории 14 Компьютерной лингвистики и когнитивных технологий обработки текстов, Институт проблем информатики РАН Федерального исследовательского центра «Информатика и управление» РАН. E-mail: irn_gl@mail.ru.

Ландер Юрий Александрович – кандидат филологических наук; доцент Школы лингвистики, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики. E-mail: yulander@yandex.ru.

Лютикова Екатерина Анатольевна – кандидат филологических наук; доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета, МГУ имени М.В. Ломоносова; заведующий лабораторией общей лингвистики и теории грамматики, Институт современных лингвистических исследований МПГУ. E-mail: lyutikova2008@gmail.com.

Трофимова Нина Владимировна – доктор филологических наук; профессор кафедры русской литературы, Институт филологии МПГУ. E-mail: nvt.df@yandex.ru.

Туяков Валерий Николаевич – аспирант кафедры фонетики английского языка факультета иностранных языков МПГУ; преподаватель кафедры английского языка факультета экономистов-международников и факультета международных финансов, Всероссийская академия внешней торговли. E-mail: tuyakov@hotmail.com.

Galina Irina V. – Senior Researcher of Laboratory 14 for Computational Linguistics and Cognitive Technology of Text Processing, Institute of Informatics Problems, Federal Research Center «Computer Science and Control», Russian Academy of Sciences. E-mail: irn_gl@mail.ru.

Lander Yury A. – PhD in Philology; Associate Professor of Linguistics School, National Research University Higher School of Economics. E-mail: yulander@yandex.ru.

Lyutikova Ekaterina A. – PhD in Philology; Associate Professor of Department of Theoretical and Applied Linguistics of the Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University; Head of the Laboratory of General Linguistics and Grammar Theory, Institute for Modern Linguistic Research of Moscow State University of Education. E-mail: lyutikova2008@gmail.com.

Trofimova Nina V. – PhD in Philology; Professor of Department of Russian Literature, Institute of Philology of Moscow State University of Education. E-mail: nvt.df@yandex.ru.

Tuyakov Valeriy N. – Postgraduate Student of Chair of Phonetics of Foreign Languages Department of Moscow State University of Education; Senior Lecturer of Chair of the English Language, Russian Foreign Trade Academy. E-mail: tuyakov@hotmail.com.

I. Galina

Modelling the functionally synonymous transfer of the meanings of some phrase structures in the French-Russian language pair based on the material of patents texts

The article is devoted to the study of phrasal structures in French and Russian languages in terms of translation transformations which aims to create a grammar using formal approach from Multivariate Transfer Cognitive Grammar. I reviewed and systematized phenomena of transfer of functional values in the secondary predication and adjectives; I identified frequency characteristics with regard to the analysis of patent texts. The results will be used to create a language module in the linguistic processor.

Key words: syntax, semantics, functional meanings, verbal phrases, French language, machine translation.

Yu. Lander

Kabardian universal concessive conditionals

This paper provides the description of the universal concessive conditional (UCC) construction in the Kuban dialect of Kabardian, an ergative polysynthetic language of the Northwest Caucasian family. The Kabardian UCC construction involves a subordinate clause which is marked with a combination of the conditional and additive markers and obligatorily contains an interrogative pronoun with free choice semantics. More surprisingly, for some speakers, the subordinate clause in this pattern may also contain a definite pronoun which receives quantificational reading if it is higher in the hierarchy *ERGATIVE > ABSOLUTIVE > INDIRECT OBJECT > POSSESSOR/ POSTPOSITIONAL OBJECT* than the free choice interrogative pronoun. It is suggested that this can be accounted with a semantic representation involving quantification over events.

Key words: universal concessive conditional, Kabardian, free choice, event-based semantics.

E. Lyutikova

Syntax of appositive relatives

The paper discusses grammatical properties of a special semantic class or relative clauses – appositive relatives. The specific interpretation of appositive relatives is usually derived from their position in the syntactic structure: it is assumed that appositive relatives attach higher than restrictives, at least above the DP level of the modified noun phrase. As for the internal structure of appositive clauses, the mainstream hypothesis is that they do not have any special properties of their own. The paper argues that in Russian, restrictive and appositive relatives differ significantly in their internal syntactic structure.

Key words: appositive relatives, restrictive relatives, noun phrase structure, pied piping, Russian.

N. Trofimova

Traditions of Old Russian literature in the novel «Lavr» by E.G. Vodolazkin

The novel «Lavr» by E.G. Vodolazkin reflects the world view of the Russian medieval times that is depicted in the symbols and in the explanation and understanding of the events by the characters. The plot is built around the episodes of certain lives and agiographic topos. The fates and thoughts of the characters are connected with the quotes from the «Pchela» digest. There is also a number of references to the important works of Old Russian translated literature. Medieval texts are mentioned, retold and quoted creating historical background and the illusion of reality of events and characters.

Key words: E.G. Vodolazkin, «Lavr», medieval world view, medieval symbols, life description novel, agiographic topos, «Pchela».

V. Tuyakov

Some prosodic realization of irony in British oral discourse (based on British cinematographic and television discourse)

The article contains an overview of some observations made in the course of the research aimed at the identification of prosodic parameters of irony in British oral discourse. Irony is examined with regard to the specific features of British linguoculture. The author describes some tendencies in prosodic realization of ironic utterances revealed in the course of research and determines the role of prosody in conveying ironic connotation.

Key words: irony, ironic mode, prosody, context, oral speech discourse, British linguoculture.

Издание
подготовили
к печати:
редактор –
А. А. Козаренко,
корректор –
А. А. Алексеева,
обложка, макет,
компьютерная
верстка
Н. А. Попова

Rhema. Рема

Вестник МГГУ им. М. А. ШОЛОХОВА

Серия «ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ»

2016.2

Электронная версия журнала: www.mpgu.ru

Сдано в набор 20.06.2016 г.

Подписано в печать 30.06.2016 г.

Формат 60×90 1/16. Гарнитура «Times New Roman».

Объем 7 п. л.